ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1835.

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ГЛАВА I.

Царствованіе Бориса Годунова.

Г. 1598 — 1604.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла внѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флоренційское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные домы. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій.

Г. 1598. Москва встрѣчаетъ Царя.

Духовенство, Синклитъ и Чины Государственные, съ хоругвями Церкви и опечеспива, при звукѣ всѣхъ колоколовъ Московскихъ и восклицаніяхъ народа, упоеннаго радосптію, возвратились въ Кремль, уже давъ Самодержца Россіи, но еще оспавивъ его въ келліи. 26 Февраля, въ Недѣлю Сыропусптную, Борисъ въѣхалъ въ сполицу: вспрѣченный, предъ спѣнами деревянной крѣпоспи, всѣми госпями Московскими съ хлѣбомъ, съ кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугомъ и многими иными *дарами Царскими*[1], онъ ласково благодарилъ ихъ, но не хопѣлъ взяпь ничего, кромѣ хлѣба, сказавъ, чпо богапспво въ рукахъ народа ему пріяпнѣе, нежели въ Казнѣ. За госпями вспрѣпили Царя Іовъ и все *Духовенспво*; за *Духовенспвомъ* Синклитъ и народъ. Въ храмѣ Успенія оппѣвъ молебенъ, Папріархъ *вторично* благословилъ Бориса на Государспво, осѣнивъ крестомъ Живопіворящаго Древа, и клиросы пѣли многолѣпіе какъ Царю, пакъ и всему *Дому Державному*: Царицѣ Маріи Григоріевнѣ, іюному сыну ихъ Ѳеодору и дочери Ксепіи. Тогда *здравствовали* новому Монарху всѣ Россіяне; а Папріархъ, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «Славимъ Тебя, Господи: ибо Ты не пре«зрѣлъ нашего моленія, услышалъ вопль и «рыданіе Христіанъ, преложилъ ихъ скорбь «на веселіе, и даровалъ намъ Царя, коего «мы денно и нощно просили у Тебя со сле-

«зами!» Послѣ Литургіи Борисъ изъявилъ благодарность къ памяти двухъ главныхъ виновниковъ его величія: въ храмъ Св. Михаила палъ ницъ предъ гробами Іоанновымъ[2] и Ѳеодоровымъ; молился и надъ прахомъ древнѣйшихъ знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Россіи: Калиты, Донскаго, Іоанна III, да будутъ его небесными пособниками въ земныхъ дѣлахъ Царства; зашелъ во дворецъ[3]; посѣтилъ Іова въ Обители Чудовской; долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ; сказалъ ему и всѣмъ Епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирины въ ея скорби, и возвратился въ Новодѣвичій монастырь, предписавъ Думѣ Боярской, съ его вѣдома и разрѣшенія, управлять дѣлами государственными. 1593

Присяга Борису.

Между тѣмъ всѣ люди служивые съ усердіемъ цѣловали крестъ въ вѣрности къ Борису, одни предъ славною Владимірскою иконою Дѣвы Маріи, другіе у гроба Святыхъ Митрополитовъ, Петра и Іоны[4]: клялися не измѣнять Царю ни дѣломъ, ни словомъ; не умышлять на жизнь или здравіе Державнаго, не вредить ему ни ядовитымъ зеліемъ, ни чародѣйствомъ[5]; не думать о возведеніи на престолъ бывшаго Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, или сына его; не имѣть съ ними тайныхъ сношеній, ни переписки; доносить о всякихъ *скопахъ* и *заговорахъ*, безъ жалости къ друзьямъ и ближнимъ въ семъ случаѣ; не

Г. 1598. уходить въ иныя земли, въ Лицву, Германію, Испанію, Франціо или Англію. Сверхъ того Бояре, чиновники Думные и Посольскіе обязывались быть скромными въ дѣлахъ и тайнахъ государственныхъ, судіи не кривить душею въ тяжбахъ, Казначеи не корыстоваться Царскимъ достояніемъ, Дьяки не лихоимствовать. Послали въ области грамоты извѣстительныя о счастливомъ избраніи Государя, велѣли читать ихъ всенародно, три дни звонить въ колокола, и молиться въ храмахъ *сперва* о Царицѣ-Инокинѣ Александрѣ, а *послѣ* о Державномъ ея братѣ, семействѣ его, Боярахъ и воинствѣ. Патріархъ (9 Марта) Соборомъ уставилъ торжественно просить Бога, да сподобитъ Царя благословеннаго возложить на себя вѣнецъ и порфиру: уставилъ еще на вѣки вѣковъ праздновать въ Россіи 21 Февраля, день Борисова воцаренія; наконецъ предложилъ Думѣ Земской утвердить данную Монарху присягу Соборною Грамотою, съ обязательствомъ для всѣхъ чиновниковъ не уклоняться ни отъ какой службы, не требовать ничего свыше достоинства родовъ или заслуги[6], всегда и во всемъ слушаться *указа Царскаго и приговора Боярскаго*, чтобы *въ дѣлахъ Розрядныхъ и Земскихъ не доводить Государя до кручины.* Всѣ Члены Великой Думы отвѣтствовали единогласно: «даемъ обѣтъ положить свои души и голо«вы за Царя, Царицу и дѣтей ихъ!» Велѣли

Соборная грамота.

писать харпію, въ такомъ смыслѣ, перг. 1568.
вымъ грамотѣямъ Россіи.

Сіе дѣло чрезвычайное не мѣшало тече- Дѣ-
нію обыкновенныхъ дѣлъ государственныхъ, тель-
коими занимался Борисъ съ отмѣнною рев- ность Бори-
ностію, и въ келліяхъ монастыря и въ Ду- сова.
мѣ, часто пріѣзжая въ Москву. Не знали,
когда онъ находилъ время для успокоенія,
для сна и трапезы[7]: безпрестанно видѣли
его въ совѣтѣ съ Боярами и съ Дьяками, или
подлѣ несчастной Ирины, утѣшающаго и
скорбящаго, днемъ и ночью. Казалось, что
Ирина дѣйствительно имѣла нужду въ при-
сутствіи единственнаго человѣка, еще ми-
лаго ея сердцу: сраженная кончиною супруга,
искренно и нѣжно любимаго ею, она тоско-
вала и плакала неутѣшно до изнуренія силъ,
очевидно угасая и неся уже смерть въ гру-
ди, исперзанной рыданіями. Святители,
Вельможи тщетно убѣждали Царя оставить
печальную для него Обитель, переселиться
съ супругою и съ дѣтьми въ Кремлевскіе
палаты, явить себя народу въ вѣнцѣ и на
тронѣ: Борисъ отвѣтствовалъ: «не могу
«разлучиться съ Великою Государынею,
«моею сестрою злосчастною» — и даже сно-
ва, неутомимый въ лицемѣріи, увѣрялъ,
что не желаетъ быть Царемъ[8]. Но Ирина
вторично *велѣла* ему исполнить волю на-
рода и Божію, пріять скипетръ и царство-
вать не въ келліи, а на престолѣ Монома-

Г. ховомъ. Наконецъ, Апрѣля 30, подвигласъ
1598 сполица во срѣтеніе Государю!

Торжественный входъ въ столицу.

Сей день принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея Исторіи. Въ часъ упра Духовенство съ крестами и съ иконами, Синклитъ, Дворъ, Приказы, воинство, всѣ граждане ждали Царя у каменнаго моспу, близъ церкви Св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ: поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣтствовалъ всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ Царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, — девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, Ангеловъ красотою. Слыша восклицанія народа: «Вы наши Государи, мы ваши «подданные,» Ѳеодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ отцемъ ласкали чиновниковъ и гражданъ; такъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ-соль, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ даръ, и звали всѣхъ обѣдать къ Царю. Невозбранно шествуемый безчисленною толпою людей, Борисъ шелъ за Духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ Патріархъ возложилъ ему на грудь Животворящій кресть Св. Петра Митрополита (что было уже началомъ Царскаго вѣнчанія), и въ *тре-*

тій разъ благословилъ его на Великое Госу- г.
дарспво Московское. Опслушавъ Литургію, 1598.
новый Самодержецъ, провождаемый Боярами,
обходилъ всѣ главныя церкви Кремлевскія,
вездѣ молился съ пеплыми слезами, вездѣ
слышалъ радоспный кликъ гражданъ, и дер-
жа за руку своего юпаго наслѣдника, а дру-
гою ведя прелесптную Ксенію, вспупилъ съ
супругою въ палапы Царскія. Въ сей день
народъ обѣдалъ у Царя: не знали числа го-
спямъ, по всѣ были званые, опъ Папріарха
до нищаго. Москва не видала пакой роско-
пи и въ Іоанново время.—Борисъ не хопѣлъ
жипь въ комнапахъ, гдѣ скончался Ѳеодоръ:
занялъ пу часпь Кремлевскихъ палапъ, гдѣ
жила Ирина, и велѣлъ приспроипь къ нимъ
для себя новый дворецъ деревянный.

Онъ уже царспвовалъ, но еще безъ коро-
ны и скипира; еще не могъ назваться *Ца-
ремъ Боговѣнчанпымъ*, *Помазанникомъ Го-
споднимъ*. Надлежало думапь, чпо Борисъ
немедленно возложипъ на себя вѣнецъ со
всѣми поржесптвенными обрядами, копорые
въ глазахъ народа освящаюпъ лице Власпи-
пеля: сего пребовали Папріархъ и Сина-
клипъ именемъ Россіи; сего безъ сомнѣнія
охпѣлъ и Борисъ, чпобы важнымъ церков-
нымъ дѣйспвіемъ упвердипь пресполъ за
собою и своимъ родомъ: но хипрымъ умомъ
власпвуя надъ движеніями сердца, вымы-
слилъ новое очарованіе; вмѣспо скипира
взялъ мечь въ десницу и спѣшилъ въ поле,

Г. доказать, что безопасность отечества ему
1598. дороже и короны и жизни. Такъ царствова-
Знаме- ніе самое миролюбивое началося ополченіемъ,
нитое ополче- которое приводило на память возстаніе
ніе Россіянъ для битвы съ Мамаемъ!

Еще въ Марть мѣсяцѣ, изъ келліи Новодѣвичьяго монастыря, отправивъ гонца къ Хану съ дружественнымъ письмомъ, Борисъ 1 Апрѣля свѣдалъ, по донесенію Воеводы Оскольскаго[10], что плѣнникъ, взятый Козаками за Донцемъ въ сшибкѣ съ полною Крымскихъ разбойниковъ, говоритъ о намѣреніи Казы-Гирея вступить въ предѣлы Московскіе со всею Ордою и съ семью тысячами Султанскихъ воиновъ. Борисъ не усомнился въ истинѣ столь мало достовѣрнаго извѣстія, и рѣшился, не теряя времени, двинуть всю громаду нашихъ силъ къ берегамъ Оки; писалъ о томъ къ Воеводамъ убѣдительно и ласково, требуя отъ нихъ ревности въ первой, важной опасности его царствованія, въ доказательство любви къ нему и къ Россіи. Сей указъ произвелъ удивительное дѣйствіе: не было ни ослушныхъ, ни лѣнивыхъ; всѣ Дѣти Боярскіе, юные и престарѣлые, охотно садились на коней; городскія и сельскія дружины безъ отдыха спѣшили къ мѣстамъ сборнымъ. Главному стану назначили быть въ Серпуховѣ, Правой Рукѣ въ Алексинѣ, Лѣвой въ Коширѣ, Передовому Полку въ Калугѣ, Сторожевому въ Колом-

нѣ''. — 20 Апрѣля пришли новыя вѣсти : писали изъ Бѣлагорода, что Тапаринъ, схваченный Донскими Козаками на перевозѣ, сказывалъ имъ о сильномъ вооруженіи Хана; что толпы Крымскія, хотя и малочисленныя, показались въ степяхъ и гоняпъ вездѣ нашихъ спражей. Тогда Борисъ велѣлъ все изготовить для *похода Царскаго*, и 2 Мая выѣхалъ изъ Москвы въ рапномъ доспѣхѣ, взявъ съ собою пять Царевичей: Киргизскаго, Сибирскаго, Шамахинскаго, Хивинскаго и сына Кайбулина, Бояръ, Князей Мспиславскаго, Шуйскихъ, Годуновыхъ, Романовыхъ и другихъ, — многихъ знатныхъ сановниковъ, и между ими Богдана Бѣльскаго, — Печатника Василья Щелкалова, Дворянъ и Дьяковъ Думныхъ, 44 Спольника, 20 Спряпчихъ, 274 Жильца — однимъ словомъ, всѣхъ людей нужныхъ и для войны и для совѣта и для пышности Дворской. Въ Москвѣ оспался, при Царицахъ Инокинѣ Александрѣ и Маріи, юный Ѳеодоръ съ Боярами Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, Князьями Трубецкимъ, Глинскимъ, Черкасскимъ, Шестуновымъ и другими; а при Ѳеодорѣ *дядька* Иванъ Чемодановъ. Сдѣлали распоряженіе въ сполицѣ и на случай осады ея: назначили Воеводъ для защиты спѣнъ и башенъ, для объѣздовъ, вылазокъ и битвъ внѣ укрѣпленій. — 10 Мая, въ селѣ Кузминскомъ, предспавили Царю двухъ плѣнниковъ, *Липов-*

1598.

Г. 1598. скаго и Цесарскаго, ушедшихъ изъ Крыма: они увѣряли, что Ханъ уже въ полѣ и дѣйствительно идетъ на Москву. Тогда Борисъ послалъ гонцевъ ко всѣмъ начальникамъ степныхъ крѣпостей *съ милостивымъ словомъ*: въ Тулу, Осколъ, Ливны, Елецъ, Курскъ, Воронежъ; симъ гонцамъ велѣно было *спросить о здравіи* какъ Воеводъ, такъ и Дворянъ, Сотниковъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; вручить грамоты Царскія первымъ, и требовать, чтобы они читали ихъ всенародно. «Я стою на берегу Оки (писалъ Борисъ) «и смотрю на степи: гдѣ явятся непріятели, тамъ и меня увидите»[12]. Въ Серпуховѣ онъ распорядилъ Воеводство, давъ *почетное* Царевичамъ, а дѣйствительное паши Князьямъ знатнѣйшимъ: въ главной рати Мстиславскому, въ Правой Рукѣ Василію Шуйскому, въ Лѣвой Ивану Голицыну, въ Передовомъ полку Дмитрію Шуйскому, въ Сторожевомъ Тимоѳею Трубецкому. Оградою древней Россіи, въ случаѣ Ханскихъ вторженій, служили, сверхъ крѣпостей, засѣки въ мѣстахъ трудныхъ для обхода: близъ Перемышля, Лихвина, Бѣлева, Тулы, Боровска, Рязани: Государь разсмотрѣлъ чертежи ихъ[13], и послалъ туда особенныхъ Воеводъ съ Мордвою и Стрѣльцами; устроилъ еще *плавную* или судовую рать на Окѣ, чтобы тѣмъ болѣе вредить непріятелю въ битвахъ на берегахъ ея.

Видѣли, чего не видали дополѣ: *полмилліона войска*, какъ увѣряютъ[14], въ движеніи спройномъ, быстромъ, съ усердіемъ несказаннымъ, съ довѣренностію безпредѣльною. Все дѣйствовало сильно на воображеніе людей: и новость царствованія, благопріятная для надежды, и высокое мнѣніе о Борисовой, уже долговременными опытами извѣданной мудрости. Исчезло самое мѣстничество: Воеводы спрашивали только, гдѣ имъ быть, и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ Розрядными Книгами о службѣ отцевъ и дѣдовъ: ибо Царь объявилъ, что Великій Соборъ билъ ему челомъ предписать Боярамъ и Дворянству *службу безъ мѣстъ*[15]. Сія ревность, споспѣшествуя нужному повиновенію, имѣла и другое важное слѣдствіе: умножила число воиновъ, и воиновъ исправныхъ: Дворяне, Дѣти Боярскіе выѣхали въ поле на лучшихъ коняхъ, въ лучшихъ доспѣхахъ, со всѣми слугами, годными для ратнаго дѣла, къ живѣйшему удовольствію Царя, который не зналъ мѣры въ изъявленіяхъ милости: ежедневно смотрѣлъ полки и дружины, привѣтствовалъ начальниковъ и рядовыхъ, угощалъ обѣдами, и всякой разъ не менѣе десяти тысячъ людей, на серебряныхъ блюдахъ, подъ шапрами[16]. Сіи истинно Царскія угощенія продолжались шесть недѣль: ибо слухи о непріятелѣ вдругъ замолкли; разъѣзды наши уже не встрѣчали 1598. г

г. 1598. его; тишина царствовала на берегахъ Дона, и стражи, нигдѣ не видя пыли, нигдѣ не слыша конскаго топота, дремали въ безмолвіи степей. Ложные ли слухи обманули Бориса, или онъ притворнымъ легковѣріемъ обманулъ Россію, чтобы явить себя Царемъ не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его къ новому Самодержцу, въ годину опасности предпочитающему бранный шлемъ вѣнцу Мономахову, и тѣмъ удвоить блескъ своего торжественнаго воцаренія? Хитрость достойная Бориса, и едва ли сомнительная. — Вмѣсто тучи враговъ, явились въ южныхъ предѣлахъ Россіи мирные Послы Казы-Гиреевы съ нашимъ гонцемъ: Елецкіе Воеводы, 18 Іюня, донесли о томъ Борису, который наградилъ вѣстника деньгами и чиномъ[17].

Ханское посольство.

Слѣдственно ополченіе безпримѣрное, стоивъ великаго иждивенія и труда, оказалось напраснымъ? Увѣряли, что оно спасло Государство, поразивъ Хана ужасомъ; что Крымцы шли дѣйствительно, но узнавъ о возстаніи Россіи, бѣжали назадъ. По крайней мѣрѣ Царь хотѣлъ впечатлѣть ужасъ въОсловъ Ханскихъ, изъ коихъ главнымъ былъ Мурза Алей: они въѣхали въ Россію какъ въ станъ воинскій; видѣли на пути блескъ мечей и копій, многолюдныя дружины всадниковъ, красиво одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ[18]; въ лѣсахъ въ засѣкахъ слышали оклики и пальбу. Ихъ становили близъ

Серпухова, въ семи верспахъ опъ Цар- г.
скихъ шапровъ, на лугахъ Оки, гдѣ уже нѣ- 1598.
сколько дней сходилась рапь оповсюду. Тамъ, 29 Іюня, еще до разсвѣпа загремѣло спо пушекъ, и первые лучи солнца освѣпили войско несмѣпное[19], гоповое къ бипвѣ. Велѣли Крымцамъ, изумленнымъ сею ужасною спрѣльбою и симъ зрѣлищемъ грознымъ, ипти къ Царю, сквозь пѣсные ряды пѣхопы, вдали окруженной гуспыми полпами конницы. Введенные въ шаперъ Царскій, гдѣ все блиспало оружіемъ и великолѣпіемъ —гдѣ Борисъ, вмѣспо короны увѣнчанный злапымъ шлемомъ, первенспвовалъ въ сонмѣ Царевичей и Князей не сполько богапспвомъ одежды, сколько видомъ повелипельнымъ — Алей Мурза и поварищи его долго безмолвспвовали, не находя словъ опъ удивленія и замѣшапельспва; наконецъ сказали, чпо Казы-Гирей желаепъ вѣчнаго союза съ Россіею, возобновляя договоръ, заключенный въ Ѳеодорово Царспвованіе: *будетъ въ волѣ* Борисовой и гоповъ со всею Ордою ипти на враговъ Москвы. Пословъ угоспили пышно, и вмѣспѣ съ ними опправили нашихъ къ Хану, для упвержденія новой союзной грамопы его присягою.

Въ сей же день Св. Пепра и Павла Угощеніе
Царь проспился съ войскомъ, давъ ему рос- войска.
кошный обѣдъ въ полѣ[20]: 50,000 госпей пировало на лугахъ Оки; яспва, медъ и вино развозили обозами; чиновниковъ дарили бар-

Г. 1598. хатами, парчами и камками. Послѣднимъ словомъ Царя было: «люблю воинство Хри-«стіанское и надѣюсь на его вѣрность.» Громкія благословенія провождали Бориса далеко по Московской дорогѣ. Воеводы, ратники были въ восхищеніи отъ Государя столь мудраго, ласковаго и счастливаго: ибо онъ безъ кровопролитія, одною угрозою, далъ отечеству вожделѣннѣйшій плодъ самой блестящей побѣды: тишину, безопасность и честь! Россіяне надѣялись, говоритъ Лѣтописецъ, что все царствованіе Борисово будетъ подобно его началу, и славили Царя искренно. — Для наблюденія осталась часть войска на Окѣ; другая пошла къ границѣ Литовской и Шведской; большую часть распустили: но всѣ знатнѣйшіе чиновники спѣшили въ слѣдъ за Государемъ въ столицу.

Рѣчь Патріарха.

Тамъ новое торжество ожидало Бориса: вся Москва встрѣтила его, какъ нѣкогда Іоанна, завоевателя Казани, и Патріархъ въ привѣтственной рѣчи сказалъ ему: «Богомъ «избранный, Богомъ возлюбленный, Великій «Самодержецъ! мы видимъ славу твою: ты «благодаришь Всевышняго! Благодаримъ Его «вмѣстѣ съ тобою; но радуйся же и ве-«селися съ нами, совершивъ подвигъ без-«смертный! Государство, жизнь и достоя-«ніе людей цѣлы; а лютый врагъ, прекло-«нивъ колѣна, молитъ о мирѣ! *Ты не скрылъ,* «*но умножилъ талантъ свой* въ семъ слу-

«чаѣ удивительномъ, ознаменованномъ болѣе г.
«нежели человѣческою мудростію . . . Здрав- 1598.
«ствуй о Господѣ, Царь любезный Небу и
«народу! Отъ радости плачемъ, и тебѣ
«кланяемся[21]». Патріархъ, Духовенство и
народъ преклонились до земли. Изъявляя
чувствительность и смиреніе, Государь
спѣшилъ въ храмъ Успенія, славословить
Всевышняго, и въ монастырь Новодѣвичій,
къ печальной Иринѣ. Всѣ домы были укра-
шены зеленью и цвѣтами.

Но Борисъ еще отложилъ свое Царское вѣнчаніе до 1 Сентября, чтобы совершить сей важный обрядъ въ Новое лѣто, въ день общаго доброжелательства и надеждъ, лестныхъ для сердца. Между тѣмъ грамота избирательная была написана отъ имени Земской Думы, съ такимъ прибавленіемъ: «Всѣмъ ослушникамъ Царской воли неблаго- «словеніе и клятва отъ Церкви[22], месть и «казнь отъ Синклита и Государства; клят- «ва и казнь всякому мятежнику, *раскольнику* «*любопрительному*, который дерзнетъ про- «тиворѣчить дѣянію Соборному и колебать «умы людей молвами злыми, кто бы онъ «ни былъ, Священнаго ли сана или Бояр- «скаго, Думнаго или воинскаго, гражданинъ «или Вельможа: да погибнетъ и память его «во вѣки!» Сію грамоту утвердили, 1 Августа, своими подписями и печатями Борисъ и юный Ѳеодоръ, Іовъ, всѣ Святители, Архимандриты, Игумены, Протопопы,

Прибавленіе къ грамотѣ избирательной.

Г. 1599. Келари, Старцы чиновные,—Бояре, Окольничіе, знатные сановники Двора, Печатникъ Василій Щелкаловъ, Думные Дворяне и Дьяки, Стольники, Дьяки Приказовъ, Дворяне, Стряпчіе и Выборные изъ городовъ, Жильцы, Дьяки нижней степени, гости, Сотскіе, числомъ около пяти сотъ: одинъ списокъ ея былъ положенъ въ сокровищницу Царскую, гдѣ лежали государственные уставы прежнихъ Вѣнценосцевъ, а другій въ Патріаршую ризницу, въ храмѣ Успенія. — Казалось, что мудрость человѣческая сдѣлала все возможное для твердаго союза между Государемъ и Государствомъ!

Царское вѣнчаніе.

Наконецъ Борисъ вѣнчался на Царство, еще пышнѣе и торжественнѣе Ѳеодора, ибо пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ Вселенскаго Патріарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвіи; но когда Царь, осѣненный десницею Первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства какъ бы забывъ уставъ церковный среди Литургіи возгласилъ громогласно[25]: «Отче, Великій Патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ Царствѣ не будетъ «ни сираго, ни бѣднаго» — и тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: «отдамъ и сію «послѣднюю народу:» тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; Бояре славословили Монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый Вѣнценосецъ, тронутый знаками общей

къ нему любви, погда же произнесъ и дру- г.
гій важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь 1598.
самыхъ преступниковъ и единственно уда-
ляпь ихъ въ пустыни Сибирскія[24]. Однимъ
словомъ, никакое Царское вѣнчаніе въ Рос-
сіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на во-
браженіе и чувство людей. — Осыпанный
въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ
Мстиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ дер-
жавою и скиптромъ спѣшилъ въ Царскую Мило-
палату, занять мѣсто Варяжскихъ Князей сти.
на тронѣ Россіи, чтобы милостями, ще-
дротами и государственными благодѣяніями
праздновать сей день великій.

Началося съ Двора и Синклита: Борисъ Но-
пожаловалъ Царевича Киргизскаго, Уразъ- вый
Магмета, въ Цари Касимовскіе[25]; Дмитрія Царь
Ивановича Годунова въ Конюшіе, Степана Каси-
Васильевича Годунова въ Дворецкіе (на мѣ- мов-
сто добраго Григорья Васильевича, кото- скій.
рый одинъ не радовался возвышенію своего
рода[26], и въ тайной горести умеръ); Кня-
зей Капырева, Черкасскаго, Трубецкаго,
Ногтпкова и Александра Романова-Юрьева
въ Бояре; Михайла Романова, Бѣльскаго
(любимца Іоаннова и своего бывшаго друга)
Криваго-Салтыкова (также любимца Іоан-
нова) и четырехъ Годуновыхъ въ Окольни-
чіе; многихъ въ Спольники и въ иные чины.
Всѣмъ людямъ служивымъ, воинскимъ и
гражданскимъ, онъ указалъ выдать двойное
жалованье[27], госпямъ Московскимъ и другимъ

торговать безпошлинно два года, а земледѣльцевъ казенныхъ и самыхъ дикихъ жителей Сибирскихъ освободить отъ податей на годъ. Къ симъ милостямъ чрезвычайнымъ прибавилъ еще новую для крестьянъ господскихъ: уставилъ, сколько имъ работать и платить господамъ законно и безобидно[28].— Обнародовавъ съ престола сіи Царскія благодѣянія, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ пирами.

Казалось, что и Судьба благопріятствовала новому Монарху, ознаменовавъ начало его Державства и вождѣленнымъ миромъ и счастливымъ успѣхомъ оружія, въ битвѣ маловажной числомъ воиновъ, но достопамятной своими обстоятельствами и слѣдствіями, мѣстомъ побѣды, на краю свѣта, и лицемъ побѣжденнаго. Мы оставили Царя-изгнанника Сибирскаго, Кучюма, въ степи Барабинской[29], непреклоннаго къ милостивымъ предложеніямъ Ѳеодоровымъ, неупокоимаго въ набѣгахъ на отнятыя у него земли, и все еще для насъ опаснаго. Воевода Тарскій, Андрей Воейковъ, выступилъ (4 Августа 1598) съ 397 Козаками, Литовцами и людьми ясашными къ берегамъ Оби, гдѣ, среди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и вдали окруженныхъ болотами, гнѣздился Кучюмъ съ бѣдными остатками своего Царства, съ женами, съ дѣтьми, съ вѣрными ему Князьями и воинами, числомъ до пяти сотъ[30]. Онъ не ждалъ врага: бодрый Воейковъ шелъ

день и ночь, кинувъ обозъ; имѣлъ лазупчи- Г.
ковъ, хватилъ непріятельскихъ, и 20 Авгу- 1589.
ста, предъ восходомъ солнца, напалъ на укрѣпленный станъ Ханскій. Цѣлый день продолжалась битва, уже послѣдняя для Кучюма: его братъ и сынъ, Илипенъ и Канъ Царевичи, 6 Князей, 10 Мурзъ, 150 лучшихъ воиновъ пали отъ стрѣльбы нашихъ, которые около вечера выпѣснили Татаръ изъ укрѣпленія, прижали къ рѣкѣ, утопили ихъ болѣе ста и взяли 50 плѣнниковъ; не многіе спаслися на судахъ въ темноту ночи. Такъ Воейковъ отмстилъ Кучюму за гибель Ермака неосторожнаго! Восемь женъ, пять сыновей и восемь дочерей Ханскихъ, пять Князей и не мало богатства достались въ рукахъ побѣдителя. Не зная о судьбѣ Кучюма, и думая, что онъ, подобно Ермаку, утонулъ во глубинѣ рѣки, Воейковъ не разсудилъ за благо итти далѣе: сжегъ, чего не могъ взять съ собою, и съ знатными своими плѣнниками возвратился въ Тару, донести Борису, что въ Сибири уже нѣтъ инаго Царя, кромѣ Россійскаго. Но Кучюмъ еще жилъ, двумя усердными слугами во время битвы увезенный на лодкѣ внизъ по Оби, въ землю Чатскую. Еще Воеводы наши снова предлагали ему ѣхать въ Москву, соединиться съ его семействомъ и мирно дожить вѣкъ благодѣяніями Государя великодушнаго. Сеитъ, именемъ Тулъ-Мегметъ, посланный Воейковымъ, нашелъ

г. 1598. Кучюма въ лѣсу, близъ того мѣспа, гдѣ лежали пѣла убипыхъ Россіянами Тапаръ на берегу Оби: слѣпый спарецъ, неодолимый бѣдспвіями, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный премя сыновьями и придцапью вѣрными слугами; выслушалъ рѣчь Сеипову о милоспи Царя Московскаго, и спокойно опвѣпспвовалъ: «Я не поѣхалъ къ нему «и въ лучшее время, доброю волею, цѣлый «и богапый: пеперь поѣду ли за смерпію? «Я слѣпъ и глухъ, бѣденъ и сиръ. Жалѣю «не о богапспвѣ, но полько о миломъ сынѣ «Асманакѣ, взяпомъ Россіянами: съ нимъ «однимъ, безъ Царспва и богапспва, безъ «женъ и другихъ сыновей, я могъ бы еще «жипь на свѣпѣ. Пеперь посылаю оспальныхъ дѣпей въ Бухарію, а самъ ѣду къ «Ногаямъ[31].» Онъ не имѣлъ ни пеплой одежды, ни коней, и просилъ ихъ изъ милоспи у своихъ бывшихъ подданныхъ, жипелей Чапской волоспи, копорые уже обѣщались быпь данниками Россіи: они прислали ему одного коня и шубу. Кучюмъ возвращился на мѣспо бипвы, и памъ, въ присупспвіи Сеипа, занимался два дни погребеніемъ мертвыхъ шѣлъ; въ пpепій день сѣлъ на коня — и скрылся для Испоріи. Оспались только невѣрные слухи о бѣдспвенной его кончинѣ: пишупъ, чпо онъ, скипаясь въ спепяхъ Верхняго Ирпыша, въ землѣ Калмыцкой, и близъ озера Заисанъ-Нора похипивъ нѣсколько лошадей, былъ гонимъ

жипелями изъ пуспыни въ пуспыню, раз- Г.
бипъ на берегу озера Кургальчина, и почпи 1598.
одинъ явился въ Улусѣ Ногаевъ, копорые Ги-
безжалоспно умерпвили слѣпаго спарца из- бель
гнанника, сказавъ: «Опецъ пвой насъ гра- Кучю-
«билъ; а пы не лучше опца[32].» Вѣспь о ма.
семъ происшеспвіи обрадовала Москву и Россію: Борисъ съ донесеніемъ Воейкова спѣшилъ ночью въ монаспырь къ Иринѣ, любя дѣлипь съ нею всѣ чиспыя удоволь-спвія Державнаго сана[33]. Испребленіе Кучюма, перваго и послѣдняго Царя Сибирска-го, если не могущеспвомъ, по непреклон-ною пвердоспію въ злосчаспіи доспопамяп-наго, какъ бы запечаплѣло для насъ господ-спво надъ полунощною Азіею. Въ сполицѣ и во всѣхъ городахъ снова праздновали за-воеваніе сего неизмѣримаго края, звономъ колокольнымъ и молебнами. Воейкова награ-дили золопою медалью, а его сподвижни-ковъ деньгами; велѣли привезпи знапныхъ плѣнниковъ въ Москву и дали народу удо-вольспвіе видѣпь ихъ поржеспвенный въѣздъ Г.
(въ Генварѣ 1599). Жены, дочери, невѣспки 1559.
и сыновья Кучюмовы (юноши Асманакъ и Шаимъ, опрокъ Бабадша, младенцы Кумушъ и Молла) ѣхали въ богапыхъ *рпъзныхъ* са-няхъ: Царицы и Царевны въ шубахъ бар-хапныхъ, апласныхъ и камчапныхъ, укра-шенныхъ золопомъ и кружевомъ; Царевичи въ ферезяхъ багряныхъ, на мѣхахъ драго-цѣнныхъ; впереди и за ними множеспво всад-

Г. 1599. никовъ, Дѣтей Боярскихъ, по два въ рядъ, всѣ въ шубахъ собольихъ, съ пищалями. Улицы были наполнены зрителями, Россіянами и чужеземцами[54]. Царицъ и Царевичей размѣстили въ особенныхъ домахъ, купеческихъ и Дворянскихъ; давали имъ содержаніе приспойное, но весьма умѣренное; наконецъ отпустили женъ и дочерей Ханскихъ въ Касимовъ и въ Бѣжецкій Верхъ, къ Царю Уразъ-Магмету и къ Царевичу Сибирскому Мамешкулу, согласно съ желаніемъ тѣхъ и другихъ. Сынъ Кучюмовъ Абдулъ-Хаиръ, взятый въ плѣнъ еще въ 1591 году, принялъ тогда Христіанскую Вѣру и былъ названъ Андреемъ.

Съ сего времени уже не имѣя войны, но единственно усмиряя, безъ важныхъ усилій, строптивость нашихъ данниковъ въ Сибири, и страхомъ или выгодами мирной, дѣятельной власти умножая число ихъ, мы

Г. 1598. —604. спокойно занимались тѣмъ основаніемъ новыхъ городовъ: Верхотурья въ 1598, Мангазеи и Туринска въ 1600, Томска въ 1604 годахъ[55]; населяли ихъ людьми воинскими, семейными, особенно Козаками Липовскими или Малороссійскими, и самыхъ коренныхъ жителей Сибирскихъ употребляли на ратное дѣло, вселяя въ нихъ усердіе къ службѣ льготою и честію, такъ что они съ величайшею ревностію содѣйствовали намъ въ покореніи своихъ единоземцевъ. Однимъ словомъ, если случай далъ Іоанну Сибирь, то государственный умъ Борисовъ надежно

и прочно вмѣспилъ ее въ сосспавъ Россіи. Г.

Въ дѣлахъ внѣшней Полипики Россійской ничпо не перемѣнилось: ни духъ ея, ни виды. Мы вездѣ хопѣли мира или пріобрѣпеній безъ войны, гоповясь единспвенно къ оборонипельной; не вѣрили доброжелапельспву пѣхъ, коихъ польза была несовмѣспна съ нашею, и не упускали случая вредипь имъ безъ явнаго нарушенія договоровъ. 1598 —604. Дѣла внѣшней Полипики.

Ханъ, увѣряя Россію въ своей дружбѣ, опкладывалъ поржеспвенное заключеніе новаго договора съ новымъ Царемъ: между пѣмъ Донскіе Козаки превожили набѣгами Тавриду, а Крымскіе разбойники Бѣлогородскую обласпь[56]. Наконецъ, въ Іюнѣ 1602 года, Казы-Гирей, принявъ дары, оцѣненные въ 14,000 рублей, вручилъ Послу, Князю Григорію Волконскому, Шерпную грамопу со всѣми поржеспвенными обрядами, но еще хопѣлъ придцапи пысячь рублей и жаловался, чпо Россіяне спѣсняюпъ Ханскіе Улусы основаніемъ крѣпоспей въ спепяхъ, копорыя были дополѣ привольемъ Тапарскимъ. «Не видимъ ли» (говорилъ онъ) «ва«шего умысла, сполъ недружелюбнаго? Вы «хопипе задушипь насъ въ оградѣ. А я «вамъ другъ, какіихъ мало. Сулпанъ живепъ «мыслію ипіпи войною на Россію, но слы«шипъ опъ меня всегда одно слово: *далеко!* «*тамъ пустыни, лѣса, воды, болота, грязи* «*непроходимыя.*» Царь оппвѣпспвовалъ, чпо казна его испощилась опъ милоспей оказан-

Г. 1598. —604. ныхъ войску и народу; что крѣпости основаны единственно для безопасности нашихъ Посольствъ къ Хану и для обузданія хищныхъ Донскихъ Козаковъ; что мы, имѣя рать сильную, не боимся Султановой. Любимецъ Казы-Гиреевъ, Ахметъ-Челибей, присланный къ Царю съ союзною грамотою, требовалъ опъ него клятвы въ вѣрномъ исполненіи взаимныхъ условій: Борисъ взялъ въ руки *книгу* (безъ сомнѣнія не Евангеліе), и сказалъ: «обѣщаю искреннее дружество «Казы-Гирею: вотъ моя *большая присяга*;» не хотѣлъ ни цѣловать креста, ни показать сей книги Челибею, коего увѣряли, что Государь Россійскій изъ особенной любви къ Хану изустно произнесъ священное обязательство союза, и что договоры съ иными Вѣнценосцами утверждаются только Боярскимъ словомъ. Такъ Борисъ, вопреки древнему обыкновенію, уклонился опъ безполезнаго униженія святыни въ дѣлахъ съ варварами, уважающими одну корысть и силу; чествилъ Хана умѣренными дарами, а всего болѣе надѣялся на войско, готовое для защиты юговосточныхъ предѣловъ Россіи, и сохранилъ ихъ спокойствіе. Были взаимныя досады, однакожь безъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій. Въ 1603 году Казы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ изъ Тавриды новаго Посла Государева, Князя Боряпинскаго, за то, что онъ не хотѣлъ удержать Донскихъ Козаковъ опъ впаденія въ Кара-

санскій Улусъ, оппѣпспвуя грубо: «у васъ г.
«еспь сабля; а мое дѣло сноспться полько 1598
»съ Ханомъ, не съ ворами Козаками. « Но —604.
сей случай не произвелъ разрыва: Ханъ жаловался безъ угрозъ, и подпвердилъ обязапельспво умерепть нашимъ другомъ, опасаясь погда Султана и думая найпи защипника въ Борисѣ.

Въ дѣлахъ съ Липвою и съ Швеціею Борисъ пакже спарался возвыспить досполнспво Россіи, пользуясь случаемъ и временемъ. Сигизмундъ, именемъ еще Король Швеціи, уже воевалъ съ ея Правипелемъ, дядею своимъ Герцогомъ Карломъ, и склонилъ Вельможныхъ Пановъ къ учаспію въ семъ междоусобіи, уступивъ ихъ опечеспву Эспонію. Въ такихъ благопріятныхъ для насъ обспояпельспвахъ Липва домогалась прочнаго мира, а Швеція союза съ Россіею: Борисъ же, изъявляя готовноспь къ пому и къ другому, вымышлялъ легкій способъ взять у нихъ, чпо было нашимъ, и чпо мы уступили имъ невольно: древнія Орденскія владѣпія, о коихъ сполько жалѣлъ Іоанпъ, жалѣла и Россія, купивъ оныя долговременными, кровавыми прудами и за ничпо опдавъ власполюбивымъ иноземцамъ.

Судьба Принца Шведскаго, Густава, въ Россіи

Мы упоминали о сынѣ Шведскаго Короля Эрика, изгнанникѣ Гуспавѣ[57]. Скипаясь изъ земли въ землю, онъ жилъ нѣсколько времени въ Торнѣ, скуднымъ жалованьемъ брапа своего, Сигизмунда, и рѣшился (въ 1599 году)

Г. искапь счаспія въ нашемъ опечеспвѣ, куда
1598 звали его и Ѳеодоръ и Борисъ, предлагая
—604. ему не полько временное убѣжище, но и знат-
ное помѣспье или Удѣлъ. На границѣ, въ
Новѣгородѣ, въ Твери ждали Гуспава сапов-
ники Царскіе, съ правѣспивіями и дарами[38];
одѣли въ золопо и въ бархапъ; ввезли въ
Москву на богапой колесницѣ; предспавили
Государю въ самомъ пышномъ собраніи Двора.
Поцѣловавъ руку у Бориса и юнаго Ѳеодора,
Гуспавъ произнесъ рѣчь (зная Славянскій
языкъ); сѣлъ на золопомъ изголовьѣ; обѣ-
далъ у Царя за споломъ особеннымъ, имѣя
особеннаго Крайчаго и Чашника. Ему дали
огромный домъ, чиновниковъ и слугъ, мно-
жеспво драгоцѣнныхъ сосудовъ и чашъ изъ
кладовыхъ Царскихъ; накопецъ Удѣлъ Ка-
лужскій, при города съ волоспями, для до-
хода[39]. Однимъ словомъ, послѣ Борисова се-
мейспва Гуспавъ казался первымъ челове-
комъ въ Россіи, ежедневно ласкаемый и да-
римый. Онъ имѣлъ доспоинспва: душевное
благородспво, искренноспь, свѣдѣнія рѣдкія
въ Наукахъ, особенно въ Химіи, пакъ что
заслужилъ имя впораго Ѳеофраспа Парацель-
са; зналъ языки, кромѣ Шведскаго и Славян-
скаго, Ипаліянскій, Нѣмецкій, Французскій[40];
много видѣлъ въ свѣпѣ, съ умомъ любопып-
нымъ, и говорилъ пріяпно. Но не сіи до-
споинспва и знанія были виною Царской къ
нему милоспи: Борисъ мыслилъ упопребить
его въ орудіе Полипики, какъ впораго Маг-

нуса, желая имѣть въ немъ спрашилище для Сигизмунда и Карла; обольстилъ Густава надеждою быть Властителемъ Ливоніи съ помощію Россіи, и хитро приступилъ къ дѣлу, чтобы обольстить и Ливонію. Еще многіе сановники Дерптскіе и Нарвскіе жили въ Москвѣ съ женами и дѣтьми, въ неволѣ сносной, однакожь горестной для нихъ, лишенныхъ отечества и состоянія: Борисъ далъ имъ свободу, съ условіемъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрности неизмѣнной; ѣздили, куда хотятъ: въ Ригу, въ Липву, въ Германію для торговли, но вездѣ были его усердными слугами, наблюдали, вывѣдывали важное для Россіи, и тайно доносили о томъ Печатнику Щелкалову. Сіи люди, нѣкогда купцы богатые, уже не имѣли денегъ: Царь велѣлъ имъ раздать до двадцати пять тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, чтобы они тѣмъ ревностнѣе служили Россіи и преклоняли къ ней своихъ единоземцевъ[11]. Зная неудовольствіе жителей Рижскихъ и другихъ Ливонцевъ, утѣсняемыхъ Правительствомъ и въ гражданской жизни и въ богослуженіи, Царь велѣлъ тайно сказать имъ, что если хотятъ они спасти вольность свою и Вѣру отцевъ; если ужасаются мысли рабствовать всегда подъ тяжкимъ игомъ Липвы и сдѣлаться *Папистами или Іезуитами*: то щитъ Россіи надъ ними, а мечь ея надъ ихъ утѣснителями; что сильнѣйшій изъ Венценосцевъ, равно славный и мудро-

г. 1598 —604.

Г. 1598 —604. спію и человѣколюбіемъ, желаетъ быть отцемъ болѣе, нежели Государемъ Ливоніи, и ждетъ Депутатовъ изъ Риги, Дерпта и Нарвы для заключенія условій, которыя будутъ утверждены присягою Бояръ; что свобода, законы и Вѣра останутся тамъ неприкосновенными подъ его верховною властію[42]. Въ то же время Воеводы Псковскіе должны были искусно разгласить въ Ливоніи, что Густавъ, столь милостиво принятый Царемъ, немедленно вступитъ въ ея предѣлы съ нашимъ войскомъ, дабы изгнать Поляковъ, Шведовъ, и господствовать въ ней съ правомъ наслѣдственнаго Державца, но съ обязанностію Россійскаго присяжника. Самъ Густавъ писалъ къ Герцогу Карлу: «Европѣ извѣстна бѣдственная судьба моего родителя; а тебѣ извѣстны ея виновники и мои гонители: оставляю месть Богу. Нынѣ я въ *тихомъ* и *безбоязненномъ* «*пристанищѣ*, у великаго Монарха, милостиваго къ несчастнымъ Державнаго племени. «Здѣсь могу быть полезенъ нашему любезному отечеству, если ты уступишь мнѣ «Эстонію, угрожаемую Сигизмундовымъ вла«столюбіемъ: съ помощію Божіею и Цар«скою буду не только стоять за города ея, «но возьму и всю Ливонію, мою законную «отчину.» Замѣтимъ, что о семъ письмѣ не упоминается въ нашихъ переговорахъ съ Швеціею; оно едва ли было доставлено Герцогу: сочиненное, какъ вѣроятно, въ При-

казъ Московскомъ, ходило единспвенно въ списках изъ рукъ въ руки между Ливонскими гражданами, чтобы волновать ихъ умы въ пользу Борисова замысла. Такъ мы хитрили, будучи въ перемиріи съ Литвою и въ миръ съ Швеціею! г. 1598—604.

Но сія хитрость, не чуждая коварства, оспалась безплодною — опть трехъ причинъ: 1) Ливонцы издревле страшились и не любили Россіи; помнили исторію Магнуса и видѣли еще слѣды Іоаннова свирѣпства въ ихъ отечествѣ; слушали наши обѣщанія и не вѣрили. Только нѣкоторые изъ Нарвскихъ жителей, тайно сносясь съ Борисомъ, умышляли сдать ему сей городъ; но, обличенные въ сей измѣнѣ, были казнены всенародно[43]. 2) Мы имѣли лазутчиковъ, а Сигизмундъ и Карлъ войско въ Ливоніи: могла ли она, если бы и хотѣла, думать о Посольствѣ въ Москву? 3) Густавъ лишился милости Бориса, который думалъ женить его на Царевнѣ Ксеніи, съ условіемъ, чтобы онъ исповѣдывалъ одну Вѣру съ нею; но Густавъ не согласился измѣнить своему Закону, ни оставить любовницы, привезенной имъ съ собою изъ Данцига[44]; не хотѣлъ быть, какъ пишутъ, и слѣпымъ орудіемъ нашей Политики ко вреду Швеціи; требовалъ отпуска, и, разгорячennый виномъ, въ присутствіи Борисова Медика, Фидлера, грозился зажечь Москву, если не дадутъ ему свободы выѣхать изъ Россіи: Фидлеръ сказалъ о томъ Боярину

Г. 1598—604. Семену Годунову, а Боярин Царю, который, въ гнѣвѣ опинявъ у неблагодарнаго и сокровища и города, велѣлъ держать его подъ стражею въ домѣ; однакожь скоро умилосшивился и далъ ему, вмѣсто Калуги, разоренный Угличь. Густавъ (въ 1601 году) снова былъ у Царя, но уже не обѣдалъ съ нимъ[45]; удалился въ свое помѣстье, и тамъ, среди печальныхъ развалинъ, спокойно занимался Химіею, до конца Борисовой жизни. Неволею перевезенный погда въ Ярославль, а послѣ въ Кашинъ, сей несчастный Принцъ умеръ въ 1607 году, жалуясь на вѣтреность той женщины, которой онъ пожертвовалъ блестящею долею въ Россіи. Уединенную могилу его въ прекрасной березовой рощѣ, на берегу Кашенки, видѣли знаменитый Шведскій Военачальникъ, Іаковъ де-ла-Гарди, и Посланникъ Карла IX, Петрей, въ царствованіе Шуйскаго[46].

Переміріе съ Литвою.

Между тѣмъ мы имѣли случай гордостію опплатить Сигизмунду за уничиженіе, претерпѣнное Іоанномъ отъ Баторія. Великій Посолъ Липовскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, пріѣхавъ въ Москву, жилъ шесть недѣль въ праздности, для того, какъ ему сказывали, что Царь мучился подагрою. Представленный Борису (16 Ноября 1600), Сапѣга явилъ условія, начертанныя Варшавскимъ Сеймомъ, для заключенія вѣчнаго мира съ Россіею: ихъ выслушали, опвергнули и еще нѣсколько мѣсяцевъ держали Сапѣгу въ скучномъ уеди-

нeнiи, такъ, что онъ грозился сѣсть на коня и безъ дѣла уѣхать изъ Москвы[47]. Наконецъ, будто бы изъ уваженія къ милостивому ходатайству юнаго Борисова сына, Государь велѣлъ Думнымъ Совѣтникамъ заключить перемиріе съ Литвою на 20 лѣтъ. 11 Марта (1601 года) написали грамоту, но не хотѣли именовать въ ней Сигизмунда *Королемъ Швеціи*, подъ лукавымъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ ни Ѳеодора, ни Бориса о своемъ восшествіи на тронъ отцевскій: въ самомъ же дѣлѣ мы пользовались случаемъ мести, за старое упрямство Литвы называть Государей Россійскихъ единственно Великими Князьями, и тѣмъ еще давали себѣ право на благодарность Шведскаго Властителя — право входить съ нимъ въ договоры, какъ съ законнымъ Монархомъ. Тщетно Сапѣга возражалъ, требовалъ, молилъ, даже *съ слезами*[48], чтобы внести въ грамоту весь титулъ Королевскій: ее послали къ Сигизмунду для утвержденія съ Бояриномъ, Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и съ Думнымъ Дьякомъ, Аѳанасьемъ Власьевымъ, которые, не взирая на худое гостепріимство въ Литвѣ, успѣли въ главномъ дѣлѣ, къ чести Двора Московскаго. Сигизмундъ предводительствовалъ тогда войскомъ въ Ливоніи и звалъ ихъ къ себѣ въ Ригу: они сказали: «будемъ «ждать Короля въ Вильнѣ» — и поставили на своемъ; въ глубокую осень жили нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ ша-

1593–604.

г. прахъ; терпѣли холодъ и недостаткъ[49], но принудили Короля ѣхать для нихъ въ Вильну, гдѣ начались жаркія прѣнія. Лишовскіе Вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: «если дѣйствительно хотите «мира, то признайте нашего Короля Швед- «скимъ, а Эстонію собственностію Польши.» Салтыковъ отвѣчалъ: «Миръ вамъ нужнѣе, «нежели намъ. Эстонія и Ливонія собствен- «ность Россіи отъ временъ Ярослава Вели- «каго; а Шведскимъ Королевствомъ владѣетъ «нынѣ Герцогъ Карлъ: Царь не даетъ ти- «кому пустыхъ титуловъ.» .... «Карлъ есть «измѣнникъ и хищникъ,» возражали Паны: «Государь вашъ перестанетъ ли называться «въ титулѣ *Астраханскимъ* или *Сибирскимъ*, «если какой нибудь разбойникъ на время за- «владѣетъ сими землями? Знатная часть «Венгріи нынѣ въ рукахъ Султана, но Цесарь «именуется Венгерскимъ, а Король Испан- «скій Іерусалимскимъ.» Убѣжденія остались безъ дѣйствія; но Сигизмундъ, цѣлуя крестъ предъ нашими Послами (7 Генваря 1602) съ обѣщаніемъ свято хранить договоръ, при- молвилъ: «клянуся именемъ Божіимъ умереть «съ моимъ наслѣдственнымъ титуломъ Ко- «роля Шведскаго, не уступать никому Эсто- «ніи и въ теченіе сего двадцатилѣтняго «перемирія добывать Нарвы, Ревеля и дру- «гихъ городовъ ея, кѣмъ бы они ни были «заняты.» Тутъ Салтыковъ выступилъ и сказалъ громко: «Король Сигизмундъ! цѣлуй

1598 —604.

«крестъ къ Великому Государю, Борису Θео- Г.
«доровичу, по точнымъ словамъ грамоты, 1598
«безъ всякаго прибавленія — или кляпва не —604.
«въ кляпву!» Сигизмундъ долженъ былъ переговорить свою рѣчь, какъ пребовалъ Бояринъ и смыслъ грамоты. Слѣдственно въ Москвѣ и въ Вильнѣ Политика Россійская одержала верхъ надъ Литовскою: Король уступилъ, ибо не хотѣлъ воевать въ одно время и съ Шведами и съ нами; устоялъ только въ отказѣ величать Бориса именемъ *Царя* и *Самодержца*: чего мы пребовали и въ Москвѣ и въ Вильнѣ, но удовольствовались словомъ, что сей титулъ безспорно будетъ данъ Королемъ Борису при заключеніи мира вѣчнаго. «Хорошо» (говорили Паны) «и двадцать лѣтъ не литъ Христіанской крови: еще лучше успокоить навсегда «обѣ Державы. Двадцать лѣтъ пройдутъ «скоро; а кто будетъ тогда Государемъ и «въ Литвѣ и въ Россіи, неизвѣстно[50].» Замѣтимъ еще обстоятельство достопамятное: Послы Московскіе, въ день своего отпуска пируя во дворцѣ Королевскомъ, увидѣли юнаго Сигизмундова сына, Владислава, и какъ бы въ предчувствіи будущаго звались цѣловать у него руку: сей опрокъ семилѣтній, коему надлежало, въ возрастѣ юноши, явиться столь важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ нашей Исторіи, привѣтствовалъ ихъ умно и ласково; вставъ съ мѣста и снявъ съ себя шляпу, велѣлъ кла-

Г 1598. —604. пяться Царевичу Θеодору и сказать ему, что желаетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ. Знатный Бояринъ Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ, который замѣнилъ Щелкалова въ дѣлахъ государственныхъ, могли, храня въ душѣ пріятное воспоминаніе о юномъ Владиславѣ, вселить во многихъ Россіянъ добрыя мысли о семъ, дѣйствительно любезномъ Королевичѣ. — Возвратясь, Послы донесли Борису, что онъ можетъ быть увѣренъ въ безопасности и тишинѣ съ Литовской стороны на долгое время; что Король и Паны знаютъ, видятъ силу Россіи, управляемую столь мудрымъ Государемъ, и конечно не помыслятъ нарушить договора ни въ какомъ случаѣ, внутренно славя миролюбіе Царя какъ особенную милость Божію къ ихъ отечеству.

Сношенія съ Швеціею.

Мы сказали, что Правитель Швеціи искалъ союза Россіи: Борисъ, убѣждая Герцога не мириться съ Сигизмундомъ, дозволялъ Шведамъ итти изъ Финляндіи къ Дерпту чрезъ Новогородское владѣніе [31], и хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними для изгнанія Поляковъ изъ Ливоніи. Королевскіе чиновники ѣздили въ Москву, наши въ Стокгольмъ съ изъявленіями взаимнаго дружества. Въ знакъ чрезвычайнаго уваженія къ Борису, Герцогъ тайно спрашивалъ у него, *исполнить* ли ему волю Чиновъ Государственныхъ и назваться ли *Королемъ* Шведскимъ? Царь совѣтовалъ *исполнить*, *и немедленно*, *для*

истиннаго блага Швеціи, и тѣмъ заслужилъ живѣйшую признательность Карлову[52]; совѣтовалъ искренно, ибо безопасность Россіи требовала, чтобы Лифва и Швеція имѣли разныхъ Властителей. Но мы желали Нарвы, и для того хитрый Царь (въ Февралѣ 1601) объявилъ Шведскимъ Посламъ, Карлу Гендрихсону и Георгію Клаусону, бывшимъ у насъ въ одно время съ Липовскимъ Канцлеромъ Сапѣгою, что должно еще снова разсмотрѣть и торжественно утвердить мирную грамоту 1597 года[53], писанную отъ имени Ѳеодорова и Сигизмундова; что она недѣйствительна, ибо Сигизмундъ не утвердилъ ее; что обстоятельства перемѣнились, и что сей Король готовъ уступить намъ часть Ливоніи, если будемъ помогать ему въ войнѣ съ Герцогомъ. Послы удивились. «Мы заключили миръ» (говорили они Боярамъ) «не между Ѳеодоромъ и Сигизмундомъ, а между Швеціею и Россіею, до «скончанія вѣковъ, именемъ Божіимъ, и добросовѣстно исполнили условія: отдали «Кексгольмъ вопреки Сигизмундову несогласію. Нынѣ, Герцогъ Карлъ не повѣритъ, «чтобы Царь думалъ нарушить обѣтъ, запечатлѣнный цѣлованіемъ креста на Свя«томъ Евангеліи. Если Сигизмундъ уступаетъ вамъ города въ Ливоніи, то уступаетъ не свое: половина ея завоевана Герцогомъ. И союзъ съ Литвою надеженъ ли «для Царя? Прекратились ли споры о Кіевѣ

1598. — 1604. г.

Г. 1598. —604. «и Смоленскѣ? Гораздо скорѣе можно согла- «сишь выгоды Швеціи и Россіи: главная «ихъ выгода есть мирное, доброе сосѣдство. «Не самъ ли Царь убѣждалъ Карла не ми- «рипься съ Сигизмундомъ? Мы воюемъ и «беремъ города: что мѣшаетъ вамъ также «ополчиться и раздѣлить Ливонію съ нами?» Но Борисъ, съ удовольствіемъ видя пламя войны между Герцогомъ и Королемъ, не мыслилъ въ ней участвовать, по крайней мѣрѣ до времени; заключивъ перемиріе съ Липвою, медлилъ утвердить безкорыстный миръ съ Карломъ; отпустилъ его Посломъ ни съ чѣмъ, и тайно склоняя жителей Эстоніи измѣнить Шведамъ, чтобы присоединиться къ Россіи, досаждалъ ему сими непрямодушіемъ — но въ то же время искренно доброхотствовалъ въ войнѣ Ливонской: ибо торжество Сигизмундово угрожало намъ соединеніемъ Шведской короны съ Польскою, а торжество Карлово раздѣляло ихъ навѣки. Борисъ первый изъ Государей Европейскихъ, и всѣхъ охотнѣе, призналъ Герцога Королемъ Швеціи, и въ сношеніяхъ съ нимъ уже давалъ ему сіе имя, когда и самъ Герцогъ еще назывался только Правителемъ.

Тѣсная связь съ Даніею.

Новая, важная связь Борисова съ наслѣдственнымъ врагомъ Швеціи могла также безпокоить Карла. Извѣстивъ сосѣдственныхъ и другихъ Вѣнценосцевъ, Императора, Елисавету, о своемъ воцареніи, Борисъ долго медлилъ оказать сію учтивость Коро-

лю Датскому, Христіану; но съ 1601 го- г.
да начался весьма дружелюбныя сношенія 1598.
между ими[54]. Въ одно время Послы Хри- —604.
стіановы, Эске-Брокъ и Карлъ Бриске, от-
правились въ Москву, а наши, знатный Дво-
рянинъ Ржевскій и Дьякъ Дмитріевъ, въ
Копенгагенъ, для взаимнаго привѣтствія и
для разрѣшенія старыхъ, безконечныхъ спо-
ровъ о Кольскихъ и Варгавскихъ пустыняхъ.
Доказывая, что вся Лапландія принадлежала
Норвегіи, Христіанъ ссылался на Исторію
Саксона Граммагика и даже на Мюнстерову
Космографію[55]; говорилъ еще, что сами Рос-
сіяне издревле называютъ Лапландію *Мур-
манскою* или Норвежскою землею; а мы воз-
ражали, что она безъ сомнѣнія наша, ибо въ
царствованіе Василія Іоанновича Новогород-
скій Священникъ Илія крестилъ ея дикихъ
жителей, и еще утверждали сіе право соб-
ственности слѣдующею повѣстію, основан-
ною на преданіи тамошнихъ старцевъ[56]:
«Жилъ нѣкогда въ Корелѣ или Кексгольмѣ
«знаменитый *Владѣтель*, именемъ *Валитъ*
«или Варентъ, данникъ Великаго Новагоро-
«да, мужъ необычной храбрости и силы:
«воевалъ, побѣждалъ и хотѣлъ господство-
«вать надъ Лопью или *Мурманскою* землею.
«Лопари требовали защиты сосѣдственныхъ
«*Норвежскихъ* Нѣмцевъ; но Валитъ разбилъ
«и Нѣмцевъ, тамъ, гдѣ нынѣ *Лѣтній* по-
«гостъ *Варенгскій*, и гдѣ онъ, въ память
«вѣкамъ, положилъ своими руками огромный

Г. 1598—604. «камень, въ вышину болѣе сажени; сдѣлалъ «вокругъ его твердую ограду *въ двѣнад-«цать стѣнъ* и назвалъ ее *Вавилономъ*: сей «камень и теперь именуется *Валитовымъ*. «Такая же ограда существовала на мѣстѣ «Кольскаго острога. Извѣстны еще въ зем-«лѣ Мурманской *губа Валитова* и *городище «Валитово* среди острова или высокой ска-«лы, гдѣ безопасно отдыхалъ витязь Коро-«левскій. Наконецъ побѣжденные Нѣмцы за-«ключили съ нимъ миръ, отдавъ ему всю «Лопь до рѣки Ивгея. Долго славный и «счастливый, Валитъ, именемъ Христіан-«скимъ Василій, умеръ и схороненъ въ Кекс-«гольмѣ, въ церкви Спаса; Лопари же съ «того времени платили дань Новугороду и «Царямъ Московскимъ.» Сіи историческіе доводы съ обѣихъ сторонъ были не весьма убѣдительны, и Датчане въ знакъ миролюбія желали раздѣлить Лапландію съ нами, вдоль или поперегъ, на двѣ равныя части; а Борисъ, изъ любви къ Христіану, уступалъ ему всѣ земли за монастыремъ Печенскимъ къ Сѣверу, предоставляя Датскимъ и Россійскимъ чиновникамъ на будущемъ съѣздѣ близъ Колы означить границы обѣихъ Державъ. Между тѣмъ возобновили договоръ о свободной торговлѣ Датскихъ купцевъ въ Россіи; условились и въ дѣлѣ важнѣйшемъ.

Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной Царевны между Европейскими Принцами Державнаго племени, чтобы та-

кимъ союзомъ возвысить блескъ своему Дому въ глазахъ Бояръ и Князей Россійскихъ, которые еще не давно видѣли Годуновыхъ ниже себя: не успѣвъ въ намѣреніи отдать руку дочери, вмѣстѣ съ Ливоніею, Густаву, сей нѣжный родитель и хитрый Политикъ надѣялся доставить счастіе Ксеніи и выгоды Государству супружествомъ ея съ Герцогомъ Іоанномъ, братомъ Христіановымъ, юношею умнымъ и пріятнымъ, который, подобно Густаву, могъ служить орудіемъ нашихъ властолюбивыхъ замысловъ на Эстонію, бывшую собственность Даніи. Царь предложилъ[37], и Король, не устрашенный судьбою Магнуса, обрадовался чести быть сватомъ знаменитаго Самодержца Московскаго, въ надеждѣ его усердіемъ вспоможеніемъ осилить враждебную Швецію. Къ сожалѣнію, любопытныя бумаги о семъ сватовствѣ утратились[38]: не знаемъ условій о Вѣрѣ, о приданомъ, ни другихъ взаимныхъ обязательствъ; но знаемъ, что Іоаннъ согласился жертвовать Ксеніи отечествомъ и быть Удѣльнымъ Княземъ въ Россіи[39]: не для того ли, чтобы въ случаѣ возможнаго несчастія, преждевременной кончины юнаго Царевича, тронъ Московскій имѣлъ наслѣдниковъ въ семействѣ Борисовомъ? о чемъ, вѣроятно, думалъ Царь дальновидный, съ горячностію любя сына, но любя и мысль о непрерывномъ наслѣдствѣ короны, въ теченіе вѣковъ, для своего рода. Женихъ все-

1598. —604

Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи.

Г. 1598. —604. валъ погда въ Нидерландахъ подъ знаменами Испаніи: спѣшилъ возвратиппься, сѣлъ на Адмиральскій корабль, и вмѣспѣ съ пятью другими прплылъ (10 Августа 1602) къ успью Наровы. Тамъ ожидала гостя лація Царская, устланная бархапомъ[60] — и какъ скоро Герцогъ спупилъ на землю Русскую, загремѣлй пушки: Бояринъ Михайло Глѣбовичь Салпыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ привѣтспвовали его, именемъ Царя,—ввели въ богатый шаперъ и поднесли ему 80 драгоцѣнпѣйшихъ соболей. Въ карепѣ, блиспающей золотомъ и серебромъ, Іоаннъ ѣхалъ въ Иваньгородъ, мимо Нарвы, гдѣ развѣвались знамена, на башняхъ и спѣнахъ, усѣянныхъ любопытными зрителями: такъ привѣтспвовали его и Шведы, внупренно опасаясь сего пупешесптвія, коего цѣль они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннѣе чеспили Герцога въ Россіи. Съ нимъ были Послы Христіановы, при Сенапора (Гильденсперпъ, Браге и Голькъ), восемь знапныхъ сановниковъ, нѣсколько Дворянъ, два Медика, множеспво слугъ: на каждомъ спанѣ, въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ, угощали ихъ какъ бы во дворцѣ Московскомъ; за обѣдомъ играла музыка. Въ городахъ спрѣляли изъ пушекъ; войско спояло въ ружьѣ и чиновники за чиновниками предспавлялись *Свѣтлѣйшему Королевичу*. Ѣхали медленно, въ день не болѣе придцапи верспъ, чрезъ Новгородъ,

Валдаи, Торжекъ и Спарицу. Путешествен- г.
никъ не скучалъ; въ часы роздыха гулялъ 1598
верхомъ или по рѣкамъ на лодкахъ; забав- —604.
лялся охотою, спрѣлялъ птицъ, бесѣдовалъ съ Бояриномъ Салтыковымъ и Дьякомъ Власьевымъ о Россіи, желая знать ея государственные уставы и народныя обыкновенія. Послы Христіановы совѣтовали ему не вдругъ перенимать наши обычаи и держаться еще Нѣмецкихъ: «Ѣду къ Царю (говорилъ «онъ) за тѣмъ, чтобы навыкать всему Рус- «скому.» Будучи 1 Сентября въ Бронницахъ, Іоаннъ сказалъ Салтыкову: «Я знаю, «что въ сей день вы празднуете новый годъ; «что Духовенство, Синклитъ и Дворъ ны- «нѣ торжественно желаютъ многолѣтія Го- «сударю: еще не имѣю счастія видѣть его «лице, но также усердно молюся, да здрав- «ствуетъ» — спросилъ вина, и споя пилъ *Царскія чаши*, вмѣстѣ съ Московскими сановниками и Датскими Послами. Однимъ словомъ, Іоаннъ хотѣлъ любви Борисовой и любви Россіянъ. Салтыковъ и Власьевъ писали къ Царю о здоровьѣ и веселомъ нравѣ Королевича; увѣдомляли обо всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ: даже о нарядахъ, о цвѣтѣ его атласныхъ кафтановъ, украшенныхъ золотыми или серебряными кружевами! Царь пребовалъ сихъ подробностей — и высылалъ новые дары путешественнику: богатыя ткани Азіатскія, шапки низанныя жемчугомъ, поясы и кушаки драгоцѣнные,

золотыя цѣпи, сабли съ бирюзою и съ яхонтами. Наконецъ Іоаннъ изъявилъ непремѣнное быть въ Москвѣ: ему отвѣтствовали что Государь боялся спѣшною ѣздою утомить его — и поѣхали скорѣе. 18 Сентября ночевали въ Тушинѣ, а 19 приближились къ столицѣ.

Г. 1598—604. Не только воины и люди сановитые, отъ Членовъ Синклита до Приказныхъ Дьяковъ, но и граждане встрѣтили Герцога въ полѣ[61]. Выслушавъ ласковую рѣчь Бояръ, онъ сѣлъ на коня, и ѣхалъ Москвою при звукѣ огромнаго Кремлевскаго колокола, съ Датскими и Россійскими чиновниками. Ему отвели въ Китаѣ-городѣ лучшій домъ — и на другой день прислали обѣдъ Царскій: сто тяжелыхъ золотыхъ блюдъ съ яствами, множество кубковъ и чашъ съ винами и медами[62]. 28 Сентября было торжественное представленіе. Отъ дому Іоаннова до Краснаго крыльца стояли богато-одѣтые воины; на площади Кремлевской граждане, Нѣмцы, Литва, также въ лучшемъ нарядѣ. У крыльца встрѣтили Іоанна Князья Трубецкій и Черкасскій, на лѣстницѣ Василій Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ первый Вельможа Мстиславскій, съ Окольничими и Дьяками. Царь и Царевичь были въ Золотой палатѣ, въ бархатныхъ порфирахъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ; въ ихъ коронахъ и на груди сіяли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидѣвъ Герцога,

Борисъ и Ѳеодоръ вспали, обняли его съ нѣжностію, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали, въ присутствіи Вельможъ и царедворцевъ. Всѣ смотрѣли на юнаго Іоанна съ любовію, плѣняясь его красотою: Борисъ уже видѣлъ въ немъ будущаго сына. Обѣдали въ Грановитой палатѣ: Царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, за серебрянымъ сполохомъ, подъ висящею надъ нимъ короною съ боевыми часами, между Ѳеодоромъ и Герцогомъ, уже причисленнымъ къ ихъ семейству. Угощеніе заключилось дарами: Борисъ и Ѳеодоръ сняли съ себя алмазныя цѣпи и надѣли на шею Іоанну; а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ тканей, Англійскихъ суконъ, Сибирскихъ мѣховъ и три одежды Русскія. Но женихъ не видалъ Ксеніи, вѣря только слуху о прелестяхъ ея, любезныхъ свойствахъ, достоинствахъ, и не обманываясь. Современники пишутъ, что она была средняго роста, полна тѣломъ и стройна; имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови *союзныя*, глаза большіе, черные, свѣтлые, красоты несказанной, особенно, когда блистали въ нихъ слезы умиленія и жалости; не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ*, умомъ и вкусомъ образованнымъ, любя книги и сладкія пѣсни духовныя[65]. Строгій обычай

г. 1598. —604.

Г. 1598—604. не дозволялъ показывать и *такой* невѣсты прежде времени; сама же Ксенія и Царица могли видѣть Іоанна скрытно, издали, какъ думали его спутники. Обрученіе и свадьбу отложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пировъ, молитвою: родители, невѣста и братъ ея поѣхали въ Лавру Троицкую... О семъ пышномъ выѣздѣ Царскаго семейства очевидцы говорятъ такъ[64]:

«Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ «коней, блистающихъ убранствомъ, серебромъ «ромъ и золотомъ; за ними двѣ кареты: «пустая Царевичева, обитая алымъ сукномъ, «и другая, обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ «Государь: обѣ въ 6 лошадей; первую окружали всадники, вторую пѣшіе царедворцы. «Далѣе ѣхалъ верхомъ юный Ѳеодоръ; коня «его вели знатные чиновники. Позади Бояре и «Придворные. Многіе люди бѣжали за Царемъ, держа на головѣ бумагу: у нихъ взяли сіи челобитныя и вложили въ красный «ящикъ, чтобы представить Государю. «Чрезъ полчаса выѣхала Царица, въ великолѣпной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла Царевна: первую «везли десять бѣлыхъ коней, вторую во«семь. Впереди 40 заводныхъ лошадей и «дружина всадниковъ, мужей престарѣлыхъ, «съ длинными сѣдыми бородами; сзади 24 «Боярыни, на бѣлыхъ коняхъ. Вокругъ шли «300 приставовъ съ жезлами.» — Тамъ, въ Обители пищины и святости, Борисъ съ

супругою и съ дѣтьми девять дней молился надъ гробомъ Св. Сергія, да благословитъ Небо союзъ Ксеніи съ Іоанномъ. г. 1598—604.

Между тѣмъ жениха ежедневно чествили Царскими обѣдами въ его домѣ; присылали ему бархаты, объяри, кружева *для Русской одежды;* прислали и богатую постелю, бѣлье шитое серебромъ и золотомъ[65]. Онъ съ ревностію хотѣлъ учиться нашему языку и даже перемѣнить Вѣру, какъ пишутъ[66], чтобы исповѣдывать одну съ будущею супругою; вообще велъ себя благоразумно и всѣмъ нравился любезностію въ обхожденіи. Но чего искренно желали и Россіяне и Датчане — о чемъ молились родители и невѣста — то не было угодно Провидѣнію . . . На возвратномъ пути изъ Лавры, 16 Октября, въ селѣ Братовщинѣ[67] Государь узналъ о незапной болѣзни жениха. Іоаннъ еще могъ писать къ нему и прислалъ своего чиновника, чтобы его успокоить. Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жестокая горячка; но Медики, Датскіе и Борисовы, не теряли надежды: Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщая имъ неслыханныя милости и награды. 19 Октября посѣтилъ Іоанна юный Ѳеодоръ, 27 самъ Государь, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго; ужаснулся, и съ гнѣвомъ винилъ тѣхъ, которые таили отъ него опасность. На другой день, ввечеру, онъ нашелъ Герцога уже при смерти; плакалъ, крушился; гово-

г. 1598—604. рилъ: «Юноша несчастный! ты оставилъ «мать, родныхъ, отечество, и пріѣхалъ ко «мнѣ, чтобы умереть безвременно[68]!» Еще желая надѣяться, Государь далъ клятву освободить 4000 узниковъ въ случаѣ Іоаннова выздоровленія, и просилъ Датчанъ молиться Богу съ усердіемъ. Но въ 6 часовъ сего же вечера, 28 Октября, пресѣклись цвѣтущіе дни Іоанновы, на двадцатомъ году жизни...Не только семейство Царское, Датчане, Нѣмцы, но и весь Дворъ, всѣ жители столицы были въ горести. Самъ Борисъ пришелъ къ Ксеніи и сказалъ ей: «любезная «дочь! твое счастіе и мое утѣшеніе погиб«ло!» Она упала безъ чувства къ ногамъ его . . . Велѣли оказать всю должную честь умершему. Отворили казну Царскую для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; питали нищихъ въ домѣ, гдѣ скончался Іоаннъ; къ тѣлу приставили знатныхъ чиновниковъ; запретили его анатомить и вложили въ деревянную гробницу, наполненную ароматами, а послѣ въ мѣдную, и еще въ дубовую, обитую чернымъ бархатомъ и серебромъ, съ изображеніемъ креста въ срединѣ и съ Латинскою надписью о достоинствахъ умершаго, о благоволеніи къ нему Царя и народа Россійскаго, объ ихъ печали неутѣшной. Въ день погребенія, 25 Ноября, Борисъ простился съ тѣломъ, обливаясь слезами, и ѣхалъ за нимъ въ саняхъ Китаемъ-городомъ до Бѣлаго. Гробъ везли на колесницѣ, подъ тремя черными

знаменами, съ гербомъ Дании, Мекленбургскимъ и Голштейнскимъ; на обѣихъ сторонахъ шли воины Царской дружины, опустивъ книзу остріе своихъ копій; за колесницею Бояре, сановники и граждане — до слободы Нѣмецкой, гдѣ, въ новой церкви Аугсбургскаго Исповѣданія, схоронили тѣло Іоанново въ присутствіи Московскихъ Вельможъ, которые плакали вмѣстѣ съ Датчанами, хотя и не разумѣли умилительной надгробной рѣчи, въ коей Герцоговъ Пасторъ благодарилъ ихъ за сію чувствительность[69] .... г. 1598 — 604

Вѣроятно ли сказаніе нашего Лѣтописца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ о смерти Іоанна, будто бы завидуя общей къ нему любви Россіянъ, и спрашася оставить въ немъ совмѣстника для юнаго Ѳеодора; что Медики, узнавъ тайную мысль Царя, не смѣли излечить больнаго[70]? Но Царь хотѣлъ, чтобы Россіяне любили его нареченнаго зятя: для того совѣтовалъ ему быть привѣтливымъ и слѣдовать нашимъ обычаямъ[71]; хотѣлъ безъ сомнѣнія и счастія Ксеніи; давалъ симъ бракомъ новый блескъ, новую твердость своему Дому, и не могъ перемѣнить мыслей въ три недѣли: устрашился, чего желалъ; видѣлъ, чего не предвидѣлъ, и ввѣрилъ сколь гнусную тайну зла придворнымъ врачамъ-иноземцамъ, коихъ онъ, по смерти Іоанновой, долго не пускалъ къ себѣ на глаза, и которые лечили Герцога вмѣстѣ съ его собственными, Датскими врачами. Свидѣтели

Г. сей болѣзни, чиновники Христіанова Двора,
1598 издали въ свѣтъ ея вѣрное описаніе[72], дока-
—604. зывая, что всѣ способы искусства, хотя и безъ успѣха, были употреблены для спасенія Іоаннова. Нѣтъ, Борисъ крушился тогда безъ лицемѣрія, и чувствовалъ, можетъ быть, казнь Небесную въ совѣсти, гоповивъ счастіе для милой дочери и видя ее вдовою въ невѣстахъ; отвергнулъ украшенія Царскія, надѣлъ ризу печали и долго изъявлялъ глубокое уныніе[73].... Все, чѣмъ дарили Герцога, было послано въ Копенгагенъ; всѣхъ Іоанновыхъ спутниковъ отпустили туда съ новыми, щедрыми дарами; не забыли и послѣдняго изъ служителей[74]. Борисъ писалъ къ Христіану, что Россія останется въ неразрывномъ дружествѣ съ Даніею: оно дѣйствительно не разорвалося, какъ бы утверждаемое для обоихъ Государствъ печальнымъ воспоминаніемъ о судьбѣ юнаго Герцога, коего тѣло было перевезено въ Рошильдъ, долго лежавъ подъ сводомъ Московской Лютеранской церкви. Въ честь Іоанновой памяти Борисъ далъ колокола сей церкви и дозволилъ звонить въ нихъ по днямъ Воскреснымъ[75].

Но печаль не мѣшала Борису ни заниматься дѣлами государственными съ обыкновенною ревностію[76], ни думать о другомъ женихѣ для Ксеніи: около 1604 года Послы наши снова были въ Даніи, и содѣйствіемъ Христіановымъ условились съ Герцогомъ

Шлезвигскимъ, Іоанномъ, чтобы одинъ изъ его сыновей, Филиппъ, ѣхалъ въ Москву жениться на Царевнѣ и быть тамъ Удѣльнымъ Княземъ[77]. Сіе условіе не исполнилось единственно отъ тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ нашего отечества. Г. 1598—604.

Сношенія Россіи съ Австріею были, какъ и въ Ѳеодорово время, весьма дружелюбны и не безплодны. Думный Дьякъ Власьевъ, (въ Іюнѣ 1599 года) посланный къ Императору съ извѣстіемъ о Борисовомъ воцареніи, сѣлъ на Лондонскій корабль въ устьѣ Двины и вышелъ на берегъ въ Германіи: тамъ, въ Любекѣ и въ Гамбургѣ, знатнѣйшіе граждане встрѣтили его съ великою ласкою, съ пушечною стрѣльбою и музыкою, славя уже извѣстную милость Борисову къ Нѣмцамъ и надѣясь пользоваться новыми выгодами торговли въ Россіи[78]. Рудольфъ, изгнанный моровымъ повѣтріемъ изъ Праги, жилъ тогда въ Пильзенѣ, гдѣ Власьевъ имѣлъ переговоры съ Австрійскими Министрами, увѣряя ихъ, что наше войско уже шло на Турковъ, но что Сигизмундъ заградилъ оному въ Липовскихъ владѣніяхъ путь къ Дунаю; что Царь, какъ истинный братъ Христіанскихъ Монарховъ и вѣчный недругъ Оттомановъ, убѣждаетъ Шаха и многихъ иныхъ *Князей Азійскихъ* дѣйствовать усильно пропивъ Султана и готовъ *самолично* итти на Крымцевъ, если они будутъ помогать Туркамъ; что мы непрестанно внушаемъ Ли- Переговоры съ Австріею.

Г. 1598 — 604. товскимъ Панамъ утвердить союзъ съ Императоромъ и съ нами возведеніемъ Максимиліана на тронъ Ягеллоновъ; что миролюбивый Борисъ не усомнится даже и воевать для достиженія сей цѣли, если Императоръ когда нибудь рѣшится отмстить Сигизмунду за безчестіе своего брата[79]. Рудольфъ изъявилъ благодарность, но требовалъ отъ насъ не людей, а золота для войны съ Магометомъ III, желая только, чтобы мы смирили Хана. «Императоръ» — говорили его Министры — «любя Царя, не хочетъ, что-«бы онъ подвергалъ себя опасности *личной* «въ битвахъ съ варварами[80]: у васъ много «Воеводъ мужественныхъ, которые легко «могутъ и безъ Царя унять Крымцевъ: «вотъ главное дѣло! Если угодно Небу, то «корона Польская, при добромъ содѣйствіи «великодушнаго Царя, не уйдетъ отъ Мак-«симиліана; но теперь не время умножать «число враговъ.» И мы конечно не думали дѣйствовать мечемъ для возведенія Максимиліана на тронъ Польскій: ибо Сигизмундъ, уже врагъ Швеціи, былъ для насъ не опаснѣе Австрійскаго Князя въ вѣнцѣ Ягеллоновъ; не думали, вопреки увѣреніямъ Власьева, ратоборствовать и съ Султаномъ безъ необходимости: но предвидя оную — зная, что Магометъ злобится на Россію и дѣйствительно велитъ Хану опустошать ея владѣнія[81] — Борисъ усердно доброхотствовалъ Австріи въ войнѣ съ симъ недругомъ Хри-

стіанства. Отъ 1598 до 1604 года были у насъ разные Австрійскіе чиновники и знатный Посолъ Баронъ Логау; а Думный Дьякъ Власьевъ вторично ѣздилъ къ Императору въ 1603 году. Не имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ переговорахъ; извѣстно только, что Царь вспомогалъ казною Рудольфу[82], удерживалъ Казы-Гирея отъ новыхъ впаденій въ Венгрію и старался утвердить дружество между Императоромъ и Шахомъ Персидскимъ, къ коему ѣздили Австрійскіе Посланники чрезъ Москву[83], и который славно мужествовалъ тогда противъ Оттомановъ. Но знаменитый Аббасъ, ласково поздравивъ Бориса Царемъ, изъявляя готовность заключить съ нимъ тѣсный союзъ, а *для него* и съ Императоромъ — отправивъ (въ 1600 году) Посланника Исеналея чрезъ Колмогоры въ Австрію, въ Римъ, къ Королю Испанскому[84] — и въ знакъ особенной любви приславъ къ своему *брату Московскому* съ Вельможею Лачинъ-Бекомъ (въ Августѣ 1603 года) *златый тронъ древнихъ Государей Персидскихъ*[85], вдругъ оказался нашимъ недругомъ за бѣдную Грузію: не споривъ съ Ѳеодоромъ, не споря и съ Борисомъ о правѣ именоваться ея верховнымъ Государемъ, хотѣлъ также безспорно властвовать надъ нею, стиснулъ ее, какъ слабую жертву, въ своихъ рукахъ кровавыхъ.

Г. 1598—603.

Посольство Персидское.

Царь Александръ не преставалъ жаловаться въ Москвѣ на бѣдственную долю

Г. Иверіи. Послы его такъ говорили Боярамъ[86]:
1598 «Мы плакали опть невѣрныхъ, и для того
—604. «отдалися головами Царю православному, да
Происше- «защититъ насъ; но плачемъ и нынѣ. Наши
ствія «домы, церкви и монастыри въ развалинахъ,
въ Гру- «семействва въ плѣну, рамена подъ игомъ.
зіи. «То ли вы намъ обѣщали? И невѣрные смѣ-
«ются надъ Христіанами, спрашивая: гдѣ же
«щитъ Царя Бѣлаго? гдѣ вашъ заступникъ?»
Борисъ велѣлъ напомнить имъ о походѣ Князя Хворостинина, съ коимъ должно было соединиться ихъ войско, и не соединилось[87]; однакожь послалъ въ Иверію двухъ сановниковъ, Нащокина и Леонтьева, узнать всѣ обстоятельства на мѣстѣ и съ Терскими Воеводами условиться въ мѣрахъ для ея защиты. Тамъ сдѣлалась перемѣна. Во время тяжкой болѣзни Александровой сынъ его, Давидъ, объявилъ себя Властителемъ: отецъ выздоровѣлъ, но сынъ уже не хотѣлъ возвратить ему знаковъ Державства: *Царской хоругви, шапки и сабли съ поясомъ*[88]. Сего мало: онъ злодѣйски умертвилъ всѣхъ ближнихъ людей Александровыхъ. Тогда несчастный отецъ, прибѣжавъ раздѣтый и босой въ церковь, рыдая, захлипаясь отъ слезъ, всенародно предалъ сына анаѳемѣ и гнѣву Божію, который дѣйствительно поспигъ изверга: Давидъ въ незапной, мучительной болѣзни испустилъ духъ, и Посланники наши возвратились съ извѣстіемъ, что Александръ снова царствуетъ въ Иверіи, но не достоинъ

милоспи Государевой, будучи усерднымъ рабомъ Сулпана, и дерзая укорять Бориса алчноспію къ дарамъ. «Мнѣ ли» — сказалъ Царь съ негодованіемъ — «мнѣ ли прель- «щапься дарами нищихъ, когда могу всю Ивe- «рію *наполнить серебромъ* и *засыпать золо- «томъ?*» Онъ не хопѣлъ-было видѣпь новаго Посла Иверскаго, Архимандрипа Кирилла; но сей умный спарецъ ясно доказалъ, чпо Нащокинъ и Леонпьевъ оклевепали Александра; сдѣлалъ еще болѣе: умолилъ Государя не казнипь ихъ[89], и далъ ему мысль, для будущаго вѣрнаго соединенія Грузіи съ Россіею, построипь каменную крѣпоспь въ Таркахъ, мѣспѣ неприсшупномъ, изобильномъ и красивомъ — другую на Тузлукѣ, гдѣ большое озеро соляное, много сѣры и селипры — а препью на рѣкѣ Буйнакѣ, гдѣ нѣкогда сущесшвовалъ городъ, будпо бы Александромъ Македонскимъ основанный, и гдѣ еще спояли древнія башни среди садовъ виноградныхъ[90].

г. 1598—604.

Для сего предпріяпія немаловажнаго Государь избралъ двухъ знапныхъ Воеводъ, Окольничихъ Бупурлина и Плещеева, копорые должны были, взявъ полки въ Казани и въ Аспрахани, дѣйспвовапь вмѣспѣ съ Терскими Воеводами и ждапь къ себѣ вспомогапельной рапи Иверской, кляпвенно обѣщанной Посломъ опъ имени Александра. Не перяли времени и не жалѣли денегъ, выдавъ изъ казны не менѣе прехъ сопъ пысячь

г. 1598—604. рублей на издержки похода столь отдаленнаго и труднаго[91]. Войско, довольно многочисленное, выступило съ береговъ Терека (въ 1604 году) къ Каспійскому морю и видѣло единственно тылъ непріятеля. Шавкалъ, уже старецъ ветхій, лишенный зрѣнія, бѣжалъ въ ущелья Кавказа, и Россіяне заняли Тарки. Не льзя было найти лучшаго мѣста для строенія крѣпости: съ трехъ сторонъ высокія скалы могли служить ей вмѣсто твердыхъ стѣнъ; надлежало укрѣпить только отлогій скатъ къ морю, покрытый лѣсомъ, садами и нивами; въ горахъ били ключи и надѣляли жителей, посредствомъ многихъ трубъ, свѣжею водою. Тамъ, на высотѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Шавкаловъ съ двумя башнями, Россіяне немедленно начали строить стѣну, имѣя все, для того нужное: лѣсъ, камень, известь; назвали Тарки *Новымъ городомъ*; заложили крѣпость и на Тузлукѣ. Одни работали, другіе воевали, до Андріи или Эндрена и Теплыхъ Водъ, не встрѣчая важнаго сопротивленія; плѣнили людей въ селеніяхъ, брали хлѣбъ, отгоняли табуны и стада, но боялись недостатка въ съѣстныхъ припасахъ: для того, въ глубокую осень, Бутурлинъ послалъ тысячь пять воиновъ зимовать въ Астрахань; къ счастію, они шли бережно: ибо сыновья Шавкаловы и Кумыки ждали ихъ въ пустыняхъ, напали смѣло, сражались мужественно, цѣлый день, а ночью бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 3000

убитыхъ. О семъ кровопролитномъ дѣлѣ писали Воеводы въ Москву и къ Царю Иверскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятеля, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости. Но не было слуха о вспомогательной рати, ни вѣстей изъ несчастной Грузіи. Александръ уже не обманывалъ Россіи: онъ погибъ, и за насъ! Г. 1598—604.

Государь, отпустивъ Кирилла (въ Маѣ 1604) изъ Москвы, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Дворянина *Ближней Думы*, Михайла Тапищева, во-первыхъ для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданствѣ, во-вторыхъ и для семейственнаго дѣла, еще тайнаго. Сей сановникъ (въ Августѣ 1604) не нашелъ Царя въ Загемѣ: Александръ былъ у Шаха, который строго велѣлъ ему явиться съ войскомъ въ станъ Персидскій, не взирая на имя Россійскаго данника, и не спрашася оскорбить тѣмъ друга своего, Бориса. Сынъ Александровъ, Юрій, принялъ Тапищева не только ласково, но и раболѣпно; славилъ величіе Московскаго Царя и плакалъ о бѣдномъ отечествѣ. «Никогда (говорилъ онъ) Иверія «не бѣдствовала ужаснѣе нынѣшняго: стоимъ «подъ ножами Султана и Шаха; оба хотятъ «нашей крови и всего, что имѣемъ. Мы «отдали себя Россіи: пусть же Россія возмешъ насъ, не словомъ, а дѣломъ! Нѣтъ «времени медлить: скоро не кому будетъ

Г. 1589—604. «здѣсь цѣловапь креспа въ безполезной вѣр-
«носпи къ ея Самодержцу. Онъ могъ бы
«спаспи насъ. Турки, Персіяне, Кумыки си-
«лою къ намъ врываюпся; а васъ зовемъ
«добровольно: придипе и спасипе! Ты ви-
«дишь Иверію, ея скалы, ущелья, дебри:
«если поспавипе здѣсь пвердыни и введепе
«въ нихъ войско Русское, по будемъ испин-
«но ваши, и цѣлы, и не убоимся ни Шаха,
«ни Сулпана[92].» Свѣдавъ, чпо Турки идупъ
къ Загему, Юрій убѣждалъ Тапищева дапь
ему своихъ Спрѣльцевъ для бипвы съ ни-
ми: умный Посолъ долго колебался, опасаясь
безъ указа Царскаго какъ бы объявипь вой-
ну Сулпану; наконецъ рѣшился удосповѣ-
рипь пѣмъ Иверію въ дѣйспвипельномъ
правѣ Борисовомъ именоваться ея верхов-
нымъ Государемъ и далъ Юрію сорокъ Мо-
сковскихъ воиновъ, копорые присоединились
къ пяпи или шеспи пысячамъ Грузинскихъ,
съ доблимъ Сопникомъ Михайломъ Семов-
скимъ; пошли впереди (7 Окпября) и вспрѣ-
пили Турковъ сильнымъ залпомъ. Сей пер-
вый звукъ нашего оружія въ пуспыняхъ
Иверскихъ изумилъ непріяпеля: гуспая пе-
редовая полпа его вдругъ спала рѣже; онъ
увидѣлъ новый спрой, новыхъ воиновъ;
узналъ Россіянъ, и дрогнулъ, не зная ихъ
малаго числа. Юрій съ своими ударилъ му-
жесптвенно, и болѣе гналъ, нежели сражался:
ибо Турки бѣжали не оглядываясь. Казалось,
чпо въ сей день воскресла древняя слава

Иверіи: ея воины взяли чепыре хоругви Сулпанскія и множеспво плѣнниковъ. Въ слѣдующій день Юрій одержалъ побѣду надъ хищными Кумыками, явилъ народу профеи, уже давно ему неизвѣспные, и всю чеспь приписалъ сподвижникамъ, горспи Россіянъ, славя ихъ какъ Героевъ. г. 1598—604.

Наконецъ Александръ возвращился изъ Персіи съ сыномъ Конспанпиномъ, принявшимъ шамъ Магомепанскую Вѣру[93], какъ мы сказали. Аббасъ, самовласпно располагая Иверіею, велѣлъ Конспанпину собрапь ея людей воинскихъ, всѣхъ безъ оспапка, и немедленно иппи къ Шамахѣ; далъ ему 2000 своихъ лучшихъ рапниковъ, нѣсколько Хановъ и Князей: далъ и пайное повелѣніе, опгаданное умнымъ Тапищевымъ, копорый безполезно осперегалъ Александра и Юрія, говоря, чпо дружина Персидская для нихъ еще опаснѣе, нежели для Турковъ; чпо Конспанпинъ, измѣнивъ Богу Христіанскому, можепъ измѣнипь и свяпымъ узамъ родспва. Они не смѣли изъявипь подозрѣнія, чпобы не разгнѣвапь могущеспвеннаго Шаха; исполняли его указъ, собирали войско и предали себя убійцамъ. Гоповясь ѣхапь на обѣдъ къ Александру (12 Марпа), Тапищевъ вдругъ слышипъ спрѣльбу во дворцѣ, крикъ, шумъ бипвы; посылаепъ своего полмача узнапь, чпо дѣлаепся — и полмачь, входя во дворецъ, видипъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ

кровь, трупы и двѣ отсѣченныя головы, лежащія предъ Константиномъ: головы отца его и брата! Константинъ-Мусульманинъ, уже объявленный Царемъ Иверіи Христіанской, приказалъ къ Тапищеву, что Александръ убитъ нечаянно, а Юрій достойно, какъ измѣнникъ Шаховъ и Государя Московскаго, другъ и слуга ненавистныхъ Турокъ; что сія казнь не перемѣняетъ отношеній Иверіи къ Россіи; что онъ, исполняя волю великаго Аббаса, брата и союзника Борисова, готовъ во всемъ усердствовать Царю Христіанскому. Но Тапищевъ уже свѣдалъ истину отъ Вельможъ Грузинскихъ. Долго терпѣвъ связь Александрову съ Россіею, въ надеждѣ на содѣйствіе Царя въ войнѣ съ Оттоманами, Аббасъ, уже побѣдитель, не захотѣлъ болѣе терпѣть нашего, хотя и мнимаго господства въ землѣ, которая считалась достояніемъ его предковъ. Онъ вразумился въ систему Политики Борисовой; увидѣлъ, что мы, радуясь кровопролитію между имъ и Султаномъ, для себя избѣгаемъ онаго; велѣлъ сыну убить отца, будто бы за приверженность къ Туркамъ, но въ самомъ дѣлѣ за подданство Россіи, дерзкое и безразсудное для несчастнаго Александра[94], который исканіемъ дальняго, невѣрнаго заступника раздражалъ двухъ ближнихъ утѣснителей. Будучи только орудіемъ Аббасовой мести и плакавъ всю ночь предъ совершеніемъ гнуснаго отцеубійства, Кон-

г. 1598—604.

стантинъ увѣрялъ Борисова Посла, что Шахъ не имѣлъ въ томъ участія. «Родитель мой (говорилъ онъ) «сдѣлался жертвою «междоусобія сыновей: несчастіе весьма «обыкновенное въ нашей землѣ! Самъ Але«ксандръ извелъ отца своего, убилъ и брата: я «тоже сдѣлалъ, *не зная, къ добру ли, къ худу «ли* для свѣта. По крайней мѣрѣ буду вѣр«нымъ моему слову и заслужу милость Го«сударя Россійскаго лучше Александра и «Юрія; благодаренъ ему за крѣпости, основан«ныя имъ въ землѣ Шавкаловой, и скоро «пришлю въ Москву богатые дары.» Татищевъ хотѣлъ не ковровъ и не тканей, а подданства; требовалъ отъ него клятвы въ вѣрности къ Россіи, и доказывалъ, что Царемъ Иверіи можетъ быть единственно Христіанинъ. Константинъ отвѣчалъ, что до времени останется Мусульманиномъ и подданнымъ Шаховымъ, но будетъ защитникомъ Христіанства и другомъ Россіи — прибавивъ: гдѣ твердый вашъ *хребетъ*, «на который мы въ случаѣ нужды могли «бы опереться? Съ симъ Татищевъ долженъ былъ выѣхать изъ Загема, торжественно объявивъ, что Борисъ не уступаетъ Иверіи Шаху, и что Аббасъ, самовластно казнивъ Александра рукою Константина, нарушилъ счастливое дружество, которое дотолѣ существовало между Персіею и Россіею. — Однимъ словомъ, мы лишились Царства: то есть, права называть его сво-

Г. 1598—604.

Г. имъ; но Тапищевъ, не выѣзжая изъ Грузіи,
1598 нашелъ другое Царспво для пипула Борисова!
—604.

Видя юнаго Ѳеодора уже близкаго къ совершенному возрасту и снова предложивъ руку дочери Дапскому Принцу[95], но желая на всякій случай имѣпь для нее и другаго мужа въ гоповносши, Борисъ искалъ вдругъ и невѣспы и жениха въ опечеспвѣ славной Тамари, знаменипой супруги Георгія Андреевича Боголюбскаго. Посолъ Александровъ, Кириллъ, хвалилъ нашимъ Боярамъ красопу Иверскаго Царевича, Давидова сына, Теймураса, и Княжны или Царевны Карпалинской, Елены, внуки Симеоновой: Тапищеву велѣно было видѣпь ихъ; онъ не нашелъ Теймураса, опданнаго Шаху въ аманапы, и поѣхалъ въ Карпалинію, видѣпь семейспво ея Владѣпеля. Сія область древней Иверіи, менѣе подверженная набѣгамъ Дагеспанскихъ Кумыковъ, предспавляла и менѣе развалинъ, нежели Воспочная Грузія или Кахепія. Тамъ господспвовалъ опецъ Еленинъ, Князь Юрій послѣ Симеона, взяпаго въ плѣнъ Турками, онъ имѣлъ своихъ Князей присяжниковъ (Сонскаго и другихъ), многочисленныхъ *царедворцевъ*, Бояръ и *Святителей*; угоспилъ Тапищева въ напрахъ, и съ изъявленіемъ благодарноспи выслушалъ его предложенія: первое, чпобы Юрій поддался Россіи; впорое, чпобы оппуспилъ съ нимъ въ Москву Елену и ближняго родспвенника своего, юнаго Князя Хоздроя, *если* они имѣюпъ всѣ доспоин-

спва, нужныя для чести вступить въ се- г.
мейство Борисово. «Сія честь велика,» 1598
сказалъ усердный Посолъ: «Императоръ и —604.
«Короли Шведскій, Датскій, Французскій
«искали ее ревностно.» Судьба Александрова
ужасала Юрія; но Тапищевъ возражалъ, что
сей несчастный погубилъ себя криводу-
шіемъ, хотѣвъ служить вмѣстѣ Царямъ
вѣрному и невѣрному, къ досадѣ обоихъ.
«Желая угодить Аббасу (говорилъ онъ),
«Александръ не далъ намъ войска, чтобы
«истребить Шавкала: оставилъ сына въ
«Персіи и дозволилъ ему быть Магомета-
«номъ, то есть, острить ножъ на отца
«и Христіанство; сослалъ туда и внука,
«узнавъ о намѣреніи Государя выдать за
«него Царевну Ксенію: ибо спрашился, что-
«бы Теймурасъ не взялъ Грузіи въ прида-
«ное за Царевною; не могъ ли Великій Царь
«нашъ разлучиться съ нею для бѣднаго пре-
«стола Загемскаго, имѣя у себя многія зна-
«менитѣйшія Княжества въ Удѣлъ милому
«зятю? Александръ палъ, ибо *не прямилъ*
«Россіи, и не споилъ ея сильнаго вспомо-
«женія.» Сорокъ Московскихъ Стрѣльцевъ
спасли Загемъ: Тапищевъ обязался немед-
ленно прислать въ Карталинію изъ Терской
крѣпости 150 храбрѣйшихъ воиновъ, какъ
передовую дружину, для безопасности буду-
щаго свата Борисова — и Юрій съ обрядами
священными назвалъ себя Россійскимъ дан-
никомъ. Тѣмъ болѣе желая родственнаго

Г. 1598—604. союза съ Царемъ, онъ предсшавилъ на судъ Ташищеву жениха и невѣсшу, сказавъ: «Оп- «даюсь Россіи и съ Царсшвомъ и съ душею «Князь Хоздрой воспишанъ моею маперью «вмѣсшѣ со мною и служишъ мнѣ правою «рукою въ дѣлахъ рашныхъ; когда онъ въ «полѣ, шогда могу бышь спокоенъ дома, «Дѣшей у меня двое: сынъ мое око, а дочь «сердце: веселюсь ими и въ бѣдсшвіяхъ на- «шего ошечесшва; но не спою за Елену, «когда шакъ угодно Богу и Государю Рос- «сійскому.» Въ донесеніи Царю, о женихѣ и невѣсшѣ, Ташищевъ пишешъ: «Хоздрою «23 года оиъ рожденія: онъ высокъ и спроенъ; «лице у него красиво и чисшо, но смугло; «глаза свѣшлые каріе, носъ съ горбиною, «волосы шемнорусые, усъ шонкій; бороду уже «брѣешъ: въ разговорахъ уменъ и рѣчисшъ; «знаешъ языкъ Турецкій и грамошуИвер- «скую; однимъ словомъ, хорошъ, но не оп- «личенъ; вѣроящно, что полюбишся, но не «вѣрно . . . . . Елену видѣлъ я въ шапиѣ «у Царицы: она сидѣла между маперью и «бабкою на золошомъ коврѣ и жемчужномъ «изголовьѣ въ бархашной одеждѣ съ круже- «вами, въ шапкѣ украшенной каменьями дра- «гоцѣнными. Оцецъ велѣлъ ей всшашь, «сняшь съ себя верхнюю одежду и шапку; «вымѣрилъ ея росшъ деревцомъ и подалъ »мнѣ сію мѣрку, чшобы сличишь съ данною «оцъ Государя. Елена прелесшна, но не «чрезвычайно: бѣла и еще нѣсколько бли-

«ся; глаза у нее черные, носъ не большой, «волосы *крашеные*; станомъ пряма, но слиш- «комъ тонка опъ молодоспи: ибо ей толь- «ко 10 лѣтъ: и въ лицѣ не довольно полна. «Старшій братъ Еленинъ гораздо благо- «виднѣе.« Тапищевъ хотѣлъ везти въ Мо- скву невѣсту и жениха, говоря, что первая будетъ жить до совершенныхъ лѣтъ у Царицы Маріи, учится языку и навыкать обычаямъ Русскимъ. Отпустивъ съ нимъ Хоздроя, Юрій удержалъ Елену до новаго Посольства Царскаго, и тѣмъ избавилъ себя опъ слезъ разлуки безполезной: ибо Елена уже не нашла бы въ Москвѣ своего жениха зло- счастнаго! Тапищевъ долженъ былъ оста- вить и Хоздроя, для его безопасности, въ землѣ Сонской, узнавъ, что случилось въ Дагестанѣ, гдѣ Турки отмстили намъ съ лихвою за геройство Московскихъ Стрѣльцевъ въ Иверіи, и гдѣ въ нѣсколько дней мы лиши- лись всего, кромѣ добраго имени воинскаго!

Г. 1598 —604.

Бѣд- ствіе Россі- янъ въ Даге- станѣ.

Отношенія Россіи къ Константинополю были странны: Турки въ Іоанново время безъ объявленія войны приступали къ А- страхани, а въ Ѳеодорово и къ самой Москвѣ подъ знаменами Крыма; а Цари еще увѣря- ли Султановъ въ дружелюбіи[96], удивляясь симъ непріятельскимъ дѣйствіямъ, какъ ошиб- кѣ или недоразумѣнію. Утѣсненный нами Шавкалъ, тщетно ожидавъ вспоможенія отъ Аббаса, искалъ защиты Магомета III, кото- рый велѣлъ Дербентскому и другимъ Пашамъ

Г. 1598.—604. своимъ въ областяхъ Каспійскихъ изгнать Россіянъ изъ Дагестана. Турки соединились съ Кумыками, Лезгинцами, Аварами, и весною въ 1605 году подступили къ Койсѣ, гдѣ начальствовалъ Князь Владиміръ Долгорукій, имѣя мало воиновъ: ибо полки, ушедшіе зимовать въ Астрахань, еще не возвратились. Долгорукій зажегъ крѣпость, сѣлъ на суда и моремъ приплылъ въ городокъ Терскій[97]; а Паши осадили Бупурлина въ Таркахъ. Сей Воевода, уже старецъ лѣтами, славился доблестію: худо ограждаемый стѣною, еще недостроенною, онъ терялъ много людей, но отразилъ нѣсколько приступовъ. Часть стѣны разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ съ лучшею дружиною Московскихъ Стрѣльцевъ[98]. Бупурлинъ еще мужествовалъ, однакожь видѣлъ невозможность спасти городъ, слушалъ предложенія Султанскихъ чиновниковъ, колебался, и наконецъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищей, рѣшился спасти хотя одно войско. Главный Паша самъ былъ у него въ заставкѣ, пировалъ и клялся ему выпустить Россіянъ съ честію, съ доспѣхами, и надѣлить всѣми нужными запасами. Но вѣроломные Кумыки, давъ нашимъ свободный путь изъ крѣпости до степи, вдругъ окружили ихъ и начали страшное кровопролитіе. Пишутъ, что добрые Россіяне единодушно обрекли себя на славную гибель; бились съ непріятелемъ злымъ и многочисленнымъ въ руко-

пашь, человѣкъ съ человѣкомъ, одинъ съ премя, боясь не смерпи, а плѣна. Изъ пер- Г. 1598 —604.
выхъ, въ глазахъ отца, палъ сынъ главнаго начальника, Бупурлина, прекрасный юноша; за нимъ его спарецъ-родитель; также и Воевода Плещеевъ съ двумя сыновьями, Воевода Полевъ, и всѣ, кромѣ пяжело-уязвленаго Князя Владиміра Бахтѣярова и другихъ немногихъ, взятыхъ за-мертво непріятелемъ, но послѣ освобожденныхъ Сулпаномъ. — Сія битва несчастная, хотя и славная для побѣжденныхъ, стоила намъ отъ шести до семи тысячь воиновъ, и на 118 лѣтъ изгладила слѣды Россійскаго владѣнія въ Дагестанѣ.

Тапищевъ возвратился уже въ новое царствованіе, и Борисъ [99], не имѣвъ времени узнать о возведеніи отцеубійцы-Мусульманина на престолъ Иверіи, до конца дней своихъ былъ другомъ Аббасу, какъ врагу явнаго, опаснаго врага нашего, Сулпана, противъ коего мы ревностно возбуждали тогда и Азію и Европу.

Въ самыхъ переговорахъ съ Англіею Борисъ изъявлялъ желаніе, чтобы всѣ Христіанскія Державы единодушно возстали на Оттоманскую. «Не только Послы Импера- Дружество съ Англіею.
«тора и Римскіе»[100] — писалъ онъ къ Елисавепѣ — «но и другіе иноземные путе-
«шествепники увѣряли насъ, что ты будто бы вѣ тѣсной связи съ Сулпаномъ:
«мы дивились и не вѣрили. Нѣтъ, ты не
«будешь никогда дружить злодѣямъ Хри-

Г. 1598. —604. «спіанства, и конечно пристанешь къ об-
«щему союзу Государей Европейскихъ, что-
«бы унизить высокую руку невѣрныхъ:
«цѣль достойная тебя и всѣхъ насъ!» Но
Елисавета имѣла въ виду только выгоды
своего купечества, и для того ласкала са-
молюбію Царя знаками чрезвычайнаго къ не-
му уваженія. Посланника нашего, Дворянина
Микулина, встрѣтили въ Лондонѣ съ не-
обыкновенною честію: въ гавани и въ кре-
пости спрѣляли изъ пушекъ, когда онъ (18
Сент. 1600) плылъ Темзою и ѣхалъ горо-
домъ въ Елисаветиной каретѣ, провождае-
мой тремя сотнями чиновныхъ всадниковъ,
Алдерманами, купцами въ богатомъ нарядѣ,
въ золотыхъ цѣпяхъ[101]. Улицы были тѣсны
для множества зрителей. Знаменитому го-
стю, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Лондо-
на, служили Королевины люди: Елисавета
прислала ему изъ своей казны блюда, чаши
и кубки серебряные. Угадывали и спѣшили
исполнять его желанія, но онъ велъ себя
умно и скромно: за все благодарилъ и ни-
чего не требовалъ. Представленіе было въ
Ричмондѣ (14 Октября): Елисавета вста-
ла съ мѣста и нѣсколько шаговъ ступила
на встрѣчу Посланнику: славила воцареніе
Бориса, своего *брата сердечнаго*, *издавна
милостиваго къ Англичанамъ*; говорила, что
ежедневно молится о немъ Богу; что
имѣетъ друзей между Государями Европей-
скими, но никого изъ нихъ не любитъ столь

вседушно, какъ Самодержца Россійскаго[102]; что одно изъ ея главныхъ удовольствій есть исполнять его волю. Микулинъ обѣдалъ у Королевы, и только одинъ сидѣлъ съ нею: Лорды и знатные чиновники не садились; она стоя пила *чашу Борисову*. Приглашаемый быть зрителемъ всего любопытнаго, Посланникъ нашъ видѣлъ Рыцарскія игры въ день восшествія на престолъ Елисаветы, праздникъ Орденскій Св. Георгія, богослуженіе въ церкви Св. Павла и торжественный въѣздъ Королевы въ Лондонъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ и звукѣ трубъ, со всѣми Перами и царедворцами, среди безчисленнаго множества гражданъ, исполненныхъ усердія и любви къ своей Монархинѣ. Елисавета вездѣ благодарила Микулина за его присутствіе, и въ ласковыхъ съ нимъ бесѣдахъ никогда не забывала хвалить Бориса и Россіянъ. Плѣненный ея милостями, сей Посланникъ имѣлъ случай оказать ей свое усердіе. Въ день ужасный для Лондона (18 Февраля 1601), когда несчастный Эссексъ, дерзнувъ объявить себя мятежникомъ, съ пятью стами преданныхъ ему людей шелъ овладѣть крѣпостію — когда всѣ улицы, замкнутыя цѣпями, наполнились воинами и гражданами въ доспѣхахъ — Микулинъ вмѣстѣ съ вѣрными Англичанами вооружился для спасенія Елисаветы, какъ сама она, упишивъ бунтъ, писала къ Царю, славя доблесть его сановника[103]. — г. 1598. —604.

Г. 1598.—604. Однимъ словомъ, сіе Посольство утвердило личное дружество между Борисомъ и Королевою. Хотя Елисавета, будучи врагомъ Испаніи и Австріи, не могла принять мысли Борисовой о новомъ Крестовомъ Походѣ или союзѣ всѣхъ Державъ Христіанскихъ для изгнанія Турковъ изъ Европы, но удосповѣрила его въ томъ, что никогда не мыслила о вспоможеніи Султану, и что ревностно желаетъ успѣха Христіанскому оружію. Царь имѣлъ и другое сомнѣніе: онъ слышалъ, что Англія благопріятствуетъ Сигизмунду въ войнѣ съ Шведскимъ Правителемъ; но Елисавета старалась доказать ему, что и Вѣра и Политика предписываютъ ей усердствовать Карлу. Довольный сими объясненіями, Борисъ далъ новую жалованную грамоту Англичанамъ для свободной, безпошлинной торговли въ Россіи, съ особеннымъ благоволеніемъ принявъ Посланника Елисаветина, Ричарда Ли[104], коего главнымъ дѣломъ было увѣрить Царя въ ея дружбѣ и величать его добродѣтели. «Все-«ленная полна славы твоей,» писалъ къ нему Ли, выѣзжая изъ Россіи: «ибо ты, силь-«нѣйшій изъ Монарховъ, доволенъ своимъ, «не желая чужаго. Враги хотятъ быть съ «тобою въ мирѣ отъ страха, а друзья въ «союзѣ отъ [illegible]обви и довѣренности. Когда «бы всѣ Христіанскіе Вѣнценосцы мыслили «подобно тебѣ, тогда бы царствовала ти-«шина въ Европѣ, и ни Султанъ, ни Папа

«не могли бы возмутить ея спокойствія.» Г. 1598. —604.
Узнавъ, что Борисъ имѣетъ намѣреніе женить сына, Королева (въ 1603 году) предлагала ему руку знатной, одиннадцатилѣтней Англичанки, украшенной рѣдкими прелестями и достоинствами; вызывалась немедленно прислать живописное изображеніе сей и другихъ красавицъ Лондонскихъ, и желала, чтобы Царь до того времени не искалъ другой супруги для юнаго Ѳеодора. Но Борисъ хотѣлъ прежде знать, кто невѣста, и родня ли Королевѣ, увѣряя, что многіе великіе Государи пребуютъ части соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. Кончина Елисаветы, сколь знаменитой въ лѣтописяхъ Британскихъ, достопамятной и въ нашей Исторіи долговременною пріязнію къ Россіи, устранила дѣло о сватовствѣ, не прервавъ дружественной связи между Англіею и Царемъ. Новый Король, Іаковъ I[105], не замедлилъ извѣстить Бориса о соединеніи Шотландіи съ Англіею, и писалъ: «наслѣдовавъ престолъ моей тет-«ки, желаю наслѣдовать и твою къ ней лю-«бовь.» Посолъ Іакова, Ѳома Смитъ, (въ Октябрѣ 1604) представивъ Борису въ даръ великолѣпную карету и нѣсколько сосудовъ серебряныхъ[106], сказалъ ему, что «Король, Англійскій и Шотландскій, сильный воинствомъ, морскимъ и сухопутнымъ, еще сильнѣйшій любовію народною, только одного Московскаго Вѣнценосца проситъ о

Г. 1598 —604. дружбѣ: ибо всѣ иные Государи Европейскіе сами ищутъ въ Іаковѣ; что онъ имѣетъ двоякое право на сію дружбу, пребуя оной въ память великой Елисаветы и своего незабвеннаго шурина, Датскаго Герцога Іоанна, коего Царь любилъ сполъ нѣжно и сполъ горестно оплакалъ.» Борисъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ Монарховъ не былъ онъ въ такой сердечной любви, какъ съ Елисаветою, и что желаетъ навсегда оспаться другомъ Англіи. Сверхъ права торговать безпошлинно во всѣхъ нашихъ городахъ, Іаковъ требовалъ свободнаго пропуска Англичанъ чрезъ Россію въ Персію, въ Индію и въ другія Восточныя земли для опысканія пути въ Китай, ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, около мыса Доброй Надежды, къ обоюдной пользѣ Англіи и Россіи, изъясняя, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ земли въ землю, оставляютъ на пути слѣды золотые. Бояре удостовѣрили Посла въ неизмѣнной силѣ милостивыхъ грамотъ, данныхъ Царемъ госпямъ Лондонскимъ, но объявили, что жестокая война пылаетъ на берегахъ Каспійскаго моря; что Аббасъ приступаетъ къ Дербенту, Баку и Шамахѣ; что Царь до времени не можетъ пустить туда Англичанъ, для ихъ безопасности. Съ такимъ отвѣтомъ Смитъ выѣхалъ изъ Москвы (20 Марта 1605). Уже не было рѣчи о государственномъ союзѣ Англіи съ

Россіею; одна торговля служила твердою связію между ими, будучи равно выгодною для обѣихъ. Г. 1598—604.

Предпочтительно благопріятствуя сей торговлѣ, какъ важнѣйшей для Россіи, Борисъ не усомнился однакожь дать и Нѣмецкимъ госпямъ права новыя. Еще не довольная Ѳеодоровою жалованною грамотою, Ганза прислала въ Москву Любскаго Бургомистра Гермерса, трехъ Рапсгеровъ и Секретаря своего, которые (3 Апрѣля 1603) поднесли въ даръ Государю и сыну его литыя серебряныя, вызолоченныя изображенія Фортуны, Венеры, двухъ большихъ орловъ, двухъ копей, льва, единорога, носорога, оленя, спруса, пеликана, грифа и павлина[107]. Купцевъ приняли какъ знатнѣйшихъ Вельможъ; угостили обѣдомъ на золотѣ. Опъ имени *пятидесяти-девяти* Нѣмецкихъ союзныхъ городовъ они вручили Боярамъ *челобитную*, писанную убѣдительно и смиренно. Въ ней было сказано, что древность ихъ торговли въ нашемъ отечествѣ исчисляется не годами, а столѣтіями; что въ самыя отдаленныя времена, когда Англичане, Голландцы, Французы едва знали имя Россіи, Ганза доставляла ей все нужное и пріятное для жизни гражданской, и за то искони пользовалась благоволеніемъ *Державныхъ предковъ Царя*, правами и выгодами исключительными: о возвращеніи сихъ правъ молила Ганза, славя Бориса; желала торго- Ганза.

Г. 1598 —604. вли безпошлинной; хотѣла, чтобы онъ дозволилъ ей свободно купечествовать и въ пристаняхъ Сѣвернаго моря, въ Колмогорахъ, въ Архангельскѣ, и далъ гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, съ правомъ имѣть тамъ церкви, какъ въ старину бывало; требовала ямскихъ лошадей для перевоза своихъ товаровъ изъ мѣста въ мѣсто, и проч. Царь сказалъ, что въ Россіи берутъ таможенную пошлину съ купцевъ Императора, Королей Испанскаго, Французскаго, Литовскаго, Датскаго; что жители вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ должны платить ее, какъ и всѣ, но что половина ея, въ знакъ милости, уступается Любчанамъ[108]: ибо другіе Нѣмцы суть подданные разныхъ Властителей, для коихъ ничто не обязываетъ насъ быть столь безкорыстными; что одни же Любчане избавляются отъ всякаго таможеннаго осмотра, сами заявляя и цѣня свои товары по совѣсти; что Ганзѣ дозволяется торговать въ Архангельскѣ, также купить или завести гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ и Москвѣ своимъ иждивеніемъ, а не Государевымъ; что всякая Вѣра терпима въ Россіи, но строить церквей не дозволяется ни Католикамъ, ни Лютеранамъ, и что въ семъ отказано знатнѣйшимъ Вѣнценосцамъ Европы, Императору, Королевѣ Елисаветѣ и проч.; что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственно

для гонцевъ Правительства и для Пословъ чужеземныхъ. Въ такомъ смыслѣ написали жалованную грамоту (5 Іюня), съ прибавленіемъ, что имѣніе гостей, умирающихъ въ Россіи, неприкосновенно для Казны и въ цѣлости отдается ихъ наслѣдникамъ; что Нѣмцы въ домахъ своихъ могутъ держать вино Русское, пиво и медъ для своего употребленія, а продавать единственно чужеземныя вина, въ куфахъ или въ бочкахъ, но не ведрами и не въ стопы. — Съ сею жалованною грамотою Послы выѣхали въ Новгородъ, представили ее тамъ Воеводѣ, Князю Буйносову-Ростовскому, и требовали мѣста для строенія домовъ и лавокъ; но Воевода ждалъ еще особеннаго указа, и долго, такъ, что они, лишась терпѣнія, уѣхали во Псковъ, гдѣ были счастливѣе: градоначальникъ немедленно отвелъ имъ, на берегу рѣки Великой, внѣ города, мѣсто стараго гостинаго двора Нѣмецкаго, то есть, его развалины, памятникъ древней цвѣтущей торговли въ знаменитой Ольгиной родинѣ. Жители радовались не менѣе Любчанъ, воспоминая преданія о счастливомъ союзѣ ихъ города съ Ганзою; но минувшее уже не могло возвратиться, ибо перемѣны въ отношеніяхъ Ганзы къ Европѣ и Пскова къ Россіи. Оставивъ повѣренныхъ, чтобы изготовить все нужное для заведенія Конторы въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Гермерсъ и товарищи его спѣшили 1598—604 г.

1598—604. Г. обрадовапъ Любекъ успѣхомъ своего дѣла— и въ 1604 году корабли Гамбургскіе уже начали приходипъ въ Архангельскъ[109].

Посольства Римскія и Флорентійское.

Между Европейскими Посольспвами замѣпимъ еще Римскія и Флоренпійское. Въ 1601 году были въ Москвѣ Нунціи Климента VIII, Францискъ Коспа и Дидакъ Миранда, а другіе въ 1603 году, пребуя дозволенія ѣхапь въ Персію[110]: Царь велѣлъ имъ дапь суда, чпобы плыпь Волгою въ Аспрахань. — Фердинандъ, Великій Герцогъ Тосканскій и Флоренпійскій, одинъ изъ знаменипыхъ Власпипелей славнаго рода Медицисовъ, великодушный другъ Генрика IV, присылалъ къ Борису (въ Марпѣ 1602) чиновника Авраама Люса, съ предложеніемъ своихъ услугъ для вызова въ Россію людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, и для доспавленія ей богапыхъ еспесптвенныхъ произведеній Ипаліи, особенно мрамора и дерева драгоцѣннаго, моремъ чрезъ наши Двинскія гавани[111].

Греки въ Москвѣ.

Не имѣя никакого сношенія съ Магомепомъ III, ни съ его наслѣдникомъ, Ахмепомъ I[112], мы узнавали всѣ происшесптвія Конспаннинопольскія опъ Греческихъ Свяпипелей, копорые непреспанно являлись въ Москвѣ за милосппынею, съ иконами и съ благословеніемъ Папріарховъ. Еще Іоаннъ далъ Аѳонской Введенской Обипели дворъ въ Кипаѣ-городѣ у монаспыря Богоявленскаго, гдѣ приспавали ея спранники-Иноки

и другіе Греки, искавшіе службы въ Россіи[113]. Извѣстія сихъ нашихъ ревностныхъ единовѣрцевъ о затрудненіяхъ и худомъ внутреннемъ состояніи Оттоманской Имперіи удостовѣряли Бориса въ безопасности съ ея стороны, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени. 1598—604

Государственная хитрость Борисова, по словамъ Лѣтописца, всего успѣшнѣе дѣйствовала въ Ногайскихъ Улусахъ, ослабленныхъ и разоренныхъ междоусобіемъ ихъ Властителей, коихъ будто бы ссорили Намѣстники Астраханскіе[114]. Вопреки Лѣтописцу, бумаги государственныя представляютъ Бориса миротворцемъ Ногаевъ, по крайней мѣрѣ главнаго ихъ Улуса, Волжскаго или Уральскаго, который со временъ знаменитаго отца Сююнбеки, Юсуфа, имѣлъ всегда одного Князя и трехъ чиновниковъ-Властителей: Нурадына, Тайбугу и Кокувапа[115], но тогда повиновался двумъ Князьямъ, Ишпереку, сыну Тинъ-Ахмапову, и Янараслану, Урусову сыну, исполненнымъ ненависти другъ ко другу. На приказъ Борисовъ, чтобы они жили въ любви и въ братствѣ, Янаралань отвѣчалъ: «Царь «Московскій желаетъ чуда: велитъ овцамъ «дружиться съ волками и пить воду изъ «одной проруби!» Боярин Семенъ Годуновъ, уполномоченный Царемъ, пріѣхалъ въ Астрахань, собралъ тамъ (въ Ноябрѣ 1604) Ногайскихъ Вельможъ, объявилъ Ишперека Дѣла Ногайскія.

1598 —604. Г. первымъ или спарѣйшимъ Княземъ и взялъ съ него кляпвенную грамопу въ помъ, чпобы ему и всему Исмаилову племени служипь Россіи и бипься съ ея врагами до послѣдняго издыханія, не давапь ни кому Княжескаго и Нурадынскаго доспоинспва безъ упвержденія Государева, не имѣпь войны междоусобной, не сноспься съ Шахомъ, Сулпаномъ, Ханомъ Крымскимъ, Царями Бухарскимъ и Хивинскимъ, *Ташкенцами*, Ордою Киргизскою, Шавкаломъ и Черкесами — кочевапь въ спепяхъ Аспраханскихъ у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ около Царицына — перезвапь къ себѣ Улусъ Казыевъ или овладѣпь имъ, чпобы опъ моря Чернаго до Каспійскаго и далѣе, на Воспокъ и Сѣверъ, не было въ спепяхъ иной Орды Ногайской, кромѣ Ишперековой, вѣрной Царю Московскому. Улусъ Казыевъ, опдѣлясь опъ Волжскаго и кочуя близъ Азова съ своимъ Княземъ Барангазыемъ, зависѣлъ опъ Турковъ и Крымцевъ, часпо искалъ милоспи въ Царѣ, обѣщалъ служипь Россіи, вѣроломспвовалъ и грабилъ въ ея владѣніяхъ: чпобы унять или совершенно испребипь его, Борисъ велѣлъ Донскимъ Козакамъ помогапь Ишпереку, и прислалъ ему въ даръ богапую саблю, писалъ: «она «будепъ или на шеѣ злодѣевъ Россіи или «на пвоей собспвенной.» Сей Князь исполнилъ условіе и непреспанно пѣснилъ Ногаевъ Азовскихъ, пакъ, чпо многіе изъ

нихъ сдѣлались нищими и продавали дѣтей своихъ въ Астрахани. — Третій Ногайскій Улусъ[116], именуясь *Алтаульскимъ*, занималъ степи въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала, и находился въ тѣсной связи съ Бухаріею и съ Хивою: Ишперекъ долженъ былъ также склонять его Мурзъ къ подданству Россійскому, соединенному съ важною выгодою въ торговлѣ: Борисъ, дозволяя вѣрнымъ Ногаямъ мирно купечествовать въ Астрахани, освобождалъ ихъ отъ всякой пошлины. 1598—604 г.

Представивъ въ семъ обозрѣніи важнѣйшія дѣйствія Борисовой Политики, Европейской и Азіатской — Политики вообще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной* — представимъ дѣйствія Борисовы внутри Государства, въ законодательствѣ и въ гражданскомъ образованіи Россіи. Дѣла внутреннія.

Въ 1599 году Борисъ, въ знакъ любви къ Патріарху Іову, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ Митрополиту Аѳанасію, такого содержанія, что всѣ люди Первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ освобождаются отъ Вѣдомства Царскихъ Бояръ, Намѣстниковъ, Волостелей, Тіуновъ, и не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, завися единственно отъ суда Патріаршаго; увольняются также отъ Жалованная грамота Патріарху.

Г. 1598—604 всякихъ подашей казенныхъ Сіе древнее государственное право нашего Духовенства оспаваюсь неизмѣннымъ и въ царспвованіе Василія Шуйскаго, Михаила и сына его[117].

За-конъ о крестьянахъ. Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлію своєю благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или неизбыпочныхъ, какъ мы сказали[118], имѣлъ однакожь и для нихъ вредное слѣдспвіе, часпыми побѣгами крепспьянъ, особенно изъ селеній мелкаго Дворянспва: владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывапіельспвѣ, судились, разорялись[119]. Зло было епюль велико, чпо Борисъ, не желая совершенно опмѣнипь закона благонамѣреннаго, рѣшился объявипь его пюлько временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ земледѣльцамъ господъ малочиновныхъ, Дѣпей Боярскихъ и другихъ, вездѣ, кромѣ одного Московскаго Уѣзда, переходипь въ извѣспный срокъ опъ владѣльца къ владѣльцу *того же состоянія*, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе, какъ по два вмѣспѣ; а крепспьянамъ Бояръ, Дворянъ, знапныхъ Дьяковъ, и казеннымъ, Свипипельскимъ, монаспырскимъ велѣлъ оспапься безъ перехода на означенный 1601 годъ[120]. Увѣряюпъ, чпо измѣненіе успава древняго и не пвердоспь новаго, возбудивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдспвенную судьбу Годунова; но сіе любопыпное сказаніе Историковъ XVIII вѣка[121] не основано на извѣспіяхъ со-

временниковъ, которые единогласно хваляпъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ. Г. 1593—604.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, болѣе или менѣе свойственная всѣмъ народамъ Сѣвернымъ, долгое время была осуждаема въ Россіи единственно учителями Христіанства и мнѣніемъ людей нравственныхъ. Іоаннъ III и внукъ его хотѣли ограничить ея неумѣренность закономъ, и наказывали оную какъ гражданское преступленіе[122]. Можетъ быть, не столько для умноженія Царскихъ доходовъ, сколько для обузданія невоздержныхъ, Іоаннъ IV налагалъ пошлину на вареніе пива и меда. Въ Ѳеодорово время существовали въ большихъ городахъ казенные питейные домы, гдѣ продавалось и вино хлѣбное[123], неизвѣстное въ Европѣ до XIV вѣка; но и многіе частные люди торговали крѣпкими напитками, къ распространенію пьянства: Борисъ строго запретилъ сію вольную продажу, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора и разбойника, нежели корчемниковъ; убѣждалъ ихъ жить инымъ способомъ и честными трудами; обѣщалъ дать имъ земли, если они желаютъ заняться хлѣбопашествомъ[124]: но хотѣвъ пѣмъ, какъ пить, воздержать народъ отъ страсти равно вредной и гнусной, Царь не могъ ис- Питейные домы.

Г. 1598. —604. пребить корчемства, и самые казенные пипейные домы, наперерывъ опкупаемые за высокую цѣну, служили мѣспомъ развраша для людей слабыхъ.

Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ.

Въ усердной любви къ гражданскому образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ Вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе завесши школы и даже *Университеты*[125], чпобы учишь молодыхъ Россіянъ языкамъ Европейскимъ и *Наукамъ*: въ 1600 году онъ посылалъ въ Германію Нѣмца, Іоанна Крамера, уполномочивъ его искашь шамъ и привезши въ Москву Профессоровъ и Докшоровъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многихъ ревносшныхъ друзей просвѣщенія: одинъ изъ нихъ, учишель Правъ, именемъ Товіа Лонціусъ, писалъ къ Борису (въ Генварѣ 1601): «Ваше Царское Величесшво «хошише быть исшиннымъ опцемъ опече- «сшва и заслужишь всемірную, безсмерш- «ную славу. Вы избраны Небомъ совершишь «дѣло великое, новое для Россіи: просвѣшишь «умъ вашего народа несмѣшнаго, и шѣмъ «возвысишь его душу вмѣсшѣ съ государ- «сшвеннымъ могущесшвомъ, слѣдуя примѣру «Егишша, Греціи, Рима и знаменишыхъ Дер- «жавъ Европейскихъ, цвѣшущихъ Искусства- «ми и Науками благородными.» Сіе важное намѣреніе не исполнилось, какъ пишушъ, опшъ сильныхъ возраженій Духовенства, которое предсшавило Царю, чшо Россія благоденсшвуешъ въ мирѣ единсшвомъ Закона

и языка; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для Церкви[126]; что во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества Католикамъ и Люteранамъ. Но оставивъ мысль заводить *Университеты* въ Россіи, Царь послалъ 18 молодыхъ *Боярскихъ людей* въ Лондонъ, въ Любекъ и во Францію, учиться языкамъ иноземнымъ, такъ же, какъ молодые Англичане и Французы ѣздили тогда въ Москву учиться Русскому. Умомъ есте- ственнымъ понявъ великую истину, что народное образованіе есть сила государственная, и видя несомнительное въ ономъ превосходство другихъ Европейцевъ, онъ звалъ къ себѣ изъ Англіи, Голландіи, Германіи, не только лекарей, художниковъ, ремесленниковъ, но и людей чиновныхъ въ службу. Такъ Посланникъ нашъ, Микулинъ, сказалъ въ Лондонѣ тремъ путешествующимъ Баронамъ Нѣмецкимъ, что если они желаютъ изъ любопытства видѣть Россію, то Царь съ удовольствіемъ приметъ ихъ и съ честію отпуститъ; но если, любя славу, хотятъ служить ему умомъ и мечемъ въ дѣлѣ воинскомъ, на равнѣ съ Князьями Владѣтельными, то удивятся его ласкѣ и милости[127]. Въ 1601 году Борисъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ принялъ въ Москвѣ 35 Ливонскихъ Дворянъ и гражданъ, изгнанныхъ изъ отечества Поляками. Они не смѣли итти во дворецъ, будучи худо одѣты: Царь велѣлъ

г. 1598. —604.

Г. 1598. —604. сказать имъ: «хочу видѣть людей, а не «платье»; обѣдалъ съ ними; утѣшалъ ихъ и тронулъ до слезъ увѣреніемъ, что будетъ имъ вмѣсто отца: Дворянъ сдѣлаетъ Князьями, мѣщанъ Дворянами; далъ каждому, сверхъ богатыхъ тканей и соболей, пристойное жалованье и помѣстье[128], не требуя въ возмездіе ничего, кромѣ любви, вѣрности и молитвы о благоденствіи его Дома. Знатнѣйшій изъ нихъ, Тизенгаузенъ, клялся именемъ всѣхъ умереть за Бориса, и сіи добрые Ливонцы, какъ увидимъ, не обманули Царя, съ ревностію вступивъ въ его Нѣмецкую дружину. Вообще благосклонный къ людямъ ума образованнаго, онъ чрезвычайно любилъ своихъ иноземныхъ Медиковъ[129], ежедневно видѣлся съ ними, разговаривалъ о дѣлахъ государственныхъ, о Вѣрѣ; часто просилъ ихъ за него молиться, и только въ удовольствіе имъ согласился на возобновленіе Лютеранской церкви въ Слободѣ Яузской. Пасторъ сей церкви, Мартинъ Беръ, коему мы обязаны любопытною Исторіею временъ Годунова и слѣдующихъ, пишетъ: «мирно слушая ученіе Христіанское и тор«жественно славословя Всевышняго по об«рядамъ Вѣры своей, Нѣмцы Московскіе пла«кали отъ радости, что дожили до такого «счастія!»

Признательность иноземцевъ къ милостямъ Царя не осталась безплодною для его славы: мужъ ученый Фидлеръ, житель

Кенигсбергскій (брапъ одного изъ Борисовыхъ Медиковъ) сочинилъ ему въ 1602 году на Лапинскомъ языкѣ похвальное слово[130], которое чипала Европа, и въ коемъ Оратоpъ уподобляетъ своего Героя Нумѣ, превознося въ немъ законодапельную мудрость, миролюбіе и *чистоту нравовъ*. Сію послѣднюю хвалу дѣйствительно заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдапель всѣхъ успаковъ церковныхъ и правилъ благочинія, трезвый, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и примѣръ въ жизни семейственной, супругъ, родитель нѣжный, особенно къ милому, ненаглядному сыну, которато онъ любилъ до слабости[131], ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ величествомъ, не пускалъ никуда копъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ Наукамъ: любопытнымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній сего Царевича оспалась ландкарпа Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ[132]. Готовя въ сынѣ достойнаго Монарха для велпкой Державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Ѳеодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходапая, заспупника, умирителя[133]; ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйспвуя и въ семъ случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный Политикъ, но еще болѣе какъ спрасптный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастіемъ

Г 1598. —604. Похвальное слово Годунову.

Горячность Борисова къ сыну.

Г. 1598. —604. Начало бѣдствій.

доказывая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ!

Но время приближалось, когда сей мудрый Властипитель, доспойно славимый погда въ Европѣ за свою разумную Политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть испиннымъ отцемъ отечества, — наконецъ за благонравіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда Небеснаго. Предтечами были внутреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усильно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Борисова.

Г. 1600 — 1605.

Блестящее властвованіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса.

Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Вишязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Бишва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова.

Г. 1600—605.

Доспигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія[134]: она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ Царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпри-

Блестящее властвованіе Бориса.

Г. мѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь
1600 жизни людей, не обагряя земли Русской ни
—605- каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою[135]. Купечество, менѣе спѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной пищинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Синклитъ, уважаемый Царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; Духовенство, чтимое Царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя сословія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ[136], *любила* своего Вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ немъ!

Но Вѣнценосецъ зналъ свою пашну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя[137]; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей — какъ бы для того, чтобы лицемъ

Монарха не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова — онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и не довольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ* и *вечеряхъ*, *за чашами*, о душевномъ спасеніи и плѣсномъ здравіи «Слуги Божія, Царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, Самодержца всей Восточной страны и Сѣверной; о Царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и Церкви подъ скиптромъ единаго Христіанскаго Вѣнценосца въ мірѣ, чтобы всѣ иные Властители предъ нимъ уклонялись и *рабски служили* ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы Россіяне всегда съ умиленіемъ славили Бога за такого Монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля Русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Борисова Дому возрасли благословеніемъ Небеснымъ и непрерывно осѣняли оную до скончанія вѣковъ»[138]! То есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ

Г. 1600—605.

Молитва о Царѣ.

Г. 1600—605. народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника! . . . Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ Судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Подозрѣнія Борисовы.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ Царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ[139]: ибо естественно думалъ, что и другіе, подобные ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, Дворянства, Вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія

и доносовъ былъ топъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и спрадалъ за него при Ѳеодорѣ[140] — свойственникъ Царицы Маріи, Бѣльскій. Спасе́нный Годуновымъ отъ злобы народной во время Московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, — снова призванный ко Двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго Думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣте́лемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ Царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году Царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго[141], г. безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лице уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатнѣйшее Воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не Царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ Стрѣльцовъ и Козаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ Государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей; что дѣлатели не скучали работою,

Г. 1600—605. Гоненія.

Г. любя, славя начальника; а Царю донесли,
1600
—605. что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: «Борисъ Царь въ Москвѣ, а я Царь въ Борисовѣ»[142]! Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго, безпокойнаго друга) — и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но Царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ Шотландскаго Хирурга Габріеля для совершенія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ, и заточенный въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Памятнь добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Цар-

скимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичь, доспойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Ѳедора, Александра, Михайла, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца[143]. Чествя ихъ наружно — давъ старшимъ, Ѳедору и Александру, Боярство, Михайлу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Иринѣ[144] — Борисъ внутренне опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо носилась молва, что Ѳеодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ нихъ наслѣдникомъ Государства[145]: молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Ѳеодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственниковъ Царскихъ[146]; но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Ѳеодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ

г. 1600 — 605.

Г. 1600—605. предательствѣ, Царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Ѳедора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ Вѣнценосцу[147]: Шестунова еще не пронули, но всенародно, на площади, *сказали* клеветнику *милостивое слово Государево*, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская; и главный клевретъ новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, Вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ[148], далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у Боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: Синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія Царя. Всѣ въ ужасѣ — и Вельможи, усердные подобно Римскимъ Сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ

кидаюпся на мнимыхъ злодѣевъ, какъ ди- Г.
кіе звѣри на агнцевъ, — грозно шребуюпъ 1600
опивѣпа и не слушаюпъ его въ шумѣ. Оп- —605
даюпъ Романовыхъ подъ крѣпкую спражу
и веляпъ судипь, какъ судипъ беззаконіе.

Сіе дѣло еспь одно изъ гнуснѣйшихъ Бо-
рисова ожесточенія и безспыдспва. Не
полько Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближ-
нимъ надлежало погибнупь, чпобы не оспа-
лось мспипелей на землѣ за невинныхъ
спрадальцевъ. Взяли Князей Черкасскихъ,
Шеспуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карповыхъ, Сиц-
кихъ: знапнѣйшаго изъ послѣднихъ, Князя
Ивана Васильевича, Намѣспника Аспраха-
скаго, привезли въ Москву скованнаго съ
женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали
пыпкою, особенно Романовыхъ[149]; мучили,
перзали слугъ ихъ, безжалоспно и безпо-
лезно: никпо не упѣшилъ пирана клеве-
пою на самого себя или на другихъ; вѣр-
ные рабы умирали въ мукахъ, свидѣпель-
спвуя единспвенно о невинноспи господъ
своихъ предъ Царемъ и Богомъ. Но судіи
не дерзали сомнѣваться въ испинѣ пре-
спупленія, споль грубо вымышленнаго, и
прославили неслыханное милосердіе Царя,
когда онъ велѣлъ имъ осудипь Романовыхъ,
со всѣми ихъ ближними, единспвенно на
започеніе, какъ уличенныхъ въ *измѣнѣ*
и въ злодѣйскомъ намѣреніи извеспи Го-
сударя средспвами волшебспва. Въ Іюнѣ
1601 года исполнился *приговоръ Боярскій*[150]:

Г. 1600—605. Ѳеодора Никитича Романова, (будущаго знаменитаго Іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослали въ Сійскую Антоніеву Обитель; супругу его, Ксенію Ивановну, также постриженную и названную Марѳою, въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Ѳедорову, Дворянку *Шестову*, въ Чебоксары, въ Никольскій Дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, Князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ дѣтьми ея брата, Ѳедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ Царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро[151]; сына Борисова, Князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; Князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго Острога; другихъ Сицкихъ, Ѳедора и Владиміра Шестуновыхъ, Карповыхъ и Князей Рѣпниныхъ въ темницы разныхъ городовъ: одного же изъ послѣднихъ, Воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе Царскаго достоянія, въ Уфу[152]. Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; имѣніе движимое и домы взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности: не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными Московскихъ При-

спавовъ, коимъ надлежало смотрѣпь за ни- Г.
ми неусыпно, давапь имъ нужное для жи- 1600
зни и доносипь Царю о каждомъ ихъ словѣ —605.
значипельномъ. Никпо не смѣлъ взглянупь на оглашенныхъ *измѣнниковъ*, ни ходипь близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили, внѣ городовъ и селенiй, вдали спъ большихъ дорогъ; нѣкопорые въ землянкахъ, и даже скованные. Въ монаспырь Сiйскiй не пускали богомольцевъ, чпобы кпо нибудь изъ нихъ не доспавилъ письма Ѳсодору Никипичу, Иноку невольному, но ревпоспному въ благочеспiи: коварный Приспавъ, съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ Царю, чпо Филарепъ не находипъ между Боярами и Вельможами ни одного весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ государспвеннымъ, кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго, и счипаепъ себя жерпвою ихъ злобныхъ навѣповъ[153]; чпо хопя занимаепся единспвенно спасенiемъ души, но поскуепъ о женѣ и дѣпяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиропспвуюпъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдспвенной жизни (Богъ не услышалъ сей молипвы, ко счасптю Россiи!). Донесли пакже Царю, чпо Василiй Романовъ, опягченный болѣзнiю и цѣпями, не хопѣлъ однажды славипь милосердiя Борисова, сказавъ Приспаву: «ис- «пинная добродѣпель не знаепъ пщеславiя.» Но Борисъ, какъ бы желая доказапь узни-

Г. 1600—605. ку испину своего милосердія, велѣлъ сняпь съ него цѣпи, объявипь за нихъ Царскій гнѣвъ Приспаву, излипно ревноспному въ угнепеніи опальныхъ, — перевезпи недужнаго Василія въ Пелымъ къ брапу Ивану Никипичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ опъ удара, и дапь имъ печальное упѣшеніе спрадапь вмѣспѣ. Василій опъ долговременной болѣзни скончался (15 Февраля 1602) подъ молипвою брапа и великодушнаго раба, копорый, вѣрно служивъ господину въ чеспи, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никипичи пакже не долго жили въ пемницѣ, бывъ жерпвою гореспи, или насильспвенной смерпи, какъ пишупъ[154]: перваго сохранили въ Лудѣ, впораго въ семи верспахъ опъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣспѣ пуспынномъ, гдѣ, надъ могилою, выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской храняпся Михайловы пяжкія оковы, и спарцы еще разсказываюпъ памъ о великодушномъ перпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпоспи сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жипелей, коихъ дѣпи приходили къ его пемницѣ играпь на свирѣляхъ, и сквозь отверспія землянки подавали узнику все лучшее, чпо имѣли, для уполенія голода и жажды: любовь, за копорую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царспвованіе Романовыхъ милоспивою, обѣльною грамопою[155]. — Ес-

ли вѣрить Лѣтописцу, по Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у Пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, опъ Политики ли Царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или опъ ходатайствa зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ Мартѣ 1602 Царь *милостиво указалъ* Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени *злодѣя*) ѣхать въ Уфу *на службу*, оттуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города Низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Рѣпниныхъ, неизвѣстно); а Княгинѣ Черкасской, Маѳѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей на Бѣлѣозерѣ[156], велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевскаго Уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ, лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній отрокъ Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету[157]: 1600—605

позволилъ ему споять въ церкви на крылосѣ, взять къ себѣ Черица въ келлію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего *измѣнника* (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному Иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ Іеромонахи и въ Архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра!

1600—605.

Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ Князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти по древней знатности своего рода, могли бы также сопязаться съ его сыномъ о престолѣ[158]. Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Ѳеодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ Воеводу, Князя Владиміра Бахтѣярова-Ростовскаго, и простилъ его[159]; удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго Дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ то же время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними[160]. Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ

темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтниковъ, если не всегда награждаемыхъ, по всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, спремились къ Царскимъ палатамъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, Иноки, Попы, Дьячки, просвирницы [161] на людей всякаго званія — самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцевъ, къ ужасу человѣчества! «И въ дикихъ Ордахъ» (прибавляетъ Лѣтописецъ) «не бываетъ «столь великаго зла: господа не смѣли гля- «дѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе искренно говорить между собою; а когда говори- «ли, то взаимно обязывались страшною «клятвою не измѣнять скромности.» Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями Вѣнценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ — и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы, извѣтники, упучняемые сіяжаніемъ опальныхъ; еще знатное Духовенство, какъ увѣряютъ [162], хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнценосцу, который осыпалъ Святителей зна-

Г. ками благоволенія: но гласъ отечества уже
1600 не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для Царя
—605 явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ: *они уже не любили Бориса*[163]!

Такъ говоритъ Лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей Исторіи своею государственною доблестію: Келарь Палицынъ. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили Царя, когда онъ подъ личиною добродѣтели казался имъ отцемъ народа; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее: въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Димитріева явнѣе означилась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова; безмолвствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ — и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности: тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежемъ ихъ достоянія, алчно-

спію къ прибытку беззаконному, корыспо- Г.
любивымъ введеніемъ опкуповъ, размноже- 1600
ніемъ казенныхъ домовъ пипейныхъ, порчею —605
нравовъ, но и приспрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ спаровѣровъ), даже наклонностію къ Армейской и къ Латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову спавили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и пѣмъ уже не могъ пронуть сердецъ, къ Го-
нему остылыхъ. — Среди естественнаго лодъ.
обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами прудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно[164], такъ, что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 Августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба;

Г. но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля
1600 новымъ, гнилымъ, пощимъ, и не видали
—605 всходовъ, ни осенью, ни весною: все исплѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже осталисъ незасѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вопль голодныхъ вспревожилъ Царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей[165]. Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ Духовенство и Вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копейку[166] — но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, Святителъскихъ, Боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибытком безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за Царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день

нѣсколько тысячь рублей[167], и безполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что нельзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. «Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ» — пишетъ одинъ изъ нихъ[168] — «что я собственными «глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, «лежа на улицахъ, подобно скоту щипали «траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно.» Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалоеь въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ! . . . Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались. . . . И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже! . . . Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая

г. 1600 — 605

г. казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ
1600 Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мерт-
—605 вецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки или копы, и сотнями возили за городъ въ при скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ[169]. Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и въ другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ Уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оспаривъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія[170], и если не спасая многихъ, по вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ, что сокровищница Московская, полная отъ благополучнаго Ѳеодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ; цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ[171], но послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромные скирды, въ теченіе полувѣка неприкосновенные и поросшіе деревьями[172]: велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ

въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доспавленіи вспрѣчались неминуемыя, едва одолимыя прудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ[173], ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались. Обозы шли Россіею какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное [174]. — Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году, мало по малу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до 10 копеекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы! — Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая *мѣра четверика*: ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно *оковами*, *бочками* или *кадями*, четвертями и осьминами[175].

г. 1600 — 605.

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла безъ сомнѣнія и Казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышно-

Г. спи Царской, но еще болѣе нежели когда
1600 нибудь хотѣлъ блиспать оною, чтобы за-
—605. крыпь пѣмъ дѣйспвіе гнѣва Небеснаго, особенно для Пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пупи, опъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши[176]: вездѣ являлись люди, богапо или красиво одѣпые; вездѣ рынки полные поваровъ, мяса и хлѣба, и ни единаго нищаго, памъ, гдѣ за версту въ спорону могилы наполнялись жерпвами голода. Въ сіе-по время Борисъ споль пышно угощалъ своего нареченнаго зяпя, Герцога Дапскаго — и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивапа Великаго[177], приспроилъ въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣспѣ сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палапы къ Золопой и Грановипой, Сполову и Панихидную[178], чтобы доспавипь пѣмъ рабопу и пропипаніе людямъ бѣдпымъ, соединяя съ милоспію пользу, и во дни плача думая о велелѣпіи! Однакожь не Московскіе Лѣпописцы, а полько чужеземные Испорики упрекаюпъ Бориса гордоспію неуклонною и въ общемъ бѣдспівіи, суепою, пщеславіемъ, разсказывая что онъ запрепилъ погда Россіянамъ купипь весьма умѣренною цѣною знапное количеспво ржи у Нѣмцевъ въ Иванѣгородѣ, спыдясь пипапь народъ свой чужимъ хлѣбомъ[179]. Извѣспіе конечно несправедливое:

Новыя зданія въ Кремлѣ.

ибо наши государственныя бумаги, свидѣ- г.
тельствуя о приходѣ туда Нѣмецкихъ ко- 1600
раблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упо- —605
минаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія Царя казнитъ Царство[180], «Изливая на бѣдныхъ «щедроты» — говорятъ лѣтописцы — «онъ «въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь не- «винныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ ихъ «милостынею богопротивною, расхитивъ «имѣніе Вельможъ честныхъ, и древнія со- «кровища Царскія осквернивъ добычею гра- «бежа.» — Россія не благоденствовала въ новомъ изобиліи; не имѣла времени успо-коиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить Липов-скую Украйну, землю Сѣверскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно жительствовать преступникамъ, которые уходили туда отъ казни: ибо думалъ, что они, въ

Г. случаѣ войны, могупъ быпь надежными за-
1600 щиппиками границы. Борисъ, любя слѣдо-
—605. вапь многимъ государспвеннымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчаспной[181]: ибо незнаемо изгоповилъ пѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ опечеспва и собспвеннымъ. «Великій разумъ и жеспо-«коспь Грознаго»—по словамъ Лѣпописца— «не давали двинупься зміямъ; а кропкій, «набожный Ѳеодоръ связывалъ ихъ своею «молипвою[182]»; но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими плодами своего мудрованія, несогласнаго съ вѣчными успавами правды. Издревле Бояре наши окружали себя полпами слугъ, вольныхъ и крѣпоспныхъ; издревле пакже любили кабалипь первыхъ[183]: законъ, изданный въ Ѳеодорово время, единспвенно въ угодноспь знапному Дворянспву, объ укрѣпленіи всѣхъ людей, служащихъ господамъ не менѣе шеспи мѣсяцевъ[184], совершенно прекрапилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ опечеспвѣ, и наполнилъ домы Боярскіе рабами, коими сдѣлались погда, въ пропивноспь Іоаннову Судебнику[185], даже и многіе люди воинскіе, благородные, опъ нищепы, но безъ спыда служивъ богачамъ именипымъ: законъ не доспойный сего имени своею явною несправедливоспію! Еще мало: къ его дѣйспвію присоединилось и насиліе: знапные и случайные безсовѣспно укрѣпляли и не слугъ, а всякаго беззащипнаго, кпо имъ нра-

вился художествомъ, рукодѣльемъ, ловкоспію или красотою[186]. Но въ дешевое время охотно умножавъ свою челядь, Дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди, еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ отпускными; а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда разорять пѣхъ, которые могли бы изъ человѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу: ужасъ разврата обыкновеннаго въ годины бѣдствій! Несчастные гибли или разбойничали, вмѣстѣ со многими людьми Вельможъ ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осужденными вести жизнь бродягъ (ибо никто не смѣлъ принять слугъ опальнаго) — вмѣстѣ съ Украинскими бѣглецами, ходившими изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь Россіи[187]. Явились шайки на дорогахъ; завелись приспани въ мѣстахъ глухихъ и лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка или Косолапа, удальца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ немаловажнымъ, и въ мирное время опрядить цѣлое войско пропивъ разбойника! Главный Воевода, Окольничій Иванъ Ѳедоровичь Басмановъ, едва выступивъ въ поле, уже вспрѣпилъ Хлопка, вра-

Г. 1600—605.

Разбои.

Г. 1600 —605. ва презрительнаго, но злаго, который, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова: видя его падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и наконецъ одолѣли ихъ осперваніе: большую часть испребили и взяли въ плѣнъ атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ — злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местію пропивъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ[188], но, по видимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопко, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ: всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обычая не казнить никого смертію[189]. — Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украйну, гдѣ Воеводы, по указу Государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли испребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго

апамана, чпобы дапь ему передовую дружину на пупи къ сполицѣ! Г. 1600 —605.

Такъ гоповилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей Испоріи; гоповилась долго: неисповымъ ширанспвомъ двадцапи-чепырехъ лѣпъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова власполюбія, бѣдспвіями свирѣпаго голода и всемѣспныхъ разбосвъ, ожесточеніемъ сердецъ, развращомъ народа —всѣмъ, чпо предшеспвуепъ испроверженію Государспвъ, осужденнымъ Провидѣніемъ на гибель или на мучипельное возрождение.

Если, какъ пишупъ очевидцы, не было ни правды, ни чеспи въ людяхъ[190]; если долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ими: распупспво, корысполюбіе, лихоимспво, безчувспвіе къ спраданію ближнихъ; если и самое лучшее Дворянспво, и самое Духовенспво заражалось общею язвою развраша, слабѣя въ усердіи къ опечеспву опъ беззаконій Царя, уже вообще ненависпнаго: по нужны ли были ипыя чудесныя знаменія для успрашенія Россіи? ибо сіи же Лѣпописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суевѣрія[191], разсказываюпъ, «чпо не рѣдко восходили «погда двѣ и при луны, два и при солнца вмѣ- «спѣ; сполпы огненные, ночью пылая на пверди въ своихъ быспрыхъ движеніяхъ предспа- «вляли бишву воинспвъ, и краснымъ цвѣ- «помъ озаряли землю; опъ бурь и вихрей Порочные нравы Мнимыя чудеса.

Г. 1600—605. «падали колокольни и башни; женщины и «живопныя производили на свѣпъ множе- «спво уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ и «дичь въ лѣсахъ исчезали, или, употребляе- «мыя въ пищу, не имѣли вкуса; алчные «псы и волки, вездѣ бѣгая спаницами, по- «жирали людей и другъ друга; звѣри и «пшицы невиданные явились; орлы парили «надъ Москвою; въ улицахъ, у самаго двор- «ца, ловили руками лисицъ черныхъ; лѣ- «помъ (въ 1604 году), въ свѣтлый полдень «возсіяла на небѣ Комета, и мудрый спа- «рецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ вы- «званный Борисомъ изъ Германіи, объявилъ «Дьяку Государспвенному (Власьеву), что «Царспву угрожаетъ великая опасноспь.» Оспавимъ суевѣріе предкамъ: его мнимые ужасы не столь разнообразны, какъ дѣй- спвипельные въ Испоріи народовъ.

Кончина Ирины. Въ сіе время скончалась Ирина, въ келліи Новодѣвичьяго монастыря, около шеспи лѣтъ не выходивъ изъ своего добровольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, приспро- енной къ ея смиренному жилищу[192]. Жена знаменипая и душевными качествами и судь- бою необыкновенною; безъ отца, безъ ма- тери, въ печальномъ сиропспвѣ взысканная удивипельнымъ счаспіемъ; воспипанная, лю- бимая Іоанномъ — и добродѣпельная; первая *Державная Царица* Россіи, и въ юныхъ лѣ- тахъ Монахиня; чиспая сердцемъ предъ Бо- гомъ, но омраченная въ Испоріи союзомъ съ

злымъ властолюбцемъ, коему она указала путь къ престолу; хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его тайныхъ преступленій или не вѣря оными. Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества[195] и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, свое великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать Вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила Ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келліи. Погребли Инокиню съ великолѣпіемъ Царскимъ, въ Дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери, Маріи — и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ Россійскихъ благословили щедрость Борисову. — Ирина была счастлива, смеживъ глаза на вѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни. 1600—605. г.

Настало время явной казни для того, кто

Г. 1600—605 не вѣрилъ правосудію Божеспвенному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можепъ быпь, смиреннымъ покаяніемъ спаспи свою душу опъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами доспохвальными загладипь для людей памяпь своихъ беззаконій. Не памъ, гдѣ Борисъ сперегся опасноспи, незапная опасноспь явилась; не попомки Рюриковы, не Князья и Вельможи, имъ гонимые — не дѣпи и друзья ихъ, вооруженные мecпію, умыслили свергнупь его съ Царспва: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ. . . . Какъ бы дѣйспвіемъ сверхъеспеспвеннымъ пѣнь Димипріева вышла изъ гроба, чпобы ужасомъ поразипь, обезумипь убійцу и привеспи въ смяпеніе всю Россію. Начинаемъ повѣспь, равно испинную и неимовѣрную.

Явленіе Самозванца.

Бѣдный сынъ Боярскій, Галичанинъ Юрій Опрепьевъ, въ юноспи лишась опца, именемъ Богдана-Якова, Спрѣлецкаго Сопника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ Липивиномъ[194], служилъ въ домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкасскаго; зналъ грамопъ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ соспояніемъ и рѣшился искапь удовольспвія безпечной праздноспи въ санѣ Инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замяпни-Опрепьева, копорый уже давно монашесповалъ въ Обипели Чудовской. Посприженный Вяпскимъ Игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный Чернецъ скипался

изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько вре- Г.
мени въ Суздалѣ, въ Обители Св. Евфимія, 1600
въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; —605.
наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келліи
у дѣда, подъ Началомъ. Тамъ Патріархъ Іовъ
узналъ его, посвятилъ въ Діаконы и взялъ
къ себѣ для *книжнаго дѣла*: ибо Григорій
умѣлъ не только хорошо списывать, но даже
и сочинять Каноны Святымъ, лучше многихъ
старыхъ книжниковъ того времени. Поль-
зуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ
нимъ и во дворецъ: видѣлъ пышность Цар-
скую и плѣнялся ею; изъявлялъ необыкно-
венное любопытство; съ жадностію слушалъ
людей разумныхъ, особенно когда въ искрен-
нихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя
Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, выві-
дывалъ обстоятельства его судьбы несчаст-
ной, и записывалъ на харпіи. Мысль чудная
уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя,
внушенная ему, какъ увѣряютъ[195], однимъ
злымъ Инокомъ: мысль, что смѣлый само-
званецъ можетъ воспользоваться легковѣрі-
емъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Дими-
трія, и въ честь Небеснаго Правосудія
казнитъ святоубійцу! Сѣмя пало на землю
плодоносную: юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ
читалъ Россійскія лѣтописи, и не скромно,
хотя и въ шутку, говаривалъ иногда Чу-
довскимъ Монахамъ: «знаете ли, что я буду
«Царемъ на Москвѣ?» Одни смѣялись; другіе
плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому.

Г. 1600—605. Сіи или подобныя рѣчи дошли до Росповскаго Митрополита Іоны, который объявилъ Папріарху и самому Царю, что «недоспой«ный Инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ «Діавольскимъ:» добродушный Папріархъ не уважилъ Митрополитова извѣта; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе[196]. Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи Царскаго Указа, и далъ способъ опальному Діакону спастися бѣгствомъ (въ Февралѣ 1602 года) вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими, Священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили Царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги-Иноки были погла явленіемъ обыкновеннымъ; всякая Обитель служила для нихъ гостинницею: во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ Спасской Обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и Спасскій Архимандритъ нашелъ въ

келліи[197], гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: «Я Царевичь Димитрій, сынъ Іоан- 1600 —605
«новъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду «на пресполь отца моего.» Архимандритъ ужаснулся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолѣ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ, — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга, данная Государю *избранному*, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безумiемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву!

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ Князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина[198]: туда устремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Спарóдуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь пемные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, Инокъ *Днѣпрова* монастыря, Пименъ[199], и гдѣ, вышедши наконецъ изъ Россійскихъ владѣній

Г. близъ Липовскаго селенія Слободки, онъ
1600 принесъ усердную благодарность Небу за
—605 счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменитаго Воеводы, Князя Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ полковать о Законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ Анабаптистами[200]. Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ прошлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ[201]: уговорилъ его назваться своимъ именемъ, по есть, Григоріемъ Отрепьевымъ, а самъ, скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика[202], Старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность;

добылъ первой воинской опытности и ко- Г.
рысти. Но скоро увидѣли прошлеца на 160
иномъ феатрѣ: въ мирной школѣ городка —605
Вольнскаго, Гащи, за Польскою и Лапин-
скою Граммапикою[203]: ибо мнимому Царе-
вичу надобно было дѣйствовать не только
оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ пе-
решелъ въ службу къ Князю Адаму Вишне-
вецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею
пышностію богатаго Вельможи. Тутъ Са-
мозванецъ приступилъ къ дѣлу — и если
искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ
предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то
не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій,
сильный при Дворѣ и въ Государственной
Думѣ многочисленными друзьями и прислу-
жниками, соединялъ въ себѣ надменность съ
умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца[204].
Новый слуга знаменитаго Пана велъ себя Повѣ-
скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, деніе
ревностно участвовалъ только въ воинскихъ, и нару-
и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наруж- жность
ность не красивую — ростъ средній, грудь обман-
широкую, волосы рыжеватые, лице круглое, щика.
бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, гла-
за голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ
широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ,
также на лбу, и одну руку короче другой
— Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду жи-
востію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ,
осанкою благородною[205]. Заслуживъ вниманіе
и доброе расположеніе господина, хитрый

Г. обманщикъ притворился больнымъ, требо-
1600 валъ Духовника, и сказалъ ему тихо: «Уми-
-605. »раю. Предай мое тѣло землѣ съ честію,
«какъ хоронятъ дѣтей Царскихъ. Не объя-
«влю своей тайны до гроба; когда же за-
«крою глаза навѣки, ты найдешь у меня
«подъ ложемъ свитокъ, и все узнаешь; но
«другимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ уме-
«реть въ злосчастіи[206].» Духовникъ былъ
Іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить Князя
Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный
Князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ посте-
лю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу, за-
благовременно изготовленную, и прочиталъ
въ ней, что слуга его есть Царевичь Ди-
митрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣр-
нымъ Медикомъ[207]; что злодѣи, присланные
въ Угличь, умертвили одного сына Іерей-
скаго, вмѣсто Димитрія, коего укрыли до-
брые Вельможи и Дьяки Щелкаловы, а по-
слѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказ
Іоанновъ, данный имъ на сей случай[208]. Ви-
шневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣвать-
ся, но уже не могъ, когда хитрецъ, видя
нескромность Духовника, раскрылъ свою
грудь, показалъ золотой, драгоцѣнными ка-
меньями осыпанный крестъ (вѣроятно, гдѣ
нибудь украденный) и съ слезами объявилъ,
что сія святыня дана ему крестнымъ от-
цемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ[209].

Вельможа Литовскій былъ въ восхищеніи. Какая слава представлялась для него воз-

можноюю! бывшаго слугу своего увидѣпь на пронѣ Московскомъ! Онъ не щадилъ ничего, чпобы поднятъ мнимаго Димипрія съ одра смерпнаго, и въ крапкое время его припворнаго выздоровленія изгоповивъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богапыя одежды, успѣлъ во всей Липвѣ разгласипь о чудесномъ спасеніи Іоаннова сына. Брапъ Князя Адама, Конспанпинъ Вишневецкій, и песпь сего послѣдняго, Воевода Сендомирскій, Юрій Мнишекъ, взяли особенное учаспіе въ судьбѣ спольз знаменипаго изгнанника, какъ они думали, вѣря свипку, золопому кресту обманщика и свидѣпельспву двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Пепровскаго, и другаго, Мнишкова холопа, копорый въ Іоанново время былъ напшимъ плѣнникомъ и будпо бы видалъ Димипрія (младенца двухъ или прехъ лѣпъ) въ Угличѣ: первый увѣрялъ, чпо Царевичь дѣйспвипельно имѣлъ примѣпы Самозванца (дополѣ никому неизвѣспныя): бородавки на лицѣ и коропкую руку. Вишневецкіе донесли Сигизмунду, чпо у нихъ испинный наслѣдникъ Ѳеодоровъ; а Сигизмундъ опвѣпспвовалъ, чпо желаепъ его видѣпь, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопыпномъ явленіи другими, не менѣе ревноспными доброхопами Самозванца: Папскимъ Нунціемъ Рангони и пронырливыми Іезуипами, копорые погда царспвовали въ Польшѣ, управляя совѣспію малодушнаго Сигизмунда, и легко

Іезуипы.

Г. вразумили его въ важныя слѣдствія тако-
1600. го случая.
—605. Въ самомъ дѣлѣ, что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего нельзя было имъ требовать опъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи Царства, которое всегда грозило Литвѣ и всегда опровергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а Папа усерднаго сына въ непреклонномъ ослушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе Короля и Нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные Іезуиты побѣдили его нерѣшимость, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію. — Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные Іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедимитрій письменно обязался за себя и за Россію пристать къ Латинской Церкви, а Рангони быть его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ [210], но и во всей Европѣ; совѣтовалъ ему

спѣшитъ къ Королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія. г. 1600—605.

Вмѣстѣ съ Воеводою Сендомирскимъ и Княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Краковѣ, гдѣ Нунцій немедленно посѣтилъ его. «Я самъ «былъ тому свидѣтелемъ», пишетъ Секретарь Королевскій, Чилли[211], *вѣря мнимому Царевичу*: «я видѣлъ, какъ Нунцій обнималъ «и ласкалъ Димитрія, бесѣдуя съ нимъ о «Россіи, и говоря, что ему должно торже- «ственно объявить себя Католикомъ для «успѣха въ своемъ дѣлѣ. Димитрій съ ви- «домъ сердечнаго умиленія клялся въ непре- «мѣнномъ исполненіи даннаго имъ обѣта, и «вторично подтвердилъ сію клятву въ до- «мѣ у Нунція, въ присутствіи многихъ Вель- «можъ. Угостивъ Царевича пышнымъ обѣ- «домъ, Рангони повезъ его во дворецъ. Си- «гизмундъ, обыкновенно важный и велича- «вый, принялъ Димитрія въ кабинетѣ, «стоя, и съ ласковою улыбкою. Димитрій «поцѣловалъ у него руку, разсказалъ ему всю «свою исторію», и заключилъ такъ[212]: *Государь! вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помощи.* «Чиновникъ Королев- «скій далъ знакъ Царевичу, чтобы онъ вы- «шелъ въ другую комнату, гдѣ Воевода Сен- «домірскій и всѣ мы ждали его. Король ос- «тался на единѣ съ Нунціемъ, и чрезъ нѣ-

Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ.

Г. «сколько минутъ снова призвалъ Димитрія.
1600 «Положивъ руку на сердце, смиренный Ца-
—605. «ревичь болѣе вздохами, нежели словами
«убѣждалъ Сигизмунда быть милостивымъ.
«Тогда Король съ веселымъ видомъ, приподъ-
«нявъ свою шляпу, сказалъ: *Да поможетъ*
«*вамъ Богъ, Московскій Князь Димитрій! а*
«*мы, выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши*
«*свидѣтельства, несомнительно видимъ въ*
«*васъ Іоаннова сына, и въ доказательство*
«*нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ*
«*вамъ ежегодно 40,000 злотыхъ,*» (54,000
нынѣшнихъ рублей серебряныхъ) «*на содер-*
«*жаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы,*
«*какъ истинный другъ Республики, вольны сно-*
«*ситься съ нашими Панами, и пользоваться*
«*ихъ усерднымъ вспоможеніемъ.* Сія рѣчь
«споль восхитила Димитрія, чтo онъ не
«могъ сказать ни единаго слова: Нунцій бла-
«годарилъ Короля, привезъ Царевича въ домъ
«къ Воеводѣ Сендомирскому, и снова обнявъ
«его, совѣтовалъ ему дѣйствовать немед-
«ленно, чтобы скорѣе достигнуть цѣли:
«отнять Державу у Годунова и навѣки ут-
«вердить въ Россіи Вѣру Католическую съ
«Іезуитами.» Прежде всего надлежало само-
му Лжедимитрію принять сію Вѣру: чего
неотмѣнно хотѣлъ Рангони; но условились
не оглашать того до времени, боясь зако-
ренѣлой ненависти Россіянъ къ Латинской
Церкви. Дѣйствіе совершилось въ домѣ Кра-
ковскихъ Іезуитовъ. Разсприга шелъ къ нимъ

тайно, съ какимъ-то Вельможею Польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закрывая лице свое, чтобы никто не узналъ его; выбралъ одного изъ нихъ себѣ въ Духовники, исповѣдался, опрекся отъ нашей Церкви, и какъ новый ревностный сынъ Западной принялъ тѣло Христово съ муропомазаніемъ отъ Римскаго Нунція. Такъ сказано въ *Письмахъ Іезуитскаго Общества*[215], которое славило *будущія* великія добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинить Риму *всѣ неизмѣримыя страны Востока*! — Тогда Отрепьевъ, слѣдуя наставленіямъ Нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое Латинское письмо къ Папѣ, чтобы имѣть въ немъ искренняго покровителя — и Климентъ VIII не замедлилъ удостовѣрить его въ своей готовности вспомогать ему всею духовною властію Апостольскаго Намѣстника[214]. 1600—605. Г. Письмо къ Папѣ

Должно отдать справедливость уму Расстриги: предавъ себя Іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одушевить ревностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести, совѣсти, Народному Праву и мнѣнію многихъ знатныхъ Вельможъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ Запоріевъ, Гетманъ Замойскій, былъ еще живъ: Король писалъ къ нему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, что Республика, доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать сила-

Г. ми Московской Державы, легко обуздаетъ Тур-
1600 ковъ, Хана и Шведовъ, возметъ Эстонію и
—605. всю Ливонію, откроетъ путь для своей тор-
говли въ Персію и въ Индію; но что сіе ве-
ликое намѣреніе, требуя тайны и скоро-
спи, не можетъ быть предложено Сейму,
дабы Годуновъ не имѣлъ времени изгото-
виться къ оборонѣ[215]. Тщетно старецъ За-
мойскій, Панъ Жолкѣвскій, Князь Осторож-
скій и другіе Вельможи благоразумные удер-
живали Короля, не совѣтуя ему легкомы-
сленно вдаваться въ опасность такой войны,
особенно безъ вѣдома Чиновъ Государствен-
ныхъ, и съ малыми силами; тщетно знаме-
нитый Панъ Збаражскій доказывалъ, что
мнимый Димитрій есть безъ сомнѣнія об-
манщикъ. Убѣжденный Іезуитами, но не дер-
зая самовластно нарушить двадцатилѣтня-
го перемирія, заключеннаго между имъ и
Борисомъ, Король велѣлъ Мнишку и Вишне-
вецкимъ поднять знамя противъ Годунова
именемъ Іоаннова сына и состазить рать
изъ вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье
доходы Сендомирскаго Воеводства; внушалъ
Дворянамъ, что слава и богатство ожи-
даютъ ихъ въ Россіи, и торжественно воз-
ложивъ съ своей груди златую цѣпь на Раз-
спригу[216], отпустилъ его съ двумя Іезуи-
Со- тами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ
браніе Львова и Самбора, въ маетностяхъ Вельмо-
кой- жи Мнишка, подъ распущенными знаменами
ск.

уже полпилась Шляхта и чернь, чтобы идти на Москву. г. 1600—605.

Главою и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтреную: Лжедимитрій, гостя у него въ Самборѣ, объявилъ себя, искренно или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову именемъ Царевича; а гордый Воевода съ радостію благословилъ сію взаимную склонность, въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства. Чтобы утвердить сію лестную надежду и хитро воспользоваться еще невѣрными обстоятельствами жениха, Мнишекъ предложилъ ему условія, безъ малѣйшаго сомнѣнія приняпыя Разстригою, который далъ на себя слѣдующее обязательство (писанное 25 Мая 1604, собственною рукою Воеводы Сендомирскаго[217]): «Мы, Димитрій *Иванович*, Божіею милостію *Царевичь* Великой «Россіи, Углицкій, Дмитровскій и проч., «Князь отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ «Государствъ Московскихъ Государь и наслѣдникъ, по уставу Небесному и примѣру «Монарховъ Христіанскихъ избрали себѣ «достойную супругу, Вельможную Панну «Марину, дочь Ясновельможнаго Пана Юрія

Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ

Г. 1600. —605. «Мнишка, коего считаемъ отцемъ своимъ, «испытавъ его честность и любовь къ «намъ, но отложили бракосочетаніе до на- «шего воцаренія: тогда — въ чемъ клянем- «ся именемъ Св. Троицы и прямымъ сло- «вомъ Царскимъ — женюся на Панне Ма- «рине, обязываясь 1) выдать немедленно «милліонъ злотыхъ» (1,350,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) «на уплату его дол- «говъ и на ея путешествіе до Москвы, «сверхъ драгоцѣнностей, которыя пришлемъ «ей изъ нашей казны Московской; 2) пор- «жественнымъ Посольствомъ извѣстить о «семъ дѣлѣ Короля Сигизмунда, и просить «его благосклоннаго согласія на оное; 3) бу- «дущей супругѣ нашей уступить два Ве- «ликія Государства, Новгородъ и Псковъ, со «всѣми Уѣздами и пригородами, съ людьми «Думными, Дворянами, Дѣтьми Боярскими и «съ Духовенствомъ, такъ, чтобы она могла «судить и рядить въ нихъ самовластно, «опредѣлять Намѣстниковъ, раздавать вот- «чины и помѣстья своимъ людямъ служи- «вымъ, заводить школы, строить монасты- «ри и церкви Латинской Вѣры, свободно «исповѣдуя сію Вѣру, которую и мы сами «приняли, съ твердымъ намѣреніемъ ввести «оную во всемъ Государствѣ Московскомъ. «Если же — отъ чего Боже сохрани — Рос- «сія воспротивится нашимъ мыслямъ, и мы «не исполнимъ своего обязательства въ те- «ченіе года, то Панна Марина вольна раз-

«вестися со мною или взять терпѣніе еще «на годъ,» и проч. Сего не довольно: въ восторгѣ благодарности Лжедимитрій другою грамотою (писанною 12 Іюня 1604) отдалъ Мнишку въ наслѣдственное владѣніе Княжество Смоленское и Сѣверское, кромѣ нѣкоторыхъ Уѣздовъ, назначенныхъ имъ въ даръ Королю Сигизмунду и Республикѣ въ залогъ вѣчнаго, ненарушимаго мира между ею и Московскою Державою[218].... Такъ бѣглый Діаконъ, чудесное орудіе гнѣва Небеснаго, подъ именемъ Царя Россійскаго готовился предать Россію, съ ея величіемъ и православіемъ, въ добычу Іезуитамъ и Ляхамъ! Но способы его еще не отвѣтствовали важности замысла. Г. 1600—605.

Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рать, а сволочь на Россію: весьма не многіе знатные Дворяне, въ угодность Королю, мало уважаемому, или прельщаясь мыслію храбровать за изгнанника Царевича, явились въ Самборѣ и Львовѣ: стремились туда бродяги, голодные и полунагіе, требуя оружія не для побѣды[219], но для грабежа или жалованья, которое щедро выдавалъ Мнишекъ въ надеждѣ на будущее: на богатое вѣно Марины и доходы Смоленскаго Княжества. Разстрига и друзья его чувствовали нужду въ иныхъ, лучшихъ сподвижникахъ, и должны были естественно искать ихъ въ самой Россіи. Достойно замѣчанія, что нѣкоторые изъ Московскихъ бѣглецовъ, Дѣтей

Г. 1600. —605. Боярскихъ, исполненныхъ ненависти къ Годунову, укрываясь тогда въ Литвѣ, не хотѣли быть участниками сего предпріятія, ибо видѣли обманъ и гнушались злодѣйствомъ: пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Яковъ Пыхачевъ, даже всенародно, и предъ лицемъ Короля, свидѣтельствовалъ о семъ грубомъ обманѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ Разстригинымъ, Инокомъ Варлаамомъ, вопреки воженнымъ совѣстію; что имъ не вѣрили и прислали обоихъ скованныхъ къ Воеводѣ Мнишку въ Самборъ, гдѣ Варлаама заключили въ темницу, а Пыхачева, обвиняемаго въ намѣреніи умертвить Лжедимитрія, казнили[220]. Другіе бѣглецы, менѣе совѣстные, Дворянинъ Иванъ Борошинъ съ десятью или пятнадцатью клевретами [221], пали къ ногамъ мнимаго Царевича и составили его первую дружину Русскую: скоро нашлася гораздо сильнѣйшая. Зная свойство мятежныхъ Донскихъ Козаковъ — зная, что они не любили Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбои — Лжедимитрій послалъ на Донъ Литвина Свирскаго[222] съ грамотою; писалъ, что онъ сынъ перваго Царя Бѣлаго, коему сіи вольные Христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности; звалъ ихъ на дѣло славное: свергнуть раба и злодѣя съ престола Іоаннова. Два Атамана, Андрей Корела и Михайло Нѣжакожъ[223], спѣшили видѣть Лжедимитрія; видѣли его чествимаго Сигизмундомъ, Вельможными Панами,

и возвратились къ товарищамъ съ удостовѣреніемъ, что ихъ зоветъ истинный Царевичь. Удальцы Донскіе сѣли на коней, чтобы присоединиться къ толпамъ Самозванца. Между тѣмъ усердный слуга его, Панъ Михайло Ратомскій, Остерскій Староста, волновалъ нашу Украйну чрезъ своихъ лазутчиковъ и двухъ Монаховъ Русскихъ [224], вѣроятно Мисаила и Леонида, изъ коихъ послѣдній, снявъ на себя имя Григорія Отрепьева, могъ свидѣтельствовать, что оно не принадлежитъ Самозванцу. Въ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ подкидывали грамоты отъ Лжедимитрія къ Россіянамъ [225], съ вѣстію, что онъ живъ и скоро къ нимъ будетъ. Народъ изумлялся, не зная, вѣрить тому или не вѣрить; а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнѣздясь въ землѣ Сѣверской [226], обрадовались: наступало ихъ время. Кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Ратомскій также выставилъ знамя для собранія волницы: онъ поднялъ и Козаковъ Запорожскихъ, прельщенныхъ мыслію вести бывшаго ученика своего на Царство Московское. — Столько движенія, столько гласныхъ происшествій могло ли утаиться отъ Годунова?

Г. 1600. —605.

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи [227], сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ Генварѣ 1604 года Нарвскій сановникъ Тирфельдъ пи-

Г. 1600. —605 салъ съ гонцемъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у Козаковъ [228]: гонца задержали въ Иванѣгородѣ, и письмо его доставили Царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе Козаки разбили Окольничаго Семена Годунова, посыланнаго въ Астрахань, и захвативъ нѣсколько Стрѣльцевъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: »объявите Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ »Царевичемъ Димитріемъ!« Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое имя! — но чѣмъ болѣе устрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова [229], онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и велѣвъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ Бояръ; призвалъ въ Москву Царицу-Инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій монастырь съ Патріархомъ [230], воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну: но Царица-Инокиня, равно какъ и Бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутрен-

Мѣры взятыя Борисомъ.

няго удовольсптвія слыша о Лжедимитріи, копорый не замѣнялъ сына для матери, но спрашилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ, и что Дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую[231], Борисъ усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на Литовской границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожь чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнародовалъ исторію бѣглеца Чудовскаго[232], вмѣстѣ съ допросами Монаха Пимена, Венедикта Черница Смоленскаго и мѣщанина Ярославца, иконника Степана: первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ итти съ нимъ далѣе, и возвратился; второй и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева Діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между Заторожцами; что сей негодяй, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей Вишневецкихъ и самого Короля, дерзаетъ въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время Царь послалъ, *отъ имени Бояръ*, дядю Разстригина, Смирнаго-Отрепьева, къ

Г. 1600. —605

Г. 1600. —605 Сигизмундовымъ Вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника[233]; послалъ и къ Донскимъ Козакамъ Дворянина Хрущова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не дѣйствовали: Вельможи Королевскіе не хотѣли показать Лжедимитрія Смирнову-Отрепьеву, и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣтъ дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а Козаки схватили Хрущова, оковали и привезли къ Самозванцу[234]. Уже Разстрига (15 Августа) двинулся съ своими дружинами къ берегамъ Днѣпровскимъ и стоялъ (17 того же мѣсяца) въ Сокольникахъ: Хрущовъ, представленный ему въ цѣпяхъ, взглянулъ на него . . . залился слезами и палъ на колѣна, воскликнувъ: «вижу Іоанна въ лицѣ «твоемъ: я твой слуга на вѣки!« Съ него сняли оковы; и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстію, въ знакъ усердія донесъ своему новому Государю, мѣшая истину съ ложью, что «народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Димитрію; что самые знатные люди, Меньшій Булгаковъ и другіе[235], пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и были, по доносу слугъ, осуждены на казнь; что Борисъ умертвилъ и сестру, вдовствующую Царицу Ирину, которая всегда видѣла въ немъ Монарха беззаконнаго; что онъ, не смѣя явно ополчаться противъ Димитрія, сводитъ полки въ Ливнахъ, будто бы на

Г. 1604.

случай Ханскаго владенія; что главные Воеводы ихъ, Пе́тръ Шереме́тевъ и Михайло Салтыковъ, вспрѣпясь съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали: *насъ ожидаетъ не Крымская, а со всѣмъ иная война — но трудно поднять руку на Государя природнаго*; что Борисъ не здоровъ, едва ходитъ отъ слабости въ ногахъ, и думаетъ тайно выслать казну Московскую въ Астрахань и въ Персію.» Годуновъ безъ сомнѣнія не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ доноловъ измѣны въ Россіянахъ, и не казнилъ ни одного человѣка за явную приверженность къ Самозванцу[236]; съ жадностію слушая лазутчиковъ, доносителей, клеветниковъ, воздерживалъ себя отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и терзаемый подозрѣніями, еще неосновательными, хотѣлъ знаками великодушной довѣренности пронуть Бояръ и чиновниковъ: но дѣйствительно медлилъ двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безстрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости? Сія необходимость была уже очевидна: Король Сигизмундъ вооружалъ на Бориса не только Самозванца, но и Крымскихъ-разбойниковъ, убѣждая Хана вступить вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ въ

г. 1604.

Г. Россію. Борисъ зналъ все, и еще послалъ въ
1604. Варшаву, лично къ Королю, Дворянина Огарева, усовѣспиипь его предспавленіемъ, сколь унизиппельно для Вѣнценосца Христіанскаго быпь союзникомъ подлаго обманщика; впорично объявлялъ[237], кпо сей мнимый Царевичь, и спрашивалъ, чего Сигизмундъ желаепъ: мира или войны съ Россіею? Сигизмундъ хопѣлъ лукавспвовапь, и подобно своимъ Вельможамъ опвѣчалъ, чпо не споипъ за Лжедимипрія и не мыслипъ нарушапь перемирія; чпо нѣкопорые Ляхи самовольно помогаюпъ сему бродягѣ, *ушедшему* въ Галицію, и будупъ наказаны какъ мяпежники. « Мы хопѣли обманупь Бога» (пишепъ современникъ, одинъ изъ знапныхъ Ляховъ) «увѣряя безсовѣспно, чпо Король «и Республика не учаспвуюпъ въ Димипріе«вомъ предпріяпіи.«[238]. Уже Самозванецъ началъ дѣйспвовапь, а Царь велѣлъ Папріарху Іову еще писапь къ Духовенспву Липовскому и Польскому, чпобы оно для блага обѣихъ Державъ спаралось удалипь кровопролипіе за богоопсспупника Разспригу[239]; всѣ наши Епископы скрѣпили Папріаршую грамопу своими печапями, кляпвенно свидѣпельспвуя, чпо они всѣ знали Опрепьева Монахомъ. Такую же грамопу написалъ Іовъ и къ Кіевскому Воеводѣ, Князю Василію Оспрожскому, напоминая ему, чпо онъ самъ зналъ сего бѣглеца Діакономъ, и заклиная его быпь доспойнымъ сыномъ Церкви: обли-

чипь Разспригу, схвапипь и прислапь въ Москву. Но гонцы Папріарховы не возвра- г. 1604.
пились: ихъ задержали въ Липвѣ и не оп-
вѣпспивовали Іову, ни Духовенспво, ни Князь
Осприжскій: ибо Самозванецъ дѣйспвовалъ
уже съ блеспящимъ успѣхомъ.

Сіе грозное ополченіе, копорое шло низ-
вергнупь Годунова, сосшояло едва ли изъ
1500 воиновъ исправныхъ, всадниковъ и пѣ-
шихъ, кромѣ сволочи, безъ успройспва и
почпи безъ оружія [240]. Главными Предводи-
шелями были самъ Лжедимипрій (сопровож-
даемый двумя Іезуипами), юный Мнишекъ,
(сынъ Воеводы Сендомирскаго), Дворжицкій,
Фредро и Нѣборскій; каждый изъ нихъ имѣлъ
свою особенную дружину и хоругвь; а спа-
рецъ Мнишекъ первенспвовалъ въ ихъ Ду-
мѣ. Они соединились близъ Кіева съ двумя
пысячами Донскихъ Козаковъ, приведенныхъ
Свирскимъ съ полпами вольницы, Кіевской
и Сѣверской, ополченной Рапомскимъ, и 16
Окпября вспупили въ Россію [241]. . . . . Тогда
единспвенно Борисъ началъ рѣшипель-
но гоповишься къ оборонѣ: послалъ надеж-
ныхъ Воеводъ въ Украинскія крѣпосши, съ
Головами Спрѣлецкими; а знашныхъ Бояръ,
Князя Дмипрія Шуйскаго, Ивана Годунова и
Михайла Глѣбовича Салпыкова въ Брянскъ,
чпобы собрапь шамъ многочисленное поле-
вое войско [242]. Еще Борисъ могъ спыдишься
спраха, видя пропивъ себя полпы Ляховъ,
неспройной вольницы и Козаковъ, предводи-

Г. мыя бѣглымъ разспригою; но сей человѣкъ
1604. назывался именемъ ужаснымъ для Бориса и любезнымъ для Россіи.

Лжедимитрій шелъ съ мечемъ и съ Манифестомъ: объявлялъ Россіянамъ, что онъ, невидимою десницею Всевышняго устраненный отъ ножа Борисова и долго сокрываемый въ неизвѣстности, сею же рукою изведенъ на феатръ міра подъ знаменами сильнаго, храбраго войска, и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную имъ Іоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить Государю законному; обѣщалъ миръ, тишину, благоденствіе, которыхъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго[243]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Воевода Сендомирскій именемъ Короля и Вельможныхъ Пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствами очевидными, несомнѣнно признали Димитрія истиннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ[244], дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ отца его. Сей Манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедимитрія въ Украйнѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы[245] и слуги Опальныхъ Бояръ, ненавистники Годунова — не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго Діакона въ союзникѣ Ко-

роля Сигизмунда, окруженномъ знатными Ля- г.
хами; въ витязѣ ловкомъ, искусномъ вла- 1604
дѣть мечемъ и конемъ; въ военачальникѣ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, разсыпаемое Мнишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотѣли мѣшать распространенію листовъ Самозванцевыхъ, опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, готовя измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами Украинскими, гдѣ лазутчики его дѣйствовали съ величайшею ревностію, оболщая умы и страсти людей — доказывая, что присяга, данная Годунову, не имѣетъ силы: ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Іоаннова мертвымъ[246]; что самъ Борисъ знаетъ сію истину, обезумѣлъ въ ужасѣ и не противится мирному вступленію Царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣпенѣніи ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые Воеводы, видя общее движеніе въ пользу Лжедимитрія, опасались, кажется, употребить строгость, и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Опрепьевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра

Г. 1604. раздѣлилъ свое войско[247]: послалъ часпь его къ Бѣлугороду, а самъ шелъ вверхъ Десны, въ слѣдъ за разсыпною дружиною перемепчиковъ, копорые служили ему вѣрными путеводипелями, зная мѣспа и людей. Едва поспавивъ ногу на Русскую землю (18 Октября,) въ Слободѣ Шляхепской, онъ свѣдалъ о своемъ первомъ успѣхѣ: жипели и воины Моравска опложились опъ Бориса; связали, выдали Воеводъ своихъ Лжедимипрію; вспрѣпили его съ хлѣбомъ и солью[248]. Чувспвуя важноспь начала въ шакомъ предпріяпіи, умный прошлецъ велъ себя съ оппмѣнною ловкоспію: поржеспвенно славилъ Бога; изъявлялъ милоспь и величавоспь; не укорялъ Воеводъ Моравскихъ въ вѣрноспи къ Борису, жалѣя полько объ ихъ заблужденіи, и далъ имъ свободу; жаловалъ, ласкалъ измѣнниковъ, гражданъ, воиновъ, видомъ и разговоромъ не безъ искусспва предспавляя лице Державнаго, шакъ, чпо опъ Липовскаго рубежа до самыхъ внупреннихъ обласпей Россіи съ неимовѣрною быспропою промчалась добрая слава о Лжедимипріи — и знаменипая сполица древнихъ Ольговичей не усомнилась слѣдовапь примѣру Моравска. 26 Окпября покорился Самозванцу Черниговъ, гдѣ рапники и граждане пакже вспрѣпили его съ хлѣбомъ и солью, выдавъ ему Воеводъ[249], изъ коихъ главный, Князь Иванъ Андреевичь Тапевъ, внупренно ненавидя Бориса, какъ впорый Хрущовъ безспыдно вспупилъ въ

Первая измѣна.

службу къ обманщику. Тамъ хранилась зна- г.
чительная казна: Лжедимитрій, раздѣливъ 1604.
ее между своими воинами, усилилъ пѣмъ ихъ ревность; умножилъ и число, присоединивъ къ нимъ 300 Стрѣльцевъ измѣнниковъ и жителей, ополченныхъ усердіемъ къ нему или духомъ буйнымъ. Взявъ изъ Черниговской крѣпости 12 пушекъ, Самозванецъ оставилъ въ ней начальникомъ Ляха, и спѣшилъ къ Новугороду Сѣверскому. Онъ надѣялся быть вездѣ завоевателемъ безъ кровопролитія, и дѣйствительно, на берегахъ Десны, Свины и Снова, видѣлъ единственно колѣнопреклоненіе народа и слышалъ радостный кликъ: «да здравствуетъ Государь нашъ, «Димитрій!«

Но вѣсти не было изъ Новагорода: жители не высылали ко Лжедимитрію ни призывныхъ грамотъ, ни Воеводъ связанныхъ: тамъ бодрствовалъ одинъ человѣкъ, рѣшительный, смѣлый — и еще вѣрный! Сей витязь былъ Петръ Ѳедоровичь Басмановъ, братъ убитаго разбойниками (въ 1604 году) Ивана Басманова, доблѣ извѣстный только чрезвычайною судьбою отца и дѣда[250], которые, всѣмъ жертвуя Іоанновой милости, своею гибелію доказали Небесное правосудіе: наслѣдовавъ ихъ духъ царедворческій, онъ соединялъ въ себѣ великія способности ума и даже нѣкоторыя благородныя качества сердца съ совѣстію уклонною, нестрогою, будучи готовъ на добро

Г. 1604. и зло для первенства между людьми. Борисъ видѣлъ въ юномъ Басмановѣ только достоинства; вывелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, изъ родовой опалы на степень знатности, въ 1601 году давъ ему санъ Окольничаго, и вмѣстѣ съ Бояриномъ, Княземъ Никитою Романовичемъ Трубецкимъ, послалъ-было спасти Черниговъ[251]; но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ уже Самозванецъ, и заключились въ Новѣгородѣ. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше Боярина Трубецкаго: принявъ начальство въ городѣ, гдѣ все колебалось отъ внушеній измѣны или страха, онъ истиною и грозою обуздалъ предательство: самъ увѣренный въ обманѣ, увѣрилъ въ немъ и другихъ; самъ не боясь смерти, устрашалъ мятежниковъ казнію; сжегъ предмѣстія, и съ пятисотною дружиною Стрѣльцевъ Московскихъ заперся въ крѣпости, волею или неволею взявъ къ себѣ и знатнѣйшихъ жителей[252]. 11 Ноября Лжедимитрій подступилъ къ Новугороду: шуть Россіяне привѣтствовали его въ первый разъ, ядрами и пулями! Онъ требовалъ переговоровъ: Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ стоялъ на стѣнѣ и слушалъ клеврета Самозванцева, Ляха Бучинскаго, который сказалъ, что Царь и Великій Князь Димитрій готовъ быть отцемъ воиновъ и жителей, если ему сдадутся, или, въ случаѣ упорства, не оставить живымъ ни груднаго младенца въ Но-

Витязь Басмановъ.

вѣгородѣ. «Великій Князь и Царь въ Москвѣ,» опивѣпспвовалъ Басмановъ: «а вашъ Дими- «прій разбойникъ сядетъ на колъ, вмѣспѣ «съ вами.» Опрепьевъ посылалъ и Россій- скихъ-измѣнниковъ уговаривать Басманова, но безполезно; хопѣлъ взять крѣпоспь смѣлымъ приспупомъ, и былъ опраженъ; хопѣлъ огнемъ разрушить ея спѣны, но не успѣлъ и въ помъ; лишился многихъ людей, и видѣлъ бѣдспвіе предъ собою: спанъ его унылъ; Басмановъ давалъ время войску Борисову ополчиться и примѣръ не- робоспи инымъ градоначальникамъ. г. 1604.

Но добрыя вѣспи упѣшили Самозванца. Въ крѣпкомъ Пупивлѣ начальспвовали знапи- ный Окольничій, Михайло Салпыковъ, и Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сей по- слѣдній, какъ воинъ не безъ досгоинспва, какъ гражданинъ безъ чесгпи и правилъ, съ Дьякомъ Супуповымъ объявилъ себя за мни- маго Царевича; самъ возмупилъ гражданъ и рапниковъ; самъ связалъ Салпыкова, и (18 Ноября) предавъ сіе важное мѣспо Разспри- гѣ, сдѣлался съ пого времени любимцемъ его и совѣпникомъ[253]. Не менѣе важный Рыльскъ, Волоспь Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколъ, Во- ронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ (гдѣ нахо- дился и ревноспно дѣйспвовалъ погда Мо- нахъ Леонидъ[254] подъ именемъ Григорія О- препьева) пакже поддались Самозванцу. Вся южная Россія кипѣла бунпомъ; вездѣ вязали

Г. чиновниковъ, едва ли искренно вѣрныхъ Бо-
1604. рису, и предспавляли Лжедимипрію, копорый немедленно освобождалъ ихъ и съ милосптію принималъ къ себѣ въ службу[255]. Рапь его умножалась новыми толпами измѣнниковъ. Перехвапивъ казну, пайно везенную Московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ[256], онъ послалъ знапную часпь ея въ Липву, къ Князю Вишневецкому и Пану Рожинскому, чпобы набирапь памъ новыя дружины сподвижниковъ; а самъ еще споялъ подъ Новымгородомъ, спрѣлялъ изъ большихъ пушекъ, разрушалъ спѣны[257]. Басмановъ не слабѣлъ духомъ и мужесптвовалъ въ счасптливыхъ вылазкахъ; но видя разрушеніе крѣпоспти, и зная, чпо войско Борисово идепъ спаспи ее, онъ хипро заключилъ перемиріе съ Самозванцемъ, будпо бы въ ожиданіи вѣспей изъ Москвы, и во всякомъ случаѣ обязываясь сдапься ему чрезъ двѣ недѣли. Уже Самозванецъ счипалъ Новгородъ своимъ и Басманова плѣнникомъ.

Сіи быспрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣрояпно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, чпо ему надлежало бы не обманывапь людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разспригѣ, но гоповымъ, сильнымъ войскомъ опразипь его опъ нашей границы и не впускапь въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ спарый духъ Липовскій, и гдѣ ско-

пище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ[238], естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный героемъ, Годуновъ однакожь съ юныхъ лѣтъ зналъ войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана[239], будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ Бояръ, и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго Предводителя; велѣлъ строго людямъ рат- Г

Робость Годунова.

Г. ными, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ
1604 Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ сто-
лицѣ!

Однимъ словомъ, судъ Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возсіялъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличь мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами: слѣдственно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію Царевича; но они — *не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти[260], и явно ложными показаніями затмивъ ея страшныя обстоятельства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пелымѣ; но тамъ жила въ сердцахъ ненависть къ тирану. Всѣхъ громогласнѣе, какъ пишутъ[261], свидѣтельствовалъ въ столицѣ Князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣстѣ, о несомнительной смерти Царевича, имъ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ. То же писалъ и Патріархъ во всѣ концы Россіи, ссылаясь и на мать Димитріеву, которая сама погребала сына[262]. Но безсовѣстность Шуйскаго была еще въ свѣжей памяти; знали и слѣпую преданность Іова къ Годунову; слышали только имя Царицы-Инокини: никто не видался, никто не го-

ворилъ съ нею, снова заключенною въ пу- 1-
спынѣ Выксинской. Еще не имѣвъ примѣра 1604.
въ исторіи Самозванцевъ и не понимая сколь Об-
дерзкаго обмана; любя древнее племя Царей щее
и съ жадностію слушая тайные разсказы о расположе-
мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедимитрія, Рос- ніе
сіяне тайно же передавали другъ другу мысль умовъ
что Богъ дѣйствительно, какимъ нибудь
чудомъ, достойнымъ Его правосудія, могъ
спасти Іоаннова сына для казни ненавистнаго хищника и тирана[263]. По крайней мѣрѣ сомнѣвались, и не изъявляли ревности стоять за Бориса. Разстрига съ своими Лятами уже господствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а воины отечества уклонялись отъ службы, шли неохотно въ Брянскъ подъ знамена, и тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе слышали объ успѣхахъ Лжедимитрія, думая, что самъ Богъ помогаетъ ему. Такъ нелюбовь къ Государю раждаетъ нечувствительность и къ государственной чести!

Въ сей опасности, уже явной, Борисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: къ Церкви и къ строгости. Онъ велѣлъ Іерархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а Разстригу съ его клевретами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонахъ и поржищахъ[264], какъ злаго еретика, умышляющаго не только похитить Царство, но и ввести въ немъ Латинскую Вѣру: слѣдственно Борисъ уже зналъ или угадывалъ обычай, данный Лжедимитріемъ Іе-

Г. зуипамъ и Легапу Папскому. Хотя народъ,
1604. видѣвъ слабоспь и попворспво Свяпипелей въ изслѣдованіи Димипріева убіенія, не могъ имѣпь къ нимъ безпредѣльной довѣренноспи; но ужасъ анаѳемы долженъ былъ пронупь совѣспь людей набожныхъ и вселипь въ нихъ омерзѣніе къ человѣку, опверженному Церковію и преданному ею суду Божію. Впорое средспво пакже не осталось безплоднымъ. Издавъ указъ, чпобы съ каждыхъ двухъ сопъ чепвертей земли обрабопанной выходилъ рапникъ въ поле съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ — слѣдспвенно убавивъ до половины число воиновъ, опредѣленное уставомъ Іоанновымъ[265] — Борисъ пребовалъ скороспи; писалъ, чпо владѣльцы богапые живупъ въ домахъ, не забопясь о гибели Царспва и Церкви; грозилъ жеспокою казнію лѣнивымъ и безпечнымъ, не упоминая о злонамѣренныхъ, и дѣйспвипельно велѣлъ наказывапь ослушныхъ безъ пощады: лишéніемъ имѣнія, пемницею и кнупомъ; велѣлъ, чпобы и всѣ слуги Папріаршіе, Свяпипельскіе и монаспырскіе, годные для рапнаго дѣла, спѣшили къ войску подъ опасеніемъ пяжкаго гнѣва Царскаго въ случаѣ медленноспи. «Бывали времена» — сказано въ семъ опредѣленіи Государспвеннаго Совѣпа — «когда и самые Иноки, Священники, Діаконы вооружались для спасенія опечесспва, не жалѣя своей крови; но мы не хопимъ пого: оспавляемъ ихъ въ

храмахъ, да моляпся о Государѣ и Государ- г.
спвѣ.» Сіи мѣры угрозы и наказанія недѣль 1604.
въ шесть соединили до пятидесяпи пы-
сячь всадниковъ въ Брянскѣ[266], вмѣспо по-
лумилліона, въ 1598 году ополченнаго при-
зывнымъ словомъ Царя, *коего любила Рос-*
сія!

Но Борисъ еще оказалъ погда велико- Вели-
душіе. Шведскій Король, врагъ Сигизмун- кодушіе
довъ, услышавъ о Самозванцѣ и вѣролом- Бориса
спвѣ Ляховъ, предлагалъ Царю союзъ и вой- сово.
ско вспомогапельное. Царь опвѣпспвовалъ,
чпо Россія не пребуепъ вспоможенія ино-
земцевъ; чпо она при Іоаннѣ въ одно вре-
мя воевала съ Сулпаномъ, Липвою, Шве-
ціею, Крымомъ, и не должна бояпься мя-
пежника презрѣннаго[267]. Борисъ зналъ, чпо
въ случаѣ вѣрноспи Россіянъ горспь Шве-
довъ ему ненужна, а въ случаѣ невѣрноспи
безполезна, ибо не могла бы спаспи его.

Грозный часъ опыпа наспупалъ: не-
льзя было медлипь, ибо Самозванецъ ежедне-
но усиливался и распроспранялъ свои мир-
ныя завоеванія. Бояре, Князья Ѳедоръ Ива-
новичь Мспиславскій, Андрей Теляпевскій,
Дмипрій Шуйскій, Василій Голицынъ, Ми-
хайло Салпыковъ, Окольничіе Князь Михай-
ло Кашинъ, Иванъ Ивановичь Годуновъ, Ва-
силій Морозовъ, выспупили изъ Брянска,
чпобы пресѣчь успѣхи измѣны и спаспи
Новогородскую крѣпоспь, копорая одна про-
пивилась Разспригѣ, уже среди подвласп-

г. ной ему страны. — Не только Годуновъ
1604. съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ Судьба рѣшитъ сполъ важную тяжбу между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на действительнаго сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, кляпому Церковію, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны Царя, и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: сполъ расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь Царской власти; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.

Приближаясь къ Трубчевску, гдѣ уже славилось имя Димитріево, Воеводы Бори-

совы писали къ Сендомирскому, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ Россіи, мирной съ Литвою, оставивъ злодѣя Разстригу на казнь, имъ заслуженную [263]. Маишекъ не опровергствовалъ, въ надеждѣ, что войско Борисово не обнажитъ меча: такъ думалъ Самозванецъ; такъ говорили ему измѣнники, сносясь съ своими единомышленниками въ полкахъ Московскихъ. 18 Декабря, на берегу Десны, верстахъ въ шести отъ стана Лжедимитріева, была перестрѣлка между отрядами того и другаго войска; а на третій день легкая сшибка. Ни съ которой стороны не изъявляли пылкой ревности: Самозванецъ ждалъ, кажется, чтобы рать Борисова, слѣдуя примѣру городовъ, связала и выдала ему своихъ начальниковъ; а Мстиславскій, чтобы непріятель ушелъ безъ битвы, какъ слабѣйшій, едва ли имѣя и 12000 воиновъ [269]. Но не видали ни измѣны, ни бѣгства; перешло къ Лжедимитрію только три человѣка изъ Дѣтей Боярскихъ. Оставивъ Новгородъ и свой укрѣпленный станъ, онъ выстроился на равнинѣ, весьма неблагопріятной для войска малочисленнаго; оказывалъ спокойствіе и бодрость; говорилъ рѣчь къ сподвижникамъ [270], стараясь воспламенить ихъ мужество; молился велегласно, воздѣвъ руки на небо, и дерзнулъ, какъ увѣряютъ, громко произнести слѣдующія слова: «Всевышній! Ты зришь глубину моего сердца. Если обнажаю мечь неправедно

1604.

Битва.

Г. 1604. «и беззаконно, по сокруши меня Небеснымъ «громомъ»... (увидимъ 17 Мая 1606 года!)... «Когда же я правъ и чиспъ душею, дай «силу неодолимую рукѣ моей въ бипвѣ! А «Ты, Мапь Божія, буди покровомъ нашего «воинспва»[271]! 21 Декабря началося дѣло, сперва не жаркое; но вдругъ конница Польская съ воплемъ успремилась на правое крыло Россіянъ, гдѣ предводипельспвовали Князья Дмипрій Шуйскій и Михайло Кашинъ: оно дрогнуло, и въ бѣгспвѣ опрокинуло средину войска, гдѣ сшоялъ Мспиславскій; изумленный пакою робоспію и пакимъ безпорядкомъ, онъ удерживалъ мечемъ своихъ и непріяпелей; бился въ свалкѣ; облился кровію, и съ пятнадцатью ранами упалъ на землю: дружина Спирѣльцевъ едва спасла его опъ плѣна[272]. Часъ былъ рѣшипельный: если бы Лжедимипрій общимъ нападеніемъ подкрѣпилъ ударъ смѣлыхъ Ляховъ, по вся рапь Московская, какъ пишупъ очевидцы, предспавила бы зрѣлище срамнаго бѣгспва; но онъ далъ ей время опомниться: 700 Нѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Борису, удержали спремленіе непріяпельскихъ, и лѣвое крыло наше уцѣлѣло. Тогда же Басмановъ вышелъ изъ крѣпоспи, чпобы дѣйспвовапь въ пылу у Самозванца, копорый, слыша выспрѣлы позади себя и видя свой укрѣпленный спанъ въ пламени[273], прекрапилъ бипву. Обѣ спороны вдругъ опспупили, Лжедимипрій хвалясь побѣдою и чепырмя

тысячами убитыхъ непріятелей, а Борисо- Г.
вы Воеводы опъ спыда безмолвствуя, хо- 1604.
тя и взявъ нѣсколько плѣнниковъ. Чпо-
бы менѣе спыдиться, Россіяне выдумали
басню: увѣряли, чпо Ляхи испугали ихъ
коней, нарядясь въ медвѣжьи шубы на-выво-
ропъ; иноземцы же, свидѣпели сего мало-
душнаго бѣгспва, пишупъ, чпо Россіяне не
имѣли, казалось, ни мечей, ни рукъ, имѣя
единспвенно ноги[274]!

Однакожь мнимый побѣдипель не весе-
лился. Сія бипва спранная доказала не по,
чего хопѣлось Самозванцу: Россіяне сража-
лись съ нимъ худо, безъ усердія, но сража-
лись; бѣжали, но опъ него, а не къ нему.
Онъ зналъ, чпо безъ ихъ общаго преда-
пельспва ни Ляхи, ни Козаки не сверг-
нупъ Бориса, и спрашился быпь между
двумя огнями, двумя вѣрными Воеводами,
Мспиславскимъ и Басмановымъ, копорый,
видя опсшупленіе перваго, снова заключил-
ся въ крѣпоспи, гоповый умерепь въ ея
развалинахъ. На другой день присоединилось
къ Лжедимипрію 4000 Запарожцевъ[275], и вой-
ско Борисово удалилось къ Спародубу Сѣ-
верскому, но для пого, чпобы ожидапь
памъ другихъ, свѣжихъ полковъ изъ Брян-
ска, и могло чрезъ нѣсколько дней возвра-
пипься къ Новугороду, обороняемому споль
усильно. Ревноспь наемниковъ и союзниковъ
ослабѣла: Ляхи надѣялись веспи своего Ца-
ря въ Москву безъ кровопролипія; увидѣли,

Г. 1604. что надобно равноборствовать; не любили ни зимних походов, ни зимних осад — и как легкомысленно начали, так легкомысленно и кончили: объявили, что идут назад, будто бы исполняя указ Сигизмундов не воевать с Россиею в случае, если она будет стоять за Царя Годунова. Тщетно убеждал их Лжедимитрий не терять надежды: осталось не более четырех сот удальцев Польских[276]; все другие бежали во-свояси, а с ними и горестный Мнишек. Думая, что все погибло, и Княжество Смоленское для него и Царство для Марины, сей вероломный старец еще дружественно простился с женихом ся и смело обещал ему возвратиться с сильнейшею ратию. Но Самозванец, едва ли уже веря пророчеству, еще верил счастию; с обрядами священными предав на поле сражения тела убитых, своих и неприятелей, и сняв осаду Новагорода, расположился станом в Комарницкой Волости, занял Севский острог, спешил вооружать, кого мог: граждан и земледельцев. Рать Борисова не дала ему времени.

Поляки оставляют Самозванца.

Смятение Воеводъ Московских было столь велико, что они даже медлили известить Царя о битве: узнав от других всю ея печальныя обстоятельства, Борись (1 Генваря) послал Князя Василия Шуйского к войску, быть вторым Предводите-

Г. 1605.

лемъ онаго, а Чашника Вельяминова, къ ра- Г.
неннному Мстиславскому, *ударить* ему *че-* 1605.
ломъ за кровь, проліянную имъ изъ усердія
къ святому отечеству, и сказать именемъ
Государя: «Когда ты, совершивъ знамени-
«тую службу, увидишь образъ Спасовъ,
«Богоматери, Чудотворцевъ Московскихъ и
«наши Царскія очи: тогда пожалуемъ пе-
«бя свыше твоего чаянія. Нынѣ шлемъ къ
«тебѣ искуснаго врача, да будешь здравъ
«и снова на конѣ рапномъ.» Всѣмъ инымъ
Воеводамъ Царь велѣлъ объявить свое не-
удовольствіе за ихъ преступное молчаніе,
но войско увѣрилъ въ милости[277]. Чтобы
блестящею наградою мужества оживить
доблесть въ сердцахъ Россіянъ, Борисъ, ис-
кренно довольный однимъ Басмановымъ, при-
звалъ его къ себѣ, выслалъ знатнѣйшихъ Честь
государственныхъ сановниковъ на встрѣчу Басма-
къ Герою и собственныя великолѣпныя са- нову.
ни для торжественнаго въѣзда въ Москву
со всею Царскою пышностію; далъ ему изъ
своихъ рукъ тяжелое золотое блюдо, на-
сыпанное червонцами, и 2000 рублей[278], мно-
жество серебряныхъ сосудовъ изъ казны
Кремлевской, доходное помѣстье и санъ Бо-
ярина Думнаго. Столица и Россія обратили
взоръ на сего новаго Вельможу, ознаменован-
наго вдругъ и славою подвига и милостію
Царскою; превозносили его необыкновенныя
достоинства — и любимецъ Государевъ сдѣ-
лался любимцемъ народнымъ, первымъ чело-

Г. вѣкомъ своего времени въ общемъ мнѣніи.
1605. Но сколь блестящая награда одного была укоризною для многихъ и естественно раждала негодованіе зависти между знатными. Если бы Царь осмѣлился презрѣть уставъ Боярскаго старѣйшинства и дать главное Воеводство Басманову, то, можетъ быть, спасъ бы свой Домъ отъ гибели и Россію отъ бѣдствій: чего Судьба не хотѣла! Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться его совѣтами въ Думѣ, Царь отнялъ лучшаго Воеводу у рати и сдѣлалъ, кажется, новую ошибку, избравъ Шуйскаго въ начальники. Сей Князь, подобно Мстиславскому, могъ не робѣть смерти въ битвахъ, но не имѣлъ ни ума, ни души Вождя искуснаго, рѣшительнаго и смѣлаго; увѣренный въ самозванствѣ бродяги, не думалъ предать ему отечества, но, угождая Борису какъ царедворецъ льстивый, помнилъ свои опалы: видѣлъ, можетъ быть, не безъ тайнаго удовольствія муку сего тиранскаго сердца, и желая спасти честь Россіи, зложелательствовалъ Царю.

Шуйскій, провождаемый множествомъ чиновныхъ Сторонниковъ и Стряпчихъ[279], нашелъ войско близъ Стародуба въ лѣсахъ, между засѣками, гдѣ оно, усиленное новыми дружинами, какъ бы таилось отъ непріятеля, въ бездѣйствіи, въ уныніи, съ Предводителемъ недужнымъ; другая запасная рать подъ начальствомъ Ѳедора Шереметева

собиралась близъ Кромъ, такъ, что Борисъ имѣлъ въ полѣ не менѣе осьмидесяти тысячь воиновъ[280]. Мстиславскій, еще изнемогая отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двинулись къ Сѣвску, гдѣ Лжедимитрій не хотѣлъ ждать ихъ: смѣлый отчаяніемъ, вышелъ изъ города и вступился съ ними въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны: у него 15,000, конныхъ и пѣшихъ; у Воеводъ Борисовыхъ 60 или 70 тысячь. Узнавъ, что полки наши тѣснятся въ деревнѣ, онъ хотѣлъ ночью зажечь ее и въ расплохъ нагрянуть на сонныхъ: тамошніе жители взялись подвести его къ селенію незамѣтно; но стражи увидѣли сіе движеніе: сдѣлалась тревога и непріятель удалился[281]. Ждали разсвѣта (21 Генваря). Самозванецъ молился, говорилъ рѣчь къ своимъ, какъ и въ день Новогородской битвы; раздѣлилъ войско на три части: для перваго удара взялъ себѣ 400 Ляховъ и 2000 Россіянъ всадниковъ, которые всѣ отличались бѣлою одеждою сверхъ латъ, чтобы знать другъ друга въ сѣчѣ[282]: за ними должны были итти 8000 Козаковъ, также всадниковъ, и 4000 пѣшихъ воиновъ съ пушками. Утромъ началась сильная пальба. Россіяне, сколь многочисленные, не шли впередъ, съ обѣихъ сторонъ примыкая къ селенію, гдѣ стояла ихъ пѣхота. Оглядѣвъ устроеніе Московскихъ Воеводъ, Лжедимитрій сѣлъ на борзаго, каряго аргамака, держа въ рукѣ обнаженный мечь, и по-

Г. 1605.

Побѣда Воеводъ Борисовыхъ.

Г. вель свою конницу долиною, чтобы стре-
1605. мительнымъ нападеніемъ разрѣзать войско Борисово между селеніемъ и правымъ крыломъ. Мстиславскій, слабый и тучный, былъ на конѣ: угадалъ мысль непріятеля, и двинулъ сіе крыло, съ иноземною дружиною, къ нему на встрѣчу. Тупъ Разстрига, какъ испытный витязь, оказалъ смѣлость необыкновенную: сильнымъ ударомъ смялъ Россіянъ и погналъ ихъ; сломилъ и дружину иноземную[283], не смотря на ея мужественное, блестящее сопротивленіе, и кинулся на пѣхоту Московскую, которая стояла предъ деревнею съ огнестрѣльнымъ снарядомъ — и не трогалась, какъ бы въ оцѣпенѣніи; ждала, и вдругъ залпомъ изъ сорока пушекъ, изъ десяти или двѣнадцати тысячь ружей, поразила непріятеля: множество всадниковъ и коней пало; кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха — и самъ Лжедимитрій. Уже Козаки его неслись-было во всю прыть довершить легкую побѣду своего Героя; но видя, что она не ихъ, обратили тылъ, сперва Запорожцы, а послѣ и Донцы, и пѣхота. 5000 Россіянъ и Нѣмцы, съ кликомъ: Hilf Gott (*помоги Богъ*), гнали, разили бѣгущихъ на пространствѣ осьми верстъ, убили тысячь шесть, взяли не мало и плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ истребили бы всѣхъ до единаго, если бы Воеводы, какъ пишутъ[284], не велѣли имъ остановиться, думая, вѣроятно,

что все кончено, и что самъ Лжедимитрій г.
убитъ. Съ сею счастливою вѣстію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеинъ, и нашелъ 1605.
Царя молящагося въ Лаврѣ Св. Сергія . . .

Борисъ запренепалъ отъ радости, велѣлъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола и представить народу трофеи: знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ Окольничаго, послалъ съ любимымъ Спольникомъ, Княземъ Мезецкимъ, золотыя медали Воеводамъ, а войску 80,000 рублей[285], и писалъ къ первымъ, что ждетъ отъ нихъ вѣсти о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенности благодарилъ усердныхъ иноземцевъ и двухъ ихъ Предводителей, Вальтера Розена, Ливонскаго Дворянина и Француза Якова Маржерета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда стоила намъ не дорого: ибо мы лишились въ битвѣ только пяти сотъ Россіянъ и двадцати-пяти Нѣмцевъ[286].

Но Самозванецъ былъ живъ: побѣдители, безвременно веселясь и торжествуя, упустили его: онъ на раненномъ конѣ ускакалъ въ Севскъ, и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ, съ немногими Ляхами, съ Княземъ Тапевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные Запорожцы: Самозванецъ не впустилъ ихъ въ городъ, какъ малодушныхъ

Г. 1605. прусовъ или предателей[287], такъ, что они съ досадою и спыдомъ ушли во-свояси. Не видя для себя безопасносши и въ Рыльскѣ, Лжедимишрій искалъ ее въ Пупивлѣ, лучше укрѣпленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а Воеводы Борисовы все еще спояли въ Добрыничахъ, занимаясь казнями: вѣшали плѣнниковъ (кромѣ Липовскихъ, Пана Тишкѣвича и другихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разспрѣливали земледѣльцевъ, жишелей Комарницкой Волосши, за ихъ измѣну[288], безжалосшно и безразсудно, усиливая пѣмъ осшервеневіе мяшежниковъ, ненависшь къ Царю и доброе расположеніе къ обманщику, который миловалъ и самыхъ усердныхъ слугъ своего непріяшеля. Сія жесшокосшь, вмѣсшѣ съ оплошносшію Воеводъ, спасли злодѣя. Уже лишенный всей надежды, разбишый на голову, почши испребленный, съ горсшію бѣглецовъ унылыхъ, онъ хошѣлъ шайно уйши изъ Пупивля въ Липву: измѣнники опчаянные удержали его, сказавъ: «мы всѣмъ шебѣ жершвовали, а шы ду- «маешь полько о жизни посшыдной и пре- «даешь насъ месши Годунова; но еще мо- «жемъ спасшися, выдавъ шебя живаго Бо- «рису[289]!» Они предложили ему все, что имѣли: жизнь и досшояніе; ободрили его; ручались за множесшво своихъ единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ и въ Государсшвѣ. Не менѣе ревносши оказа-

ли и Козаки Донскіе: ихъ снова пришло къ Самозванцу 4000 въ Пупивль[290]; другіе засѣли въ городахъ, и клялися оборонять ихъ до послѣдняго издыханія. Лжедимитрій волею и неволею остался; послалъ Князя Таг. 1605.
тева къ Сигизмунду[291] требовать немедленнаго вспоможенія; укрѣплялъ Пупивль, и слѣдуя совѣту измѣнниковъ, издалъ новый Манифестъ, разсказывая въ немъ свою вымышленную исторію о Димитріевомъ спасеніи, свидѣтельствуясь именемъ людей умершихъ[292], особенно даромъ Князя Ивана Мстиславскаго, крестомъ драгоцѣннымъ, и прибавляя, что онъ (Димитрій) тайно воспитывался въ Бѣлоруссіи, а послѣ тайно же былъ съ Канцлеромъ Сапѣгою въ Москвѣ, гдѣ видѣлъ хищника Годунова сидящаго на престолѣ Іоанновомъ. Сей вторый Манифестъ, удовлетворяя любопытству баснями, дополѣ неизвѣстными, умножилъ число друзей Самозванца, хотя и разбитаго. Говорили, что Россіяне шли на него только принужденно, съ неизъяснимою боязнію, внушаемою чемъ-то сверхъестественнымъ, безъ сомнѣнія Небомъ; что они побѣдили случайно, и не устояли бы безъ слѣпаго остервенѣнія Нѣмцевъ; что Провидѣніе очевидно хотѣло спасти сего виновника и въ самой несчастной битвѣ; что онъ и въ самой крайности не оставленъ Богомъ, не оставленъ вѣрными слугами, которые, признавъ въ немъ истиннаго Димитрія, еще готовы жертвовать ему

Г. собою, женами, дѣтьми, и конечно не могли
1605. бы имѣть сполъ великаго усердія къ обманщику.—Такія разглашенія сильно дѣйствовали на легковѣрныхъ, и многіе люди, особенно изъ Комарницкой волости, гдѣ свирѣпствовала месть Борисова, спскались въ Путивль, пребуя оружія и чести умереть за Димитрія.

Между тѣмъ Воеводы Царскіе — свѣдавъ, что Самозванецъ не испреблент—тронулись съ мѣста, приступили къ Рыльску, и не обѣщая никому помилованія, хотѣли, чтобы городъ сдался безъ условія. Тамъ начальствовали злые измѣнники, Князь Григорій Долгорукій-Роща и Яковъ Змѣевъ: видя предъ собою висѣлицу, они велѣли сказать Мстиславскому: «служимъ Царю Димитрію«— и залпомъ изъ всѣхъ пушекъ доказали свою непреклонность[293]. Воеводы стояли двѣ недѣли подъ городомъ, хвалились не во-время человѣколюбіемъ, жалѣли крови, и рѣшились дать отдохновеніе войску, дѣйствительно утружденному зимнимъ походомъ; отступили въ Комарницкую волость и донесли Царю, что будутъ ждать тамъ весны въ покойныхъ станахъ. Но Борисъ, послѣ кратковременной радости встревоженный извѣстіями о спасеніи Лжедимитрія и новыхъ прельщеніяхъ измѣны, досадуя на Мстиславскаго и всѣхъ его сподвижниковъ, послалъ къ нимъ въ Острогъ Радогощскій Окольничаго Петра Шереметева и Думнаго Дьяка Власье-

ва съ дружиною Московскихъ Дворянъ и съ гнѣвнымъ словомъ: укорялъ ихъ въ нерадѣніи, винилъ въ упущеніи Самозванца изъ рукъ, въ безполезностіи побѣды, и произвелъ всеобщее негодованіе въ войскѣ. Жаловались на жестокость и несправедливость Царя, пѣ, которые долгъ вѣрно исполняли присягу, обагрились кровію въ битвахъ, изнемогли отъ трудовъ ратныхъ; еще болѣе жаловались зломысленники, чтобы усиливать нелюбовь къ Царю—и могли хвалиться успѣхомъ: ибо съ сего времени, по извѣстію Лѣтописца[291], многіе чиновники воинскіе видимо склонялись къ Самозванцу, и желаніе *избыть Бориса* овладѣло сердцами. Измѣна возникала, но еще не дозрѣла до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотно, повиновеніе законное. Слѣдуя строгому предписанію Государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле, чтобы удивить Россію ничтожностію своихъ дѣйствій: оставили Лжедимитрія на свободѣ въ Путивлѣ, соединились съ запасною ратію Ѳедора Шереметева[295], уже двѣ или три недѣли тѣснившаго Кромы, и вмѣстѣ съ нимъ, въ Великій постъ, начали осаждать сію крѣпость. Дѣло невѣроятное: тысячь восемдесять или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ, сверхъ жителей, сидѣло 600 мужественныхъ Донцевъ[296] съ храбрымъ Атама-

г. 1605.

Осада Кромъ

1605. г. номъ Корелою! Осаждающіе ночью сожгли городъ, заняли пепелище и валъ; но Козаки сильною, мѣткою стрѣльбою не допускали ихъ до острога, и Бояринъ Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, или малодушный или уже предатель, не сказавъ ни слова главнымъ Воеводамъ, велѣлъ рати отступить, въ тотъ часъ, когда ей должно было устремиться на послѣднюю ограду измѣнниковъ[297]. Мстиславскій и Шуйскій не дерзнули наказать виновнаго, уже видя худое расположеніе въ сподвижникахъ — и съ сего дня, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ, которые выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выпалзывали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки[298]. Между тѣмъ войско, стоя на снѣгу и въ сыротѣ, было жертвою повальной болѣзни: смертоноснаго мыта[299]. Сіе бѣдствіе еще оказало достохвальную заботливость Царя, приславшаго въ станъ лекарства и все нужное для спасенія болящихъ, но умножило нерадивость осады, такъ, что въ бѣлый день 100 возовъ хлѣба и 500 Козаковъ Лжедимитріевыхъ изъ Путивля могли пройти въ обожженныя Кромы[300].

Досадуя на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ инымъ способомъ, какъ пишутъ современники, избавить себя и Россію отъ злодѣя. Три Инока, знавшіе

Опрепьева Діакономъ, явились въ Пупивлѣ (8 Марпа) съ грамопами опъ Государя и Папріарха къ памошнимъ жипелямъ: первый обѣщалъ имъ великія милоспи, если они выдадупъ сму Самозванца, живаго или мерпваго; впорый грозилъ спрашнымъ дѣйспвіемъ церковной анаѳемы. Сихъ Монаховъ схвапили и привели къ Лжедимипрію, копорый упопребилъ хипроспь: вмѣспо его, въ Царскомъ одѣяніи, на пронѣ, сидѣлъ Полякъ Иваницкій, и предспавляя лице Самозванца, спросилъ у нихъ: «знаепе ли меня?» Монахи сказали: «нѣпъ; знаемъ полько, чпо «пы во всякомъ случаѣ не Димипрій.» Ихъ спали пыпапь: двое перпѣли и молчали; а препій спасъ себя объявленіемъ[301], чпо у нихъ еспь ядъ, конмъ они, исполняя волю Борисову, хопѣли уморипь Лжецаревича, и чпо нѣкопорые изъ ближнихъ его людей въ заговорѣ съ ними. Ядъ дѣйспвипельно нашелся въ сапогѣ у младшаго изъ сихъ Иноковъ, и Самозванецъ, опкрывъ двухъ измѣнниковъ между своими любимцами, предалъ ихъ въ жерпву народной меспи. Увѣряюпъ, чпо онъ, хвалялся явнымъ Небеснымъ къ нему благоволеніемъ, писалъ шогда къ Папріарху и къ самому Царю: укорялъ Іова злоупопребленіемъ Церковной власпи въ пользу хищника, а Бориса убѣждалъ мирно оспавипь пресполъ и свѣпъ, заключипься въ монаспырѣ и жипь для спасенія душши, обѣщая ему свою Царскую милоспь[302]. 1605 г. Письмо Самозванца къ Борису.

Г. 1605. Такое письмо, если дѣйствительно писанное и доставленное Годунову, было конечно новымъ искушеніемъ для его твердости!

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе Воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать хуждшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни снисходительными убѣжденіями, ни кляпвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ[303]. Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; второй блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы унынiемъ и разслабленiемъ духа не предвѣстить своей гибели — и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчить себя свободнымъ стенанiемъ. Онъ не имѣлъ

упѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаться Г. въ волю Святаго Провидѣнія, служа только 1605.
идолу властолюбія: хотѣлъ еще наслаждаться и плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души упѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился —Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ—въ бренности нашего естества земнаго.

Борису исполнилось 53 года отъ рожде- Кончина Годунова.
нія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, исполнить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ[304], обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноземцами. . . .

г. 1605. Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни — читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной незапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и поздняго раскаянія! . . . Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ [303]; но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ семейства, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣняло Царю дѣломъ; еще спояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее—но всего вѣроятнѣе, что

ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные дни Г. Борисовы, къ испинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта. 1605.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто, обагренное кровію невинныхъ, Св. Димитрія издыхающаго подъ ножемъ убійцъ, Героя Псковскаго въ пеплѣ, сполъ многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою Вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ.... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйство-

г. 1605. вашь вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на-время благоустроилъ Державу, на-время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго — предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѳеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничиженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

ГЛАВА III.

Царствованіе Ѳеодора Борисовича Годунова.

Г. 1605.

Присяга Ѳеодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. По-

ходъ къ Москвѣ. Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Ѳеодора съ престола. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство.

Еще Россіяне погребли Бориса съ честію во храмѣ Св. Михаила, между памятниками своихъ Вѣнценосцевъ Варяжскаго племени; еще Духовенство льстило ему и въ могилѣ: Святители въ окружныхъ грамотахъ къ монастырямъ писали о *безпорочной и праведной душѣ его, мирно отшедшей къ Богу*[506]! Еще всѣ, отъ Патріарха и Синклита до мѣщанъ и земледѣльцевъ, съ видомъ усердія присягнули «Царицѣ Маріи и дѣтямъ «ея, *Царю* Ѳеодору и Ксеніи [507], обязывались страшными клятвами не измѣнять «имъ, не умышлять на ихъ жизнь, и не «хотѣть на Государство Московское ни бывшаго Велнкаго Князя Тверскаго, слѣпца Симеона, ни злодѣя, именующаго себя Димитріемъ; не избѣгать Царской службы, и «не бояться въ ней ни трудовъ, ни смерти. »Достигнувъ вѣнца злодѣйствомъ, Годуновъ былъ однакожъ Царемъ законнымъ: сынъ естественно наслѣдовалъ права его, утвержденныя *двукратною* присягою[508], и какъ бы давалъ имъ новую силу прелестію своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; онъ соединялъ въ себѣ умъ отца съ добро-

г. 1605.

Присяга Ѳеодору.

Достоинства юнаго Царя.

Г. 1605. дѣтелію матери, и шестнадцати лѣтъ удивлялъ Вельможъ даромъ слова и свѣдѣніями необыкновенными въ тогдашнее время: первымъ счастливымъ плодомъ Европейскаго воспитанія въ Россіи; равно узналъ и науку правленія, отрокомъ засѣдая въ Думѣ; узналъ и сладость благодѣянія, всегда употребляемый родителемъ въ посредники между закономъ и милостію[309]. Чего не льзя было ожидать Государству отъ такого Вѣнценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омрачала престолъ Ѳеодоровъ: ненависть къ отцу препятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдствій отъ злаго племени, въ ихъ глазахъ опальнаго предъ Богомъ, и страшась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не устрашились подвергнуться сей казни за преступленіе собственное: за вѣроломство, осуждаемое уставомъ Божественнымъ и человѣческимъ.

Еще Ѳеодоръ, столь юный, имѣлъ нужду въ совѣтникахъ: мать его блистала единственно скромными добродѣтелями своего пола. Немедленно велѣли тремъ знатнѣйшимъ Боярамъ, Князьямъ Мстиславскому, Василью и Дмитрію Шуйскимъ, оставить войско и быть въ Москву, чтобы правительствовать въ Синклитѣ; возвратили свободу, честь и достояніе славному Бѣльскому[310], чтобы также пользоваться его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. Но всего

важнѣе было избраніе главнаго Воеводы: искали уже не спарѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали — Басманова, ибо не могли сомнѣваться ни въ его воинскихъ дарованіяхъ, ни въ вѣрности, доказанной дѣлами блеспящими. Юный Ѳеодоръ, въ присутствіи матери, сказалъ ему съ умиленіемъ: «служи намъ, какъ ты служилъ отцу моему» — и сей честолюбецъ, пылая (такъ казалось) чувствомъ усердія, клялся умереть за Царя и Царицу[311]! Басманову дали въ товарищи одного изъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князя Михайла Катырева-Ростовскаго, добраго и слабодушнаго. Послали съ ними и Митрополита Новогородскаго, Исидора, чтобы войско въ его присутствіи цѣловало крестъ на имя Ѳеодора. — Нѣсколько дней прошло въ тишинѣ для столицы. Дворъ и народъ торжественно молились о душѣ Царя усопшаго; гораздо искреннѣе молились истинные друзья отечества о спасеніи Государства, предвидя бурю, съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Кромскаго стана — и первыя донесенія новыхъ Воеводъ казались еще благопріятными.

Г. 1605. Избраніе Басманова въ Военачальники.

Невидимо держа въ рукѣ судьбу отечества, Басмановъ 17 Апрѣля[312] прибылъ въ станъ, и не нашелъ тамъ уже ни Мстиславскаго, ни Шуйскаго; созвалъ всѣхъ, чиновниковъ и рядовыхъ, подъ знамена; извѣстилъ ихъ о воцареніи Ѳеодора, и прочиталъ имъ грамоты его, весьма милостиви-

выя: юный Монархъ обѣщалъ вѣрному, усердному войску безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисовыхъ. Сильное внутреннее движеніе обнаружилось на лицахъ: нѣкоторые плакали о Царѣ усопшемъ, боясь за Россію; другіе не таили злой радости. Но войско, подобно Москвѣ, присягнуло Ѳеодору. Съ симъ извѣстіемъ Митрополитъ Исидоръ возвратился въ столицу: самъ Басмановъ доносилъ о томъ .... а чрезъ нѣсколько дней узнали его измѣну!

Г. 1605. Присяга войска.

Измѣна Басманова.

Удививъ современниковъ, дѣло Басманова удивляетъ и потомство. Сей человѣкъ имѣлъ душу, какъ увидимъ въ роковый часъ его жизни; не вѣрилъ Самозванцу; столь ревностно обличалъ и столь мужественно разилъ его подъ стѣнами Новагорода Сѣверскаго; былъ осыпанъ милостями Бориса, удостоенъ всей довѣренности Ѳеодора, избранъ въ спасители Царя и Царства, съ правомъ на ихъ благодарность безпредѣльную, съ надеждою оставить блестящее имя въ лѣтописяхъ — и палъ къ ногамъ Разстриги, въ видѣ гнуснаго предателя! Изъяснимъ ли такое непонятное дѣйствіе худымъ разположеніемъ войска? Скажемъ ли, что Басмановъ, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотѣлъ ускореніемъ измѣны спасти себя отъ уничиженія: хотѣлъ лучше отдать и войско и Царство обманщику, нежели быть выданнымъ ему мятежниками[513]? Но полки еще клялись имя-

немъ Божіимъ въ вѣрности къ Ѳеодору: какою новою ревностію могъ бы одушевить ихъ Воевода доблій, силою своего духа и закона обуздавъ зломысленниковъ? Нѣтъ, вѣримъ сказанію Лѣтописца, что не общая измѣна увлекла Басманова, но Басмановъ произвелъ общую измѣну войска[314]. Сей честолюбецъ безъ правилъ чести, жадный къ наслажденіямъ временщика, думалъ, вѣроятно, что гордые, завистливые родственники Ѳеодоровы никогда не уступятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что Самозванецъ безродный, имъ (Басмановымъ) возведенный на Царство, естественно будетъ привязанъ благодарностію и собственною пользою къ главному виновнику своего счастія: судьба ихъ дѣлалась нераздѣльною — и кто могъ затмить Басманова достоинствами личными? Онъ зналъ другихъ Бояръ и себя: не зналъ только, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія! Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и долговременнымъ повелительствомъ и блескомъ великаго ума государственнаго: Ѳеодоръ, слабый юностію лѣтъ и новостію Державства, вселялъ смѣлость въ предателя, вооруженнаго суемудріемъ для успокоенія сердца: онъ могъ думать, что измѣною спасаетъ Россію отъ ненавистной Олигархіи Годуновыхъ; вручая скипетръ хотя и самозванцу, хотя и чело-

Г. 1605.

Г. вѣку низкаго происхожденія, но смѣлому, ум-
1605. ному, другу знаменитаго Вѣнценосца Поль-
скаго, и какъ бы избранному Судьбою для
совершенія достойной мести надъ родомъ
святоубійцы; могъ думать, что направитъ
Лжедимитрія на путь добра и милости:
обманетъ Россію, но загладитъ сей обманъ
— ея счастіемъ! Можетъ быть, Басмановъ
выѣхалъ изъ столицы еще въ нерѣшимо-
сти, готовый дѣйствовать по обстоятель-
ствамъ, для выгодъ своего честолюбія; мо-
жетъ быть, онъ рѣшился на измѣну един-
ственно тогда, какъ увидѣлъ преклонность
и Воеводъ и войска къ обманщику. Всѣ цѣ-
ловали крестъ Ѳеодору (ибо никто не дерз-
нулъ быть первымъ мятежникомъ), но
большею частію съ нехотѣніемъ или съ
уныніемъ. И тѣ, которые дополѣ не вѣ-
рили мнимому Димитрію, стали вѣрить
ему, будучи поражены незапною смертію Го-
дунова, и находя въ ней новое доказатель-
ство, что не Самозванецъ, а дѣйствитель-
но наслѣдникъ Іоанновъ пребуетъ своего
законнаго достоянія: ибо Всевышній — какъ
они думали[315] — несомнительно благово-
литъ о немъ и ведетъ его, чрезъ могилу
хищника, на царство. Замѣтили также, что
въ присягѣ Ѳеодоровой Самозванецъ не былъ
именованъ Отрепьевымъ: слагатели ея, вѣ-
роятно безъ умысла, написали единственно:
*клянемся не пристават ь къ тому, кто име-
нуетъ себя Димитріемъ*[316]. «Слѣдственно«

— говорили многіе — «сказка о бѣгломъ «Діаконѣ Чудовскомъ уже поржествено «объявляется вымысломъ. Кто же сей Ди- «митрій, если не истинный? »Самые вѣр- ные имѣли печальную мысль, что Ѳеодору не удержаться на престолѣ. Такое расположеніе умовъ и сердецъ обѣщало легкій успѣхъ измѣнѣ: Басмановъ наблюдалъ, рѣшился, и готовя Россію въ даръ обманщику, безъ сомнѣнія удостовѣрился, посредствомъ тайныхъ сношеній, въ его благодарности. г. 1605.

Оставленный на свободѣ въ Путивлѣ, Лжедимитрій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ укрѣплялъ свои города и вооружалъ людей; писалъ къ Мнишку, что надѣется на счастіе болѣе нежели, когда нибудь; посылалъ дары къ Хану, желая заключить съ нимъ союзъ; ждалъ новыхъ сподвижниковъ изъ Галиціи, и былъ усиленъ дружиною всадниковъ, приведенныхъ къ нему Михаиломъ Рапомскимъ, который увѣрялъ его, что въ слѣдъ за нимъ будетъ и Воевода Сендомирскій съ Королевскими полками[317]. Но только смерть Борисова, только измѣна Воеводъ Царскихъ могла исполнить дерзкую надежду Разстриги: о первой свѣдалъ онъ въ концѣ Апрѣля отъ бѣглеца, Дворянина Бахметева[318]; о второй въ началѣ Мая, вѣроятно отъ самаго Басманова — и съ того времени зналъ все, что происходило въ станѣ Кромскомъ. Самозванецъ усиливается.

Г. 1605. Отдавъ честь мужа Думнаго и славу знаменитаго витязя за прелесть исключительнаго Вельможества подъ скиптромъ бродяги, Басмановъ, увѣренный въ сей надеждѣ, увѣрилъ въ ней и другихъ низкихъ самолюбцевъ: Боярина Князя Василія Васильевича Голицына, брата его Князя Ивана, и Михайла Глебовича Салтыкова[319], которые также не имѣли ни совѣсти, ни стыда, и также хотѣли быть временщиками новаго царствованія въ воздаяніе за гнусное злодѣйство. Но и злодѣи ищутъ благовидныхъ предлоговъ въ своихъ ковахъ: обманывая другъ друга, лицемѣры находили въ Лжедимитріи всѣ признаки истиннаго[320], добродѣтели Царскія и свойства души высокой; дивились чудесной судьбѣ его, ознаменованной перстомъ Божіимъ; злословили царство Годуновыхъ, снисканное лукавствомъ и беззаконіемъ; оплакивали бѣдствіе войны междоусобной и кровопролитной, необходимой для удержанія короны на слабой главѣ Ѳеодоровой, и въ порожествѣ Разстриги видѣли пользу, пишину, счастіе Россіи. Они условились въ предательствѣ, и спѣшили дѣйствовать. Еще нѣсколько дней коварствовали впайнѣ, умножая число надежныхъ единомышленниковъ (между коими отличались ревностію Боярскіе Дѣти городовъ Рязани[321], Тулы, Коширы, Алексина); успокоивали совѣсть людей малоумныхъ, недальновидныхъ, твердя и повторя, что

Изм. на Голицыныхъ и Салтыкова.

для Россіянъ одна присяга законная: данная Г. ими Іоанну и дѣтямъ его; что новѣйшія, 1605.
взятыя съ нихъ на имя Бориса и Ѳеодора, суть плодъ обмана и недѣйствительны, когда сынъ Іоанновъ не умиралъ и здравствуетъ въ Путивлѣ. Наконецъ, 7 Мая[322], заговоръ открылся: ударили тревогу; Басмановъ сѣлъ на коня, и громогласно объявилъ Димитрія Царемъ Московскимъ. Тысячи воскликнули, и Рязанцы первые: «да здравствуетъ же отецъ нашъ, Государь «Димитрій Іоанновичь! »Другіе еще безмолвствовали въ изумленіи. Тогда единственно проснулись Воеводы вѣрные, обманутые коварствомъ Басманова: Князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Андрей Телятевскій, Иванъ Ивановичь Годуновъ; но поздно! Видя малое число усердныхъ къ Ѳеодору, они бѣжали въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и воинами, Россіянами и чужеземцами[323]: ихъ гнали, били; наспигли Ивана Годунова, и связаннаго привели въ станъ, гдѣ войско въ несчастномъ заблужденіи торжествовало измѣну какъ свѣтлый праздникъ отечества. Никто не смѣлъ изъявить сомнѣнія, когда знаменитѣйшій противникъ Самозванца, Герой Новагорода-Сѣверскаго, уже призналъ въ немъ сына Іоаннова — и радость, видѣть снова на тронѣ древнее племя Царское, заглушала упреки совѣсти для обольщенныхъ вѣроломцевъ! . . . Въ сей памятный беззаконіемъ день первен- Измѣна Войска.

г. 1605. спвовалъ Басмановъ дерзкимъ злодѣйспвомъ, а другой измѣнникъ подлымъ лукавспвомъ: Князь Василій Голицынъ велѣлъ связапь себя, желая на всякій случай увѣрипь Россію, чпо предаепся обманщику неволею[324]!

Нарушивъ кляпву, войско съ знаками живѣйшаго усердія обязалось другою: измѣнивъ Ѳеодору, бышь вѣрнымъ мнимому Димипрію, и дало знапь Апаману Корелѣ, чпо они служапъ уже одному Государю. Война ирекрапилась: Кромскіе защипники выползли изъ своихъ норъ и брапски обнимались съ бывшими непріяпелями на валу крѣпоспи; а Князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Пупивль, уже не къ *Царевичу*, а къ *Царю*[325], *съ повинною* опъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрноспи. Лже димипрій имѣлъ нужду въ необыкновенной душевной силѣ, чпобы скрыпь свою чрезмѣрную радоспь: важно, величаво сидѣлъ на пронѣ, когда Голицынъ, провождаемый множеспвомъ сановниковъ и Дворянъ[326], смиренно билъ ему челомъ, и съ видомъ благоговѣнія говорилъ пакъ: «Сынъ Іоанновъ! войско вручаепъ пебѣ дер-«жаву Россіи, и ждепъ пвоего милосердія. «Обольщенные Борисомъ, мы долго пропи-«вились нашему Царю законному: нынѣ же «узнавъ испину, всѣ единодушно пебѣ при-«сягнули. Иди на пресполъ родипельскій; «царспвуй счасппливо, и многія лѣпа! Вра-«ги пвои, клевреппы Борисовы, въ узахъ. Ес-

«ли Москва дерзнетъ быть спроптивою, г. «по смиримъ ее. Иди съ нами въ сполицу, 1605. «вѣнчайся на царспво! » . . Въ сей самый часъ , по извѣспію Лѣтописца , нѣкоторые Дворяне Московскіе , смотря на Лжедимитрія, узнали въ немъ Діакона Опрепьева[327]: содрогнулись , но уже не смѣли говорить, и плакали тайно. Хитро предспавляя лице Монарха великодушнаго , пронупаго раскаяніемъ виновныхъ подданныхъ , счастливый обманщикъ не благодарилъ , а полько проспилъ войско; велѣлъ ему итти къ Орлу[328], и самъ выспупилъ туда 19 Мая изъ Путивля съ 600 Ляховъ, съ Донцами и своими Россіянами, спарѣйшими другихъ въ измѣнѣ ; хотѣлъ видѣть развалины Кромъ, прославленныя мужесптвомъ ихъ защитниковъ , и памъ , оглядѣвъ пепелище , валъ, землянки Козаковъ и необозримый , укрѣпленный спанъ, гдѣ въ печеніе шести недѣль болѣе осьмидесяти тысячь добрыхъ воиновъ за семидесятью огромными пушками укрывалось въ бездѣйспвіи , изъявилъ удивленіе и хвалился чудомъ Небесной къ нему милоспи. Далѣе на пути встрѣтили Разспригу Воеводы , Михайло Салтыковъ, Князь Василій Голицынъ , Шереметевъ и Глава предательства , Басмановъ . . . . сей послѣдній съ искреннею кляпвою умерепь за того, кому онъ жертвовалъ совѣстію и бѣднымъ опечеспвомъ ! Единодушно принятый войскомъ какъ Царь благодатный, Лже- Походъ къ Москвѣ.

Г. 1605. димитрій распустилъ часть его на мѣсяцъ для отдохновенія[329], другую послалъ къ Москвѣ, а самъ съ двумя или тремя тысячами надежнѣйшихъ сподвижниковъ шелъ тихо въ слѣдъ за нею. Вездѣ народъ и люди воинскіе встрѣчали его съ дарами; крѣпости, города сдавались: изъ самой отдаленной Астрахани привезли къ нему въ цѣпяхъ Воеводу, Михайла Сабурова, ближняго родственника Ѳеодорова. Только въ Орлѣ горсть великодушныхъ не хотѣла измѣнить закону: сихъ доспойныхъ Россіянъ, къ сожалѣнію неизвѣстныхъ для Исторіи, ввергнули въ темницу[330]. Всѣ другіе ревностно преклоняли колѣна, славили Бога и Димитрія, какъ нѣкогда Героя Донскаго или завоевателя Казани! На улицахъ, на дорогахъ тѣснились къ его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Всѣ были въ волненіи, не ужаса, но радости. Исчезъ оплотъ стыда и страха для измѣны: она бурною рѣкою стремилась къ Москвѣ, неся съ собою гибель Царю и народной чести. Тамъ первыми вѣстниками злополучія были бѣглецы добросовѣстные, Воеводы Катыревъ-Ростовскій и Телятевскій съ ихъ дружинами[331]. Ѳеодоръ, еще пользуясь Царскою властію, изъявилъ имъ благодарность отечества торжественными наградами — и какъ бы спокойно ждалъ своего жребія на бѣдственномъ тронѣ, видя вокругъ себя уже не многихъ друзей искреннихъ, отчаяніе, недоумѣніе, притворство, а въ народѣ еще тишину, но грозную:

готовность къ великой перемѣнѣ, тайно желаемой сердцами[332]. Можетъ быть, зломысліе и лукавство нѣкоторыхъ Думныхъ Совѣтниковъ, благопріятствуя Самозванцу, усыпляли жертву наканунѣ ея закланія: обманывали Ѳеодора, его мать и ближнихъ, уменьшая опасность или предлагая мѣры недѣйствительныя для спасенія. Власть верховная дремала въ палатахъ Кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ, — когда имя Димитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, — когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ. Еще были Воеводы и воины вѣрные: юный Стратигъ державный, въ видѣ Ангела красоты и невинности, еще могъ бы смѣло итти съ ними на сонмы ослѣпленныхъ клятвопреступниковъ и на подлаго Разстригу: въ дѣлѣ законномъ есть сила особенная, непонятная и страшная для беззаконія. Но если не коварство, то чудное отъисканіе умовъ предавало Москву въ мирную добычу злодѣйству. Звукъ оружія и движенія ратныя могли бы дать бодрость унылымъ и страхъ измѣнникамъ; но спокойствіе, ложное, смертоносное, господствовало въ столицѣ, и служило для козней вожделѣннымъ досугомъ. Дѣятельность Правительства оказывалась единственно въ томъ, что ловили гонцевъ съ грамотами отъ войска и Самозванца къ Московскимъ жителямъ[333]: грамоты жгли, гонцевъ са- 1605. Отъисканіе умовъ въ столицѣ.

Г. 1605. жали въ шемницу; наконецъ не успѣрегли — и въ одинъ часъ все совершилось!

Измѣна Москвитянъ.

Лжедимитрій, угадывая, что его письма не доходятъ до Москвы, избралъ двухъ сановниковъ смѣлыхъ, расторопныхъ, Плещеева и Пушкина[334]: далъ имъ грамоту и велѣлъ ѣхать въ Красное село, чтобы возмутить тамошнихъ жителей, а чрезъ нихъ и столицу. Сдѣлалось, какъ онъ думалъ. Купцы и ремесленники Красносельскіе, плѣненные довѣренностію мнимаго Димитрія, присягнули ему съ ревностію, и поржественно ввели гонцевъ его (1 Іюня) въ Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные Царемъ для усмиренія сихъ мятежниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ меча; а Красносельцы, славя Димитрія, нашли множество единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ; другихъ силою увлекли за собою: нѣкоторые приспали къ нимъ только изъ любопытства. Сей шумный сонмъ стремился къ лобному мѣсту, гдѣ, по данному знаку все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитріеву къ Синклиту, къ Большимъ Дворянамъ, сановникамъ, людямъ Приказнымъ, воинскимъ, торговымъ, *среднимъ* и черными[335]. «Вы клялися отцу моему» — писалъ Разстрига — «не измѣнять ему дѣтямъ и потомству «во вѣки вѣковъ, но взяли Годунова въ Ца- «ри. Не упрекаю васъ: вы думали, что Бо- «рисъ умертвилъ меня въ лѣтахъ младен-

«ческихъ; не знали его лукавспва и не смѣ- Т.
«ли пропивипься человѣку, копорый уже 1605.
«самовласпвовалъ и въ царспвованіе Ѳеодо-
«ра Іоанновича, — жаловалъ и казнилъ, кого
«хопѣлъ. Имъ обольщенные, вы не вѣрили,
«что я, спасенный Богомъ, иду къ вамъ съ
«любовію и кропоспію. Драгоцѣнная кровь
«лилася . . . Но жалѣю о помъ безъ гнѣва:
«невѣдѣніе и спрахъ извиняюпъ васъ. Уже
«судьба рѣшилась: города и войско мои. Дер-
«знепе ли на брань междоусобную въ угод-
«носпь Маріи Годуновой и сыну ея? Имъ не
«жаль Россіи: они не своимъ, а чужимъ владѣ-
«юпъ; упипали кровію землю Сѣверскую и
«хопяпъ разоренія Москвы. Вспомнипе, что
«было опъ Годунова вамъ, Бояре, Воеводы
«и всѣ люди знаменипые: сколько опалъ и
«безчеспія несноснаго? А вы, Дворяне и дѣ-
«пи Боярскіе, чего не преперпѣли въ пя-
«госпныхъ службахъ и въ ссылкахъ? А вы,
«купцы и госпи, сколько упѣсненій имѣли
«въ порговлѣ, и какими неумѣренными по-
«шлинами опягощались? Мы же хопимъ васъ
«жаловапь безпримѣрно: Бояръ и всѣхъ му-
«жей сановипыхъ чеспію и новыми опчи-
«нами, Дворянъ и людей Приказныхъ мило-
«спію, госпей и купцевъ льгопою, въ не-
«прерывное печеніе дней мирныхъ и пихихъ.
«Дерзнепе ли быпь непреклонными? Но опъ
«нашей Царской руки не избудепе: иду и
«сяду на прespолѣ опца моего; иду съ силь-
«нымъ войскомъ, своимъ и Липовскимъ: ибо

Г. «не только Россіяне, но и чужеземцы охот-
1605 «но жертвуютъ мнѣ жизнію. Самые не-
«вѣрные Ногаи хотѣли слѣдовать за мною:
«я велѣлъ имъ остаться въ степяхъ, ща-
«дя Россію. Страшитесь гибели, вре-
«менной и вѣчной; страшитесь отвѣта
«въ день суда Божія: смиритесь, и не-
«медленно пришлите Митрополитовъ, Ар-
«хіепископовъ, мужей Думныхъ, Большихъ
«Дворянъ и Дьяковъ, людей воинскихъ и
«торговыхъ, бить намъ челомъ, какъ ваше-
«му Царю законному.» Народъ Московскій
слушалъ съ благоговѣніемъ и разсуждалъ
такъ[336]: «Войско и Бояре поддалися безъ
«сомнѣнія не ложному Димитрію. Онъ при-
«ближается къ Москвѣ: съ кѣмъ стоять
«намъ противъ его силы? съ горстію ли
«бѣглецовъ Кромскихъ? съ нашими ли спар-
«цами, женами и младенцами? и за кого? за
«ненавистныхъ Годуновыхъ, похитителей
«Державной власти? Для ихъ спасенія пре-
«дадимъ ли Москву пламени и разоренію?
«Но не спасемъ ни ихъ, ни себя сопроти-
«вленіемъ безполезнымъ. Слѣдственно не о
«чемъ думать: должно прибѣгнуть къ мило-
«сердію Димитрія!»

И въ то время, когда сіе беззаконное Вѣче располагало Царствомъ, главные совѣтники Престола препепали въ Кремлѣ отъ ужаса. Патріархъ молилъ Бояръ дѣйствовать, а самъ, въ смятеніи духа не мыслилъ явиться на лобномъ мѣстѣ въ ризахъ

Святительскихъ, съ крестомъ въ десницѣ, съ благословеніемъ для вѣрныхъ, съ клятвою для измѣнниковъ: онъ только плакалъ[337]! Знатнѣйшіе Бояре, Мстиславскій и Василій Шуйскій, Бѣльскій и другіе Думные Совѣтники вышли изъ Кремля къ гражданамъ, сказали имъ нѣсколько словъ въ увѣщаніе, и хотѣли схватить гонцевъ Лжедимитріевыхъ: народъ не далъ ихъ и завопилъ: «Время Го-«дуновыхъ миновалось! мы были съ ними во «тьмѣ кромѣшней: солнце восходитъ для «Россіи! Да здравствуетъ Царь Димитрій! «Клятва Борисовой памяти! Гибель племе-«ни Годуновыхъ!« Съ симъ воплемъ толпы ринулись въ Кремль. Стража и тѣлохранители исчезли вмѣстѣ съ подданными для Ѳеодора: дѣйствовали одни буйные мятежники; вломились во дворецъ, и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юнаго Царя съ престола[338], гдѣ онъ искалъ безопасности! Мать злосчастная упала къ ногамъ неистовыхъ и слезно молила не о царствѣ, а только о жизни милаго сына! Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Ѳеодора, его мать и сестру изъ дворца въ Кремлевскій собственный домъ Борисовъ, и тамъ приставили къ нимъ стражу; всѣхъ родственниковъ Царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, заключили, имѣніе ихъ расхитили, домы сломали; не оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ иноземныхъ

Г. 1605.

Сведеніе Ѳеодора съ престола.

г. Медиковъ, любимцевъ Борисовыхъ; хотѣли
1605. грабить и погреба казенные, но удержались, когда Бѣльскій напомнилъ имъ, что все казенное уже есть Димитріево[339]. Сей пѣстунъ меньшаго Іоаннова сына[340] явился тогда вдругъ главнымъ совѣтникомъ народа, какъ злѣйшій врагъ Годуновыхъ, и вмѣстѣ съ другими Боярами малодушными или коварными спарался утишить мятежъ именемъ Царя новаго. Всѣ дали присягу Димитрію, и (3 Іюня) Вельможи, Князья Иванъ Михайловичь Воротынскій, Андрей Телятевскій, Петръ Шереметевъ, Думный Дьякъ Власьевъ, и другіе знатнѣйшіе чиновники, Дворяне, граждане выѣхали изъ столицы *съ повинною* къ Самозванцу въ Тулу[341]. Уже вѣстникъ Плещеева и Пушкина предупредилъ ихъ; уже Разстрига зналъ все, что сдѣлалось въ Москвѣ, и еще не былъ спокоенъ; послалъ туда Князя Василья Голицына, Мосальскаго и Дьяка Сутупова[342] съ тайнымъ наказомъ, а Петра Басманова съ воинскою дружиною, чтобы мерзостнымъ злодѣйствомъ увѣнчать торжество беззакоія.

Присяга Лжедимитрію.

Сіи достойные слуги Лжедимитріевы, приняпые въ Москвѣ какъ полновластные исполнители Царской воли, начали дѣло свое съ Патріарха. Слабодушнымъ участіемъ въ [illegible]ахъ Борисовыхъ лишивъ себя довѣренности народной, не имѣвъ мужества умереть за истину и за Ѳеодора, онѣмѣвъ отъ страха, и даже, какъ увѣряютъ, вмѣстѣ

съ другими Святишелями *бивъ челомъ* Са- г.
мозванцу[343], надѣялся ли Іовъ снискапь въ 1605.
немъ срамную милосшь? Но Лжедимишрій
не вѣрилъ его безспыдспву; не вѣрилъ, чшо-
бы онъ могъ съ видомъ благоговѣнія возло-
жишь Царскій вѣнецъ на своего бѣглаго
Діакона — и для шого Послы Самозванцевы
объявили народу Московскому, чшо рабъ Го-
дуновыхъ не долженъ оспашься Первосвя-
шишелемъ. Свергнувъ Царя, народъ во дни Запо-
безззаконія не усомнился свергнушь и Папріар- чение
ха[344]. Іовъ совершалъ Лишургію въ храмѣ Пат-
Успенія: вдругъ мяшежники неисповые, воо- ріарха
руженные коньями и дреколіемъ, вбѣгаюшъ и Го-
въ церковь; не слушаюшъ Божесшвеннаго дуно-
пѣнія; спремяшся въ Олшарь, хвашаюшъ и выхъ.
влекушъ Папріарха; рвушъ съ него одежду
Свяшишельскую . . . Тушъ несчасшный Іовъ
изъявилъ и смиреніе и швердосшь: снявъ съ
себя панагію и положивъ ее къ образу Вла-
димірской Богомашери, сказалъ громогласно:
«Здѣсь, предъ сею Свяшою иконою, я былъ
«удосшоенъ сана Архіерейскаго, и 19 лѣшъ
«хранилъ цѣлосшь вѣры: нынѣ вижу бѣд-
«спвіе Церкви, шоржесшво обмана и ереси.
«Машерь Божія! спаси Православіе!» Его о-
дѣли въ черную ризу, *шаскали*, *позорили* въ
храмѣ, на площади, и вывезли въ пелегѣ
изъ города, чшобы заключишь въ монасшы-
рѣ Сшарицкомъ. — Удаливъ важнѣйшаго
Свидѣшеля испины, пропивнаго Самозванцу,
рѣшили судьбу Годуновыхъ, Сабуровыхъ и

Г. 1605 Вельяминовыхъ[345]: опправили ихъ скованныхъ въ темницы городовъ дальнихъ, Низовыхъ и Сибирскихъ (ненавистнаго Семена Годунова задавили въ Переяславлѣ). Немедленно рѣшили и судьбу Державнаго семейства.

Царе-убійство. Юный Ѳеодоръ, Марія и Ксенія, сидя подъ стражею въ томъ домѣ, откуда властолюбіе Борисово извлекло ихъ на ѳеатръ гибельнаго величія, угадывали свой жребій. Народъ еще уважилъ въ нихъ святость Царскаго сана, — можетъ быть, и святость непорочности; можетъ быть, въ самомъ неисповѣди была желалъ, чтобы мнимый Димитрій оказалъ великодушіе, и взявъ себѣ корону, оставилъ жизнь несчастнымъ хотя въ уединеніи какого нибудь монастыря пустыннаго. Но великодушіе въ семъ случаѣ казалось Разстригѣ несогласнымъ съ Политикою: чѣмъ болѣе достоинствъ личныхъ имѣлъ свергенный законный Царь, тѣмъ болѣе онъ могъ страшить Лжецаря, воавоцимаго на престолъ злодѣйствомъ нѣкоторыхъ и заблужденіемъ многихъ; успѣхъ измѣны всегда готовитъ другую — и никакая пустыня не скрыла бы Державнаго юношу отъ умиленія Россіянъ. Такъ, вѣроятно, думалъ и Басмановъ; однакожъ не хотѣлъ явно участвовать въ дѣлѣ ужасномъ: зло и добро имѣютъ степени! Другіе были смѣлѣе: Князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шереѳединовъ[346], взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ Стрѣльцевъ,

10 Іюня пришли въ домъ Борисовъ: увидѣли Ѳеодора и Ксенію сидящихъ спокойно подлѣ матери, въ ожиданіи воли Божіей; вырвали нѣжныхъ дѣтей изъ объятій Царицы, развели ихъ по особымъ комнатамъ, и велѣли Стрѣльцамъ дѣйствовать[347]: они въ ту же минуту удавили Царицу Марію; но юный Ѳеодоръ, надѣленный отъ природы силою необыкновенною, долго боролся съ четырмя убійцами, которые едва могли одолѣть и задушить его[348]. Ксенія была несчастнѣе матери и брата: осталась жива: гнусный сластолюбецъ Разстрига слышалъ объ ея прелестяхъ, и велѣлъ Князю Мосальскому взять ее къ себѣ въ домъ. Москвѣ объявили, что Ѳеодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ; но трупы ихъ, дерзостно выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія[349]. Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жертвы, супруга и сынъ властолюбца, который обожалъ — и погубилъ ихъ, давъ имъ пресполъ на ужасъ и на смерть люпѣйшую! «Святая кровь Димитріева,» говорятъ Лѣтописцы, «требовала крови чистой, и невинные пали за виновнаго, да страшатся преступники и за своихъ ближнихъ!» Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, которая, бывъ дочерью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоанновыхъ и женою святоубійцы, жила единствен- г. 1605.

Г. но благодѣяніями, и коей Борисъ не смѣлъ
1605. никогда опкрывапь своихъ злыхъ намѣреній[350]; еще болѣе жалѣли о Θеодорѣ, копорый цвѣлъ добродѣпелію и надеждою: сполько имѣлъ, и сполько обѣщалъ прекраснаго, для счаспія Россіи, если бы оно угодно было Провидѣнію! — Нарушили и спокойспвіе могилъ: выкопали пѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви Св. Михаила въ дѣвичій монаспырь Св. Варсонофія на Срѣпенкѣ[351], и погребли памъ уединенно, вмѣспѣ съ пѣлами Θеодора и Маріи!

Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею Димипрія испиннаго, и началася новая надъ Россіею подъ скиппромъ ложнаго!

ГЛАВА IV.

Царствованіе Лжедимитрія.

Г. 1605 — 1606.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренноспь Разсприги къ Нѣмцамъ. Вспупленіе въ сполицу. Пиръ. Милоспи. Филарепъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ перенесены

въ Москву. Благодѣянія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генрику IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святишелей. Въѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пиры. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры Государственные. Замышляемыя потѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго къ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

Нелѣпою дерзостію и неслыханнымъ счастіемъ достигнувъ цѣли — какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу — сдѣлавъ, чему нѣтъ при- г. 1605.

Г. мѣра въ Исторіи: изъ бѣглаго Монаха, Коза-
1605. ка-разбойника и слуги Пана Липовскаго въ
при года спавъ Царемъ великой Державы,
Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокой-
нымъ, нсудивленнымъ среди блеска и вели-
чія, которые окружали его въ сіе время за-
блужденія, срама и безстыдства. Тула имѣла
видъ шумной столицы, исполненной торже-
ства и ликованія: тамъ собралося болѣе ста
тысячь людей воинскихъ и чиновныхъ[352],
множество купцевъ и народа изъ всѣхъ ближ-
нихъ городовъ и селеній. Въ слѣдъ за Князья-
ми Воротынскими и Теляпевскимъ, избран-
ными быть челомъ Разстригѣ отъ имени
Москвы, спѣшили туда и знатнѣйшіе Дум-
ные мужи: Мстиславскій, Шуйскіе и другіе,
чтобы достойно вкусить плодъ своего ма-
лодушія: презрѣніе отъ того, кому они всѣмъ
жертвовали, кромѣ сана и богатства, без-
честнаго въ такихъ обстоятельствахъ. Вмѣ-
стѣ съ ними были въ Тульскомъ дворцѣ у
Лжедимитрія Козаки, новыс Донскіе выход-
цы (Смага Черпенскій съ товарищами): онъ
далъ руку имъ первымъ и съ ласкою; а Бо-
ярамъ уже послѣ, и съ гнѣвомъ за ихъ дол-
говременную строптивость. Пишутъ, что
подлые Козаки въ присутствіи Самозванца,
нагло ругали сихъ Вельможъ уничиженныхъ,
особенно Князя Андрея Теляпевскаго, долѣе
другихъ вѣрнаго закону[353]. Вельможи пред-
ставили Лжедимитрію печать государствен-
ную, ключи отъ казны Кремлевской, одежды,

доспѣхи Царскіе и сонмъ царедворцевъ для услугъ его. Уже началося Державспиво Разсприги, копорый, по внушенію ли собспвеннаго ума или совѣтниковъ, немедленно занялся правипельспвомъ, дѣйспвуя свободно, рѣшипельно, какъ бы человѣкъ рожденный на препполѣ, и съ навыкомъ власпи: 11 Іюня, еще не имѣвъ вѣспи о Ѳеодоровомъ убіеніи, писалъ во всѣ города, и въ самую дальную Сибирь, чпо онъ, укрытый *невидимою* силою опъ злодѣя Бориса, и дозрѣвъ до мужеспва, правомъ наслѣдія сѣлъ на Государспвѣ Московскомъ; чпо Духовенспво, Синклипъ, всѣ Чины и народъ цѣловали ему крепъ съ усердіемъ; чпо Воеводы городскіе должны немедленно взяпь со всѣхъ людей пакую же присягу на имя Царицы-маперн, Инокини Марѳы Ѳеодоровны, и его, Царя Димипрія, съ обязапельспвомъ служипь имъ вѣрно и *не давать отравы*, не сносишься ни съ женою, ни съ сыномъ Борисовымъ *Ѳедькою*, и ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ; не мспишь ни кому, не убивапь ни кого безъ указа Государева, жипь въ пишинѣ и мирѣ, а на службѣ *прямить* и мужеспвовапь неизмѣнно[354]. Уже Самозванецъ занимался и дѣлами внѣшними: велѣлъ догнапь Посла Англійскаго, Смипа, еще не выѣхавшаго изъ Россіи; взяпь у него Борисовы письма къ Королю, и сказапь ему, чпо новый Царь, въ знакъ особеннаго друженспва къ Англіи, даспъ ея купцамъ новыя

1605 г.

Указы Лжедимипріевы.

Посолъ Англійскій.

выгоды въ торговлѣ, и немедленно послѣ своего вѣнчанія отправитъ изъ Москвы знатнаго сановника въ Лондонъ, слѣдуя Европейскому обычаю и движенію истинной любви къ Іакову[355].

Г 1605.

Шествіе къ Москвѣ.

Узнавъ, что воля его исполнилась: Патріархъ сверженъ, Ѳеодоръ и Марія въ могилѣ, ихъ ближніе изгнаны, Москва спокойна и съ нетерпѣніемъ ждетъ воскреснаго Димитрія, — Самозванецъ выступилъ изъ Тулы, и 16 Іюня расположился станомъ на лугахъ Москвы-рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ всѣ чиновники и знатнѣйшіе граждане поднесли ему хлѣбъ-соль, златые кубки и соболей, а Бояре великолѣпнѣйшую утварь Царскую, и говорили съ видомъ единодушнаго усердія: «Иди и владѣй достояніемъ твоихъ «предковъ. Святые храмы, Москва и чер«тоги Іоанновы ожидаютъ тебя. Уже «нѣтъ злодѣевъ: земля поглотила ихъ. «Наспало время мира, любви и веселія» [356]. Лжедимитрій отвѣтствовалъ, что забываетъ вины дѣтей, и будетъ не грознымъ Владыкою, а ласковымъ отцемъ Россіи. Тутъ же явились и Нѣмцы съ челобитною: бывъ до конца вѣрными Борису, оказавъ мужество въ двухъ битвахъ, не хотѣвъ участвовать и въ измѣнѣ Воеводъ подъ Кромами, они молили Самозванца не вмѣнять имъ дѣла добросовѣстнаго въ преступленіе, и писали: «мы честно

«исполнили долгъ присяги, и какъ служи- Г.
«ли Борису, такъ готовы служить и пе- 1605.
«бѣ, уже Царю законному.» Лжедимитрій
принялъ ихъ начальниковъ весьма милостиво, и сказалъ: «будьте для меня то же,
«что вы были для Годунова: я вѣрю вамъ Довѣ-
«болѣе, нежели своимъ Русскимъ»[557]! Онъ ренность
хотѣлъ видѣть Нѣмецкаго чиновника, дер- къ
жавшаго знамя въ Добрынской битвѣ, и Нѣм-
положивъ ему руку на грудь, славилъ его цамъ.
неустрашимость: чего не могли слушать
Россіяне съ удовольствіемъ; но они должны
были изъявлять радость!

20 Іюня, въ прекрасный лѣтній день, Вступ-
Самозванецъ вступилъ въ Москву, порже- леніе
ственно и пышно. Впереди Поляки[558], ли- въ
таврщики, трубачи, дружина всадниковъ столи-
съ копьями, пищальники; колесницы зало- цу.
женныя шестернями и верховыя лошади
Царскія, богато украшенныя; далѣе бара-
банщики и полки Россіянъ, Духовенство
съ крестами[559] и Лжедимитрій на бѣломъ
конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестя-
щемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червон-
ныхъ: вокругъ его 60 Бояръ и Князей; за
ними дружина Литовская, Нѣмцы, Козаки
и Стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола
Московскіе. Улицы были наполнены безчи-
сленнымъ множествомъ людей; кровли до-
мовъ и церквей, башни и стѣны также
усыпаны зрителями. Видя Лжедимитрія, на-
родъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: «Здрав-

Г. «спвуй опецъ нашъ, Государь и Великій
1605. «Князь Димитрій Іоанновичь, спасенный «Богомъ для нашего благоденспвія! Сіяй и «красуйся, о солнце Россіи!» Лжедимитрій всѣхъ громко привѣтспствовалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ вспать и молиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣрилъ Москвитянамъ: ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ: все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедимитрій чрезъ Живой мостъ и ворота Москворѣцкія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь: всадники едва могли усидѣть на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и заслѣпила имъ глаза, такъ, что Царское шествіе остановилось[360]. Сей случай естественный поразилъ воиновъ и гражданъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу: «Спаси насъ, Господи, отъ «бѣды! Это худое предзнаменованіе для «Россіи и Димитрія!» Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ: когда Разстрига, встрѣченный Святителями и всѣмъ Клиромъ Московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, Литовскіе музыканты играли на трубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна[361]. Увидѣли и другую непристойность. Вступивъ за Духовенствомъ въ Кремль и въ Соборную

церковь Успенія, Лжедимитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ, Ляховъ, Венгровъ: чего никогда не бывало, и что казалось народу осквернені́емъ храма[562]. Такъ Разстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ сполицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ святынѣ! . . . Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ съ видомъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: «О ро- «дитель любезный! ты оставилъ меня въ «сиротствѣ и гоненіи; но святыми пво- «ими молитвами я цѣлъ и державствую!» Сіе искусное лицедѣйствіе было не безполезно: народъ плакалъ и говорилъ: «по «истинный Димитрій!» Наконецъ Разстрига въ черногахъ Іоанновыхъ сѣлъ на пресполъ Государей Московскихъ. 1605 г.

Въ сей часъ многіе Вельможи вышли изъ дворца на Красную площадь, къ народу, и съ ними Богданъ Бѣльскій, который спалъ на Лобное мѣсто, снялъ съ груди своей образъ Св. Николая, поцѣловалъ его и клялся Московскимъ гражданамъ, что новый Государь есть дѣйствительно сынъ Іоанновъ, сохраненный и данный имъ Николаемъ Чудотворцемъ[565]; убѣждалъ Россіянъ любить того, кто возлюбленъ Богомъ, и служитъ ему вѣрно. Народъ отвѣтствовалъ единогласно: «многія лѣта «Государю нашему Димитрію! Да погиб- «нутъ враги его!» — Торжество казалось

Г. 1605. искреннимъ, общимъ. Самозванецъ съ Вельможами и Духовенствомъ пировалъ во дворцѣ, граждане на площадяхъ и дома; пили и веселились до глубокой ночи. «Но плачь былъ не далеко отъ радости,» говоритъ Лѣтописецъ, «и вино лилось въ Москвѣ предъ кровію»[364].

Пиръ.

Милости. Объявили милости: Лжедимитрій возвратилъ свободу, чины и достояніе не только Нагимъ, мнимымъ своимъ родственникамъ, но и всѣмъ опальнымъ Борисова времени: сострадальца Михайла Нагаго[365] пожаловалъ въ санъ *Великаго* Конюшаго; брата его и трехъ племянниковъ, Ивана Никитича Романова, двухъ Шереметевыхъ, двухъ Князей Голицыныхъ, Долгорукаго, Тапева, Куракина и Кашина въ Бояре; многихъ въ Окольничіе, и между ими знаменитаго Василья Щелкалова, удаленнаго отъ дѣлъ Борисомъ; Князя Василья Голицына назвалъ *Великимъ* Дворецкимъ, Бѣльскаго *Великимъ* Оружничимъ, Князя Михайла Скопина-Шуйскаго *Великимъ Мечникомъ*, Князя Лыкова-Оболенскаго *Великимъ* Крайчимъ, Пушкина *Великимъ* Сокольничимъ, Дьяка Сутупова *Великимъ Секретаремъ* и Печатникомъ, а Власьева также *Секретарем Великимъ* и *Надворнымъ Подскарбіемъ* или Казначеемъ, — по есть, кромѣ новыхъ чиновъ, первый ввелъ въ Россіи наименованія иноязычныя, заимствованныя отъ Ляховъ. Лжедимитрій вызвалъ и невольнаго

опальнаго Инока Филарета изъ Сійской пу-
спыни, чтобы дать ему санъ Митрополи-
та Ростовскаго[366]: сей добродѣтельный
мужъ, нѣкогда главный изъ Вельможъ и
ближнихъ Царскихъ, имѣлъ наконецъ сла-
достное утѣшеніе видѣть тѣхъ, о коихъ
и въ жизни отшельника тосковало его
сердце: бывшую супругу свою и сына. Съ
того времени Инокиня Марѳа и юный Ми-
хаилъ, отданный ей на воспитаніе, жили
въ Епархіи Филаретовой, близъ Костромы,
въ монастырѣ Св. Ипатія, гдѣ все напо-
минало непрочную знаменитость и рази-
тельное паденіе ихъ личныхъ злодѣевъ:
ибо сей монастырь въ XIV вѣкѣ былъ ос-
нованъ предкомъ Годуновыхъ, Мурзою Че-
томъ, и богато украшенъ ими. — Стран-
ное пугалище воображенія Борисова, мни-
мый Царь и Великій Князь Іоаннова време-
ни, Симеонъ Бекбулатовичь, ослѣпленный,
какъ увѣряютъ[367], и сосланный Годуно-
вымъ, также удостоился Лжедимитріева
благоволенія, въ память Іоанну: ему велѣ-
ли быть ко Двору, оказали великую честь
и дозволили снова именоваться Царемъ[368].
Сняли опалу съ родственниковъ Борисо-
выхъ и дали имъ мѣста Воеводъ въ Сиби-
ри и въ другихъ областяхъ дальнихъ. Не
забыли и мертвыхъ: тѣла Нагихъ и Рома-
новыхъ, усопшихъ въ бѣдствіи, вынули изъ
могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву

г.
1605. Филаретъ и юный Михаилъ.

Царь Симеонъ. Годуновы.

Гробы Нагихъ и Романовыхъ перевезены въ Москву.

Г. 1605 и схоронили съ честію, память, гдѣ лежали ихъ предки и ближніе[369].

Благодѣянія

Угодивъ всей Россіи милостями къ невиннымъ жертвамъ Борисова тиранства, Лжедимитрій старался угодить ей и благодѣяніями общими: удвоилъ жалованье сановникамъ и войску[370]; велѣлъ заплатить всѣ долги казенные Іоаннова царствованія, отмѣнилъ многія торговыя и судныя пошлины; строго запретилъ всякое мздоимство и наказалъ многихъ судей безсовѣстныхъ; обнародовалъ, что въ каждую Среду и Субботу будетъ самъ принимать челобитныя отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ. Онъ издалъ также достопамятный законъ о крестьянахъ и холопяхъ: указалъ всѣхъ бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли во время голода, бывшаго въ Борисово царствованіе, не имѣвъ нужнаго пропитанія; объявилъ свободными слугъ, лишенныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпостей, внесенныхъ въ государственныя книги[371]. Чтобы оказать довѣренность къ подданнымъ, Лжедимитрій отпустилъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей[372] и всѣхъ Ляховъ, давъ каждому изъ нихъ въ награду за вѣрную службу по сороку злотыхъ, деньгами и мѣхами, но тѣмъ не удовлетворивъ ихъ корыстолюбію: они хотѣли болѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жаловались и пировали!

Плѣненный обычаями той земли, гдѣ началася его жизнь пышная, и гдѣ все казалось ему блестящимъ, превосходнымъ въ сравненіи съ Россіею, Лжедимитрій не удовольствовался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій; онъ спѣшилъ, въ духѣ сего подражанія, измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ Патріарха (что въ важныхъ случаяхъ и дополѣ бывало), четыремъ Митрополитамъ, семи Архіепископамъ и тремъ Епископамъ[373], надѣясь, можетъ быть, обольстить тѣмъ мірское честолюбіе Духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу Королевства Польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ *Сенаторами*, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно тамъ присутствовалъ, слушалъ и рѣшалъ дѣла, какъ увѣряютъ, съ необыкновенною легкостію[374]. Пишутъ, что онъ, имѣя даръ краснословія, блиставалъ имъ въ Совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ уподобленія, часто ссылался на Исторію, и разсказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, то есть, въ Литвѣ и въ Польшѣ; изъявлялъ особенное уваженіе къ Королю Французскому, Генрику IV[375]; хвалился, подобно Борису, милосердіемъ, кротостію, великодушіемъ, и милердилъ людямъ ближнимъ: «я могу двумя способами удержаться на престолѣ: «милосердіемъ и милостію; хочу испы-

1605. г.

Преобразованіе Думы.

Любовь Самозванца къ Генрику IV.

Г. 1605. Милосердіе.

«папь милоспь и вѣрно исполнипь обѣпъ, «данный мною Богу: не проливапь кро-«ви[376].» Такъ говорилъ убійца непорочнаго Ѳеодора и благодѣтельной Маріи!.. Разспригу славили: Московскій Благовѣщенскій Пропоіерей, Теренпій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнценосцу доблему, *носящему на языкѣ милость*, а Папріархъ Іерусалимскій униженною грамопою извѣспилъ его, чпо вся Палеспина ликуепъ о спасеніи Іоаннова сына, предвидя въ немъ будущаго своего избавипеля, и чпо при лампады денно и нощно пылаюпъ надъ гробомъ Христовымъ во имя Царя Димипрія[377].

Похвальное слово Разстригѣ.

Ближніе люди Самозванца совѣповали ему, для упвержденія своей власпи, немедленно вѣнчапься на Царспво: ибо многіе думали, чпо и злосчаспный Ѳеодоръ не споль легко сдѣлался бы жерпвою измѣны, если бы успѣлъ освяпипь себя въ глазахъ народа саномъ Помазанника. Сей обрядъ поржеспвенный надлежало совершипь Папріарху: не довѣряя Россійскому Духовенспву, Лжедимипрій на мѣспо сверженнаго Іова выбралъ чужеземца, Грека Игнапія, Архіепископа Кинрскаго, который, бывъ изгнанъ изъ опечеспва Турками, жилъ нѣсколько времени въ Римѣ, пріѣхалъ къ намъ въ царспвованіе Ѳеодора Іоанновича, угодилъ Борису, и съ 1603 года правилъ Епархіею Рязанскою. Онъ сни-

Избраніе новаго Патріарха.

скалъ милосптъ Самозванца, вспрѣпшивъ его еще въ Тулѣ; не имѣлъ ни чиспой Вѣры, ни любви къ Россіи, ни спыда нравспвенна го[378], и казался ему надежнѣйшимъ орудіемъ для всѣхъ замышляемыхъ имъ соблазновъ. Наспѣхъ поспавили Игнапія въ Папріархи, и наспѣхъ гоповились къ Царскому вѣнчанію; а Лжедимипрій гоповилъ между пѣмъ иное поржеспвенное явленіе, необходимое для полнаго удосповѣренія и Москвы и Россіи, чпо вѣнецъ Мономаховъ возлагаепся на главу Іоаннова сына. Г. 1605.

Войско, Синклипъ, всѣ Чины государспвенные признали обманщика Димипріемъ, всѣ, кромѣ маперн, копорой свидѣпельспво было споль важно и естеспвенно, чпо народъ безъ сомнѣнія ожидалъ его съ неперпѣніемъ. Уже Самозванецъ около мѣсяца власпвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ Царицы-Инокини, хотя она жила полько въ пяпи спахъ верспахъ оппуда[379]: ибо Лжедимипрій не могъ быпь увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, споль пропивный свяпому званію Инокини и маперинскому сердцу. Тайныя сношенія пребовали времени: съ одной спороны предспавили ей жизнь Царскую, а съ другой муки и смерпь; въ случаѣ упрямспва, спрашнаго для обманщика, могли задушипь несчасшную — сказапь, чпо она умерла опъ болѣзни или радоспи, и великолѣпными похоронами мнимой Государевой маперн у-

Г. 1605. спокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не спарая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, Двора и пышности; 13 лѣтъ плакала въ уничженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ[380] — и не усомнилась въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій уже гласно послалъ къ ней въ Выксинскую пустыню Великаго Мечника, Князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго[381], и другихъ людей знатныхъ съ убѣдительнымъ челобитьемъ нѣжнаго сына благословить его на Царство — и самъ, 18 Іюля[382], выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ Тайнинскомъ. — Дворъ и народъ были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ искренности и природы. Близъ дороги разставили богатый шатеръ, куда ввели Царицу, и гдѣ Лжедимитрій говорилъ съ нею наединѣ[383] — не знали, о чемъ; но увидѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вышли изъ шатра, изъявляя радость и любовь; нѣжно обнимали другъ друга и произвели въ сердцахъ многихъ зрителей восторгъ умиленія. Добродушный народъ обливался слезами, видя ихъ въ глазахъ Царицы, которая могла плакать и нелицемѣрно, воспоминая объ истинномъ Димитріи, и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, предъ совѣстію и Россіею! Лжедимитрій посадилъ Марѳу въ великолѣпную колесницу; а самъ съ открытою

Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини.

головою шелъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, окруженный всѣми Боярами; наконецъ сѣлъ на коня, ускакалъ впередъ и принялъ Царицу въ Іоанновыхъ палатахъ, гдѣ она жила до того времени, какъ изготовили ей прекрасныя комнаты въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ съ особенною Царскою услугою. Тамъ Самозванецъ, въ лицѣ почтительнаго и нѣжнаго сына, ежедневно видѣлся съ нею; былъ доволенъ искуснымъ ея притворствомъ, но удалялъ отъ нее всѣхъ людей сомнительныхъ, чтобы она не имѣла случая измѣнить ему въ важной тайнѣ, отъ нескромности или раскаянія[384]. Г. 1605.

21 Іюля совершилось вѣнчаніе съ извѣстными обрядами[385]; но Россіяне изумились, когда, послѣ сего священнаго дѣйствія, выступилъ Іезуитъ Николай Черниковскій, чтобы привѣтствовать нововѣнчаннаго Монарха исповѣдною для нихъ рѣчью на языкѣ Латинскомъ[386]. Какъ обыкновенно, все знатнѣйшее Духовенство, Вельможи и чиновники пировали въ сей день у Царя, силясь напереръ оказывать ему усердіе и радость — но уже многіе лицемѣрно, ибо общее заблужденіе не продолжилось! Вѣнчаніе.

Первымъ врагомъ Лжедимитрія былъ самъ онъ, легкомысленный и вспыльчивый отъ природы, грубый отъ худаго воспитанія, — надменный, безразсудный и неосторожный отъ счастія. Удивляя Бояръ остротою и живостію ума въ дѣлахъ го- Безразсудность Лжедимитрія.

Г. 1605. сударственныхъ, Державный прошлецъ часто забывался: оскорблялъ ихъ своими насмѣшками, упрекалъ невѣжествомъ, дразнилъ хвалою иноземцевъ, и твердилъ, что Россіяне должны быть ихъ учениками, ѣздить въ чужія земли, видѣть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей[387]. Польша не сходила у него съ языка. Онъ распустилъ своихъ иностранныхъ телохранителей, но исключительно ласкалъ Поляковъ; только имъ давалъ всегда свободный къ себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ ближними; взялъ даже въ Тайные Царскіе Секретари двухъ Ляховъ Бучинскихъ[388]. Россійскіе Вельможи, измѣнивъ закону и чести, лишились права на уваженіе, но хотѣли его отъ того, кому они пожертвовали закономъ и честію: самолюбіе не безмолвствуетъ и въ стыдѣ и въ молчаніи совѣсти. Только одинъ Россіянинъ отъ начала до конца пользовался довѣренностію и дружбою Самозванца: всѣхъ виновнѣйшій Басмановъ; но и сей несчастный ошибся: видѣлъ себя единственно любимцемъ, а не руководителемъ Лжедимитрія, который не для того искалъ престола, чтобы сидѣть на немъ всегдашнимъ ученикомъ Басманова: иногда спрашивался, иногда слушалъ его, но чаще дѣйствовалъ вопреки наставнику, по собственному уму или бе-

зумію. Грубостію огорчая Бояръ, Самозва- Г.
нецъ допускалъ ихъ однакожь въ разгово- 1605.
рахъ съ нимъ до вольности необыкновенной и несогласной съ мыслями Россіянъ о высокости Царскаго сана, такъ, что Бояре, имъ не уважаемые, и сами уважали его менѣе прежнихъ Государей.

Самозванецъ скоро охладилъ къ себѣ и любовь народную своимъ явнымъ неблагоразумiемъ. Снискавъ нѣкоторыя познанія въ школѣ и въ обхожденіи съ знатными Ляхами, онъ считалъ себя мудрецомъ, смѣялся надъ мнимымъ суевѣріемъ набожныхъ Россіянъ и, къ великому ихъ соблазну, не хотѣлъ креститься предъ иконами; не велѣлъ также благословлять и кропить Святою водою Царской трапезы, садясь за обѣдъ не съ молитвою, а съ музыкою[390]. Не менѣе соблазнялись Россіяне и благоволеніемъ его къ Іезуитамъ, коимъ онъ въ священной оградѣ Кремлевской далъ лучшій домъ и позволилъ служить Латинскую Обѣдню[391]. Спрастный къ обычаямъ иноземнымъ, вѣтреный Лжедимитрій не думалъ слѣдовать Русскимъ: желалъ во всемъ уподобляться Ляху, въ одеждѣ и въ прическѣ, въ походкѣ и въ тѣлодвиженіяхъ[392]; ѣлъ тетяжину, которая считалась у насъ заповѣднымъ, грѣшнымъ яствомъ; не могъ терпѣть бани, и никогда не ложился спать послѣ обѣда (какъ издревле дѣлали всѣ Россіяне опъ Вѣнценосца до мѣщанина), но любилъ въ сіе время

Г. гуляшь: украдкою выходилъ изъ дворца,
1605. одинъ или самдругъ; бѣгалъ изъ мѣспа въ мѣспо, къ художникамъ, золотарямъ, аптекарямъ[393]; а царедворцы, не зная, гдѣ Царь, вездѣ искали его съ безпокойствомъ и спрашивали объ немъ на улицахъ: чему дивились Москвитяне, доволѣ видавъ Государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ шагу толпою знатныхъ сановниковъ. Всѣ забавы и склонности Лжедимитріевы казались странными: онъ любилъ ѣздить верхомъ на дикихъ, бѣшеныхъ жеребцахъ, и собственною рукою, въ присутствіи Двора и народа, бить медвѣдей[394]; самъ испытывалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль съ рѣдкою мѣткостію; самъ училъ воиновъ, строилъ, бралъ приступомъ земляныя крѣпости, кидался въ свалку, и терпѣлъ, что иногда толкали его небережно, сшибали съ ногъ, давили[395] — по есть, хвалился искусствомъ всадника, звѣролова, пушкаря, бойца, забывая достоинство Монарха. Онъ не помнилъ сего достоинства и въ дѣйствіяхъ своего нрава вспыльчиваго: за малѣйшую вину, ошибку, неловкость, выходилъ изъ себя[396] и бивалъ, палкою, знатнѣйшихъ воинскихъ чиновниковъ — а низость въ Государѣ противнѣе самой жестокости для народа. Осуждали еще въ Самозванцѣ непомѣрную расточительность: онъ сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли и

первые государственные люди; любя ро- г.
скошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, 1605.
заказывалъ всякія драгоцѣнныя вещи, и мѣ-
сяца въ три издержалъ болѣе семи милліо-
новъ рублей[397]—а народъ не любитъ распо-
чинательности въ Государяхъ, ибо спрашив-
ся налоговъ. Описывая погдашній блескъ Мо-
сковскаго Двора, иноземцы съ удивленіемъ
говорятъ о Лжедимитріевомъ престолѣ, вы-
литомъ изъ чистаго золота, обвѣшенномъ
кистями алмазными и жемчужными, утвер-
жденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ
и покрытомъ крестообразно четырмя бога-
тыми щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ
и прекрасный орелъ изъ того же металла[398].
Хотя Разстрига ѣздилъ всегда верхомъ, даже
въ церковь, но имѣлъ множество колесницъ
и саней окованныхъ серебромъ, обитыхъ бар-
хатомъ и соболями; на гордыхъ Азіатскихъ
его коняхъ сѣдла, узды, стремена блиста-
ли золотомъ, изумрудами и яхонтами[399];
возницы, конюхи Царскіе одѣвались какъ
Вельможи. Не любя голыхъ стѣнъ въ пала-
тахъ Кремлевскихъ, находя ихъ печальными,
и словомъ деревянный дворецъ Борисовъ какъ
памятникъ ненавистный[400], Самозванецъ по-
строилъ для себя, ближе къ Москвѣ-рѣкѣ,
новый дворецъ, также деревянный[401], укра-
силъ стѣны шелковыми Персидскими тка-
ними, цвѣтныя израсцовыя печи серебряны-
ми рещетками, замки у дверей яркою позо-
лотою, и въ удивленіе Москвитянамъ предъ

Г. 1605. симъ любимымъ своимъ жилищемъ поспавилъ изваянный образъ адскаго спража, мѣднаго огромнаго Цербера, коего при челюспи, опъ легкаго прикосновенія, разверзались и бряцали[402]: «чѣмъ Лжедимипрій,» какъ сказано въ лѣпописи, «предвѣспилъ себѣ жилище въ вѣчноспи: адъ и пьму кромѣшнюю!«

Дѣйспвуя вопреки нашимъ обычаямъ и благоразумію, Лжедимипрій презиралъ и свяпѣйшіе законы нравспвенноспи: не хопѣлъ обуздывапь вожделѣній грубыхъ, и пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ успавы цѣломудрія и приспойноспи, какъ бы съ намѣрѣніемъ уподобиться пѣмъ мнимому своему родипелю; безчеспилъ женъ и дѣвицъ, Дворъ, семейспва и свяпыя Обипели дерзоспію разврапа, и не успыдился дѣла гнуснѣйшаго изъ всѣхъ его преспупленій: убивъ мапь и брапа Ксеніи, взялъ ее себѣ въ наложницы[403]. Красопа сей несчасппой Царевны могла увянупь опъ гореспи; но самое опчаяніе жерпвы, самое злодѣйспво неиспповое казалось прелеспію для изверга, копорый симъ однимъ мерзоспнымъ безспыдспвомъ заслужилъ свою казнь, почпи сопредѣльную съ поржеспвомъ его . . . Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ксенію поспригли, назвали Ольгою и заключили въ пуспынѣ на Бѣлѣозерѣ, близъ монаспыря Кириллова.

Дѣла гнуснѣйшія.

Посприженіе Ксеніи.

Но Самозванецъ подъ личиною Димипрія, вѣроятпио, могъ бы еще долго безумспво-

ванъ и злодѣйспвовапъ въ вѣнцѣ Монома- Г.
ховомъ, если бы сія, какъ бы волшебная 1605.
личина не спала съ него въ глазахъ народа:
сполъ велико было усердіе Россіянъ къ древ-
нему племени Державному! Заблужденіе воз-
высило бродягу, испина долженспвовала
низвергнупъ обманщика. Не одинъ удален-
ный Іовъ зналъ бѣглеца Чудовскаго въ Мо-
сквѣ: надѣялся ли Разсприга казапься другимъ,
человѣкомъ спараясь казапься Полуляхомъ, и
черную ризу Инока перемѣнивъ на Царскую?
или, ослѣпленный счасптіемъ, уже не видалъ
для себя опасноспи, имѣя въ рукахъ своихъ
власпь съ грозою и счипая Россіянъ спа-
домъ овецъ безсловесныхъ? или дерзоспію
мыслилъ уменьшипь сію опасноспь, поко-
лебапь удосповѣреніе, сомкнупь успа роб-
кой испинѣ? Онъ не думалъ скрыванься, и
смѣло смопрѣлъ въ глаза всякому любопыт-
ному на улицахъ; не ходилъ полько въ свя-
пую Обипель Чудовскую, мѣспо непріятп-
ныхъ для него знакомспвъ и воспоминаній.
И пакъ не удивипельно, чпо въ самомъ
началѣ новаго царспвованія, когда Москва
еще гремѣла хвалою Димипрія, уже многіе
люди шеппали между собою о дѣйспви- Ше-
пельномъ сходспвѣ его съ Діакономъ Григо- попъ
ріемъ; хвала умолкала опъ безразсудноспи о Раз-
и худыхъ дѣлъ Царя, а шепопъ спановил- спри-
ся вняпнѣе—и скоро взволновалъ сполицу. гѣ.
Первымъ уличипелемъ и первою жерпвою
былъ Инокъ, копорый сказалъ всенародно,

1605. Обли-ченіе.

Г. что мнимый Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ подъ именемъ Отрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ[404]: Инока тайно умертвили въ темницѣ. Нашелся и другой, опаснѣйшій свидѣтель истины — тотъ, кому Судьба вручала месть праведную, но коего часъ еще не наступилъ: Князь Василій Шуйскій. Въ смятеніи ужаса признавъ бродягу Царемъ, вмѣстѣ съ иными Боярами, онъ менѣе всѣхъ могъ извиняться заблужденіемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Іоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестію и стыдомъ, или имѣя уже дальновидные тайные замыслы властолюбія, Шуйскій не долго безмолвствовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнимъ, друзьямъ, пріятелямъ, что Россія у ногъ обманщика; внушалъ и народу, чрезъ своихъ повѣренныхъ, купца Ѳедора Конева и другихъ, что Годуновъ и Святитель Іовъ объявляли совершенную правду о Самозванцѣ, еретикѣ, орудіи Ляховъ и Папистовъ[405]. Еще Лжедимитрій имѣлъ многихъ ревностныхъ слугъ: Басмановъ узналъ, и донесъ ему о семъ ковѣ, опасномъ знатностію виновника. Взяли Шуйскаго съ братьями подъ стражу и велѣли судить, какъ доселѣ еще никого ни судили въ Россіи: Соборомъ, избранными людьми всѣхъ чиновъ и званій. Летописецъ увѣряетъ, что Князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя Героемъ: не отрицался; смѣло,

Шуйскій.

великодушно говорилъ истину, къ искренне- Г.
му и лицемѣрному ужасу судей, которые 1605.
хотѣли заглушить ее воплемъ, проклиная
такія хулы на Вѣнценосца. Шуйскаго пы-
тали: онъ молчалъ; не назвалъ никого изъ
соумышленниковъ, и былъ одинъ приговоренъ
къ смертной казни: братьевъ его лишали
только свободы. Въ глубокой тишинѣ на-
родъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста[406],
гдѣ стоялъ осужденный Боярин (какъ бы-
вало въ Іоанново время!) подлѣ сѣкиры и пла-
хи, между дружинами воиновъ, Стрѣльцевъ
и Козаковъ; на стѣнахъ и башняхъ Крем-
левскихъ также блистало оружіе, для успо-
коенія Москвитянъ, и Петръ Басмановъ,
держа бумагу, читалъ народу отъ имени
Царскаго: «Великій Боярин, Князь Василій
«Ивановичь Шуйскій, измѣнилъ мнѣ, закон-
«ному Государю вашему, Димитрію Іоанно-
«вичу всея Россіи; коварствовалъ, злосло-
«вилъ, ссорилъ меня съ вами, добрыми под-
«даными: называлъ Лжецаремъ; хотѣлъ свер-
«гнуть съ престола. Для того осужденъ
«на казнь: да умретъ за измѣну и вѣролом-
«ство!» Народъ безмолвствовалъ въ горести
издавна любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы,
когда несчастный Князь Василій, уже обна-
жаемый палачемъ, громко воскликнулъ къ
зрителямъ: «братья! умираю за истину, за
«Вѣру Христіанскую и за васъ»[407]! Уже го-
лова осужденнаго лежала на плахѣ... Вдругъ
слышатъ крикъ: *стой*! и видятъ Царскаго

Г. чиновника, скачущаго изъ Кремля къ Лобно-
1605. му мѣспу, съ Указомъ въ рукѣ: объявляюпъ помилованіе Шуйскому! Тупъ вся площадь закипѣла въ неописанномъ движеніи радоспи: славили Царя, какъ въ первый день его поржесптвеннаго вспупленія въ Москву; радовались и вѣрные приверженники Самозванца, думая, чпо пакое милосердіе даепъ ему новое право на любовь общую; негодовали полько дальновиднѣйшіе изъ нихъ, и не ошиблись [408]: могъ ли забыпь Шуйскій пыпки и плаху? Узнали, чпо не вѣпренный Лжедимипрій вздумалъ пронупь сердца симъ неожиданнымъ дѣйспвіемъ великодушія, но чпо Царица-Инокиня слезнымъ моленіемъ убѣдила мнимаго сына не казнипь врага, копорый искалъ головы его[409]! . . Совѣспь, вѣроятно, перзала сію несчастную пособницу обмана: спасая мученика испины, Марѳа надѣялась уменьшипь грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ. Вмѣспѣ съ нею ходапайспвовали за осужденнаго и нѣкопорые Ляхи, видя, сколь живое учасптіе принимали Москвипяне въ судьбѣ его, и желая спискапь пѣмъ ихъ благодарноспь. — Всѣхъ прехъ Шуйскихъ, Князя Василія, Дмипрія, Ивана, сослали въ пригороды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, домы опустошили.

Тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣпельспво многихъ Галичанъ, единоземцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Опрепьева: дяди, брапа и даже мапери, добросовѣспи-

ной вдовы Варвары[410]: они видѣли его, узна- г
ли, и не хотѣли молчать. Ихъ заключили; 1605.
а дядю, Смирнаго-Отрепьева (въ 1604 году
ѣздившаго къ Сигизмунду для уличенія пле-
мянника), сослали въ Сибирь. Схватили еще
Дворянина Петра Тургенева и мѣщанина
Ѳедора, которые явно возмущали народъ
противъ Лжецаря. Самозванецъ велѣлъ каз-
нить обоихъ торжественно, и съ удоволь-
ствіемъ видѣлъ, что народъ, благодарный
ему за помилованіе Шуйскаго, не изъявилъ
чувствительности къ великодушію сихъ
двухъ страдальцевъ: оба шли на смерть
безъ ужаса и раскаянія, громогласно именуя
Лжедимитрія Антихристомъ и любимцемъ
Сатаны[411], жалѣя о Россіи и предсказывая
ей бѣдствіе; чернь ругалась надъ ними, вос-
клицая: «умираете за дѣло!» — Съ сего
времени не умолкали доносы, справедливые
и ложные, какъ въ Борисово царствованіе:
ибо Самозванецъ, доволѣ желавъ хвалишься
милосердіемъ, уже слѣдовалъ инымъ прави-
ламъ: хотѣлъ грозою унять дерзость, и
для того благопріятствовалъ извѣтамъ.
Пытали, казнили, душили въ темницахъ
лишали имѣнія, ссылали за слово о Разстри-
гѣ. По такимъ ли доносамъ, или единствен-
но опасаясь нескромности своихъ старыхъ
пріятелей, Лжедимитрій велѣлъ удалить
многихъ Чудовскихъ Иноковъ въ другія пу-
стынныя Обители, хотя (что достойно за-
мѣчанія) оставилъ въ покоѣ Крутицкаго

Г. 1605. Митрополита Пафнутія[412], который съ перваго взгляда узналъ въ немъ Діакона Григорія, бывъ въ его время Архимандритомъ сего монастыря, но, какъ вѣроятно, лицемѣрнымъ или безсовѣстнымъ изъявленіемъ усердія къ Самозванцу спасъ себя отъ гоненія. Молчали и другіе въ боязни, такъ, что столица казалась тихою. Но Разстрига сдѣлался осторожнѣе, и явно не довѣряя Москвитянамъ, снова окружилъ себя иноплеменниками[413]: выбралъ 300 Нѣмцевъ въ свои тѣлохранители, раздѣлилъ ихъ на три особенныя дружины подъ начальствомъ *Капитановъ*: Француза Маржерета, Ливонца Кнутсена и Шотландца Вандемана; одѣлъ весьма богато, въ камку и бархатъ; вооружилъ алебардами и пропазанами, сѣкирами и бердышами съ золотыми орлами на древкахъ, съ кистями золотыми и серебряными; далъ каждому воину, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей денежнаго жалованья — и съ того времени уже никуда не ѣздилъ и не ходилъ одинъ, всюду провождаемый сими грозными тѣлохранителями, за коими только вдали слѣдовали Бояре и царедворцы[414]. Мѣра доспойная бродяги, игрою Судьбы вознесеннаго на степень Державства: приспа иноземныхъ сѣкиръ и копій должны были спасать его отъ предполагаемой измѣны цѣлаго народа и полумилліона воиновъ, безполезно раздражаемыхъ знаками недовѣрія обиднаго! Между тѣмъ Лжедимитрій хо-

Нѣмцы тѣлохранители.

пѣлъ веселья: музыка, пляска и зернь бы- г.
ли ежедневною забавою Двора. Угождая вку- 1605.
су Царя къ пышности, всѣ знатные и не Пышность и ве-
знатные спарались блистать одеждою бо- селья.
гатою[415]. Всякій день казался праздникомъ.
«Многіе плакали въ домахъ, а на улицахъ
казались веселыми и нарядными женихами»,
говоритъ Лѣтописецъ. Смиренный видъ и
смиренная одежда для людей неубогихъ счи-
тались знакомъ худаго усердія къ Царю ве-
селому и роскошному, который симъ при-
зракомъ благосостоянія желалъ увѣрить
Россію въ ея златомъ вѣкѣ подъ державою
обманщика.

Упишивъ[416], какъ онъ думалъ, Москву
Лжедимитрій спѣшилъ исполнить обѣтъ, Пе-
данный его благодарностію, сердцемъ или сольство
Политикою: предложить руку и вѣнецъ въ Литву
Маринѣ, которая любовію и довѣренностію за не-
къ бродягѣ заслуживала честь сидѣть съ вѣстою.
нимъ на тронѣ. Сношенія между Воеводою
Сендомирскимъ и нареченнымъ его зятемъ
не прерывались: Самозванецъ увѣдомлялъ
Мнишка о всѣхъ своихъ успѣхахъ, называлъ
всегда отцемъ и другомъ; писалъ къ нему
изъ Путивля, Тулы, Москвы; а Воевода пи-
салъ не только къ Самозванцу, но и къ Боя-
рамъ Московскимъ, пребуя ихъ признатель-
ности такими словами: «Способствовавъ
«счастію Димитрія, я готовъ стараться,
«чтобы оно было и счастіемъ Россіи, по-
«буждаемый къ сему мосю всегдашнею къ

Г. «ней любовію, и надеждою на вашу благо-
1605. «дарность, когда вы увидите мое ревност-
«ное о васъ ходатайство предъ Трономъ, и
«будете имѣть новыя выгоды, новыя важ-
«ныя права, неизвѣстныя до нынѣ въ Мос-
«ковскомъ Государствѣ»[417]. Наконецъ (въ Сен-
тябрѣ мѣсяцѣ) Лжедимитрій послалъ Вели-
каго Секретаря и Казначея, Аѳанасія Власье-
ва, въ Краковъ для торжественнаго сва-
товства, давъ ему грамоту къ Сигизмунду
и другую отъ Царицы-Инокини Маѳы къ
отцу невѣстину. Могли ли Россіяне одоб-
рить сей бракъ съ иновѣркою, хотя и знат-
наго, но не Державнаго племени, — съ удо-
вольствіемъ видѣть спесиваго Пана тес-
темъ Царскимъ, ждать къ себѣ толпу его
ближнихъ, не менѣе спесивыхъ, и рабольпно
чтить въ нихъ свойство съ Вѣнценосцемъ,
который избраніемъ чужеземной невѣсты
оказывалъ презрѣніе ко всѣмъ благороднымъ
Россіянкамъ? Самозванецъ, вопреки обычаю,
даже и не извѣстилъ Бояръ о семъ важ-
номъ дѣлѣ[418]: говорилъ, совѣтовался един-
ственно съ Ляхами. Но легкомысленно до-
саждая Россіянамъ, онъ въ тоже время не
вполнѣ удовлетворялъ и желаніямъ своихъ
друзей иноземныхъ.

Никто ревностнѣе Нунція Папскаго,
Неудовольствія. Рангони, не служилъ обманщику: пышною
грамотою привѣтствуя Лжедимитрія на
тронѣ[419], Рангони славилъ Бога и воскли-
калъ: *мы побѣдили*! льстилъ ему хвалами

неумѣренными и надѣялся, что соединеніе г. Церквей будетъ первымъ изъ его дѣлъ без- 1605.
смертныхъ; писалъ: «Изображеніе лица «твоего уже въ рукахъ Св. Отца, испол- «неннаго къ тебѣ любви и дружества. Не «медли изъявить свою благодарность Главѣ «вѣрныхъ. . . и пріими отъ меня дары ду- «ховные: образъ сильнаго Воеводы, Коего «содѣйствіемъ ты побѣдилъ и царствуешь; «четки молитвенныя и Библію Латинскую, «да услаждаешься ея чтеніемъ, и да бу- «дешь вторымъ Давидомъ.» Скоро прибылъ въ Москву и чиновникъ Римскій[420], Графъ Александръ Рангони (племянникъ Нунція) съ *Апостольскимъ благословеніемъ* и съ поздравительною грамотою отъ преемника Клименгова, нетерпѣливаго въ желаніи видѣть себя главою нашей Церкви; но Самозванецъ въ учтивомъ отвѣтѣ, хваляся чудесною къ нему благостію Божіею, испребившею злодѣя, *отцеубійцу* его, не сказалъ ни слова о соединеніи Церквей: говорилъ только о великодушномъ своемъ намѣреніи жить не въ праздности, но вмѣстѣ съ Императоромъ итти на Султана, чтобы стереть Державу невѣрныхъ съ лица земли, убѣждая Павла V не допускать Рудольфа до мира съ Турками: для чего хотѣлъ отправить въ Австрію и собственнаго Посла. Лжедимитрій писалъ и вторично къ Папѣ, обѣщая доставить безопасность его Миссіонаріямъ на пути ихъ чрезъ Россію въ Персію и

Г. *быть вѣрнымъ въ исполненіи даннаго ему*
605 *слова*; посылалъ и самъ Іезуита Андрея Лавицкаго въ Римъ, но, кажется, болѣе для государственнаго, нежели Царскаго дѣла: для переговоровъ о войнѣ Турецкой, которую онъ дѣйствительно замышлялъ, плѣняясь въ воображеніи ея славою и пользою. Надменный счастіемъ, рожденный смѣлымъ и съ любовію къ опасностямъ, Самозванецъ въ круженіи легкой головы своей уже не былъ доволенъ Государствомъ Московскимъ: хотѣлъ завоеваній и Державъ новыхъ[421]! Сія ревность еще сильнѣе воспылала въ немъ отъ донесенія Воеводъ Терскихъ, что ихъ Стрѣльцы и Козаки одержали верхъ въ сшибкѣ съ Турками, и что нѣкоторые данники Султанскіе въ Дагестанѣ присягнули Россіи [422]. Издавна проповѣдуя въ Европѣ необходимость всеобщаго возстанія Державъ Христіанскихъ на Оттоманскую, могъ ли Римъ не одобрить намѣренія Лжедимитрія? Папа славилъ Царя-Героя, совѣтуя ему только начать съ ближайшаго: съ Тавриды, чтобы истребленіемъ гнѣзда злодѣйскаго, столь бѣдоноснаго для Россіи и Польши, *отрѣзать крылья и правую руку* у Султана въ войнѣ съ Императоромъ; однакожь имѣлъ причину не довѣрять ревности Самозванца къ Латинской Церкви, видя, какъ онъ въ письмахъ своихъ избѣгаетъ всякаго *яснаго* слова о Законѣ. Кажется, что Самозванецъ охладѣлъ въ усердіи сдѣлать Россі-

янъ Папистами: ибо, не взирая на свойственную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего нелѣпаго замысла, и едва ли бы рѣшился приступить къ исполненію онаго, если бы и долѣе царствовалъ. Г. 1605.

Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Лжедимитріевъ, Сигизмундъ лукавый, что счастіе и престолъ измѣнили того, кто еще недавно въ восторгѣ лобызалъ его руку, безмолвствовалъ и вздыхалъ предъ нимъ, какъ рабъ униженный[423]. Бывъ непосредственнымъ виновникомъ успѣховъ Самозванца — оказавъ бродягѣ честь сына Царскаго, давъ ему деньги, воиновъ, и тѣмъ склонивъ народъ Сѣверскій вѣрить обману — Сигизмундъ весьма естественно ждалъ благодарности, и чрезъ Секретаря своего, Госѣвскаго, привѣтствуя новаго Царя[424], нескромно требовалъ чтобы Лжедимитрій выдалъ ему Шведскихъ Пословъ, если они будутъ въ Москву отъ *мятежника* Карла. Госѣвскій, бесѣдуя съ Царемъ наединѣ, объявилъ за тайну, что Король встревоженъ молвою удивительною. «Недавно» (говорилъ сей чиновникъ) «выѣхалъ къ намъ изъ Россіи одинъ «Приказный, который увѣряетъ, что Бо- «рисъ живъ: успрашенный твоими побѣда- «ми, и слѣдуя наспавленію волхвовъ, онъ «уступилъ Державу сыну, юному Ѳеодору, «притворился мертвымъ, и велѣлъ торже- «ственно, вмѣсто себя, схоронить другаго «человѣка, опоеннаго ядомъ; а самъ, взявъ

Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ

Г. 1605. «множество золота, съ вѣдома одной Царицы и Семена Годунова бѣжалъ въ Англію, «называясь купцемъ. Поручивъ надежнымъ «людямъ развѣдать въ Лондонѣ, дѣйствительно ли укрывается тамъ опасный злодѣй твой, Сигизмундъ, какъ истинный «другъ, счелъ за нужное предостеречь тебя, и думая, что вѣрность Россіянъ еще «сомнительна, далъ указъ нашимъ Липовскимъ Воеводамъ быть въ готовности для «твоей защиты.» Сія сказка не испугала Лжедимитрія: онъ благодарилъ Короля, но отвѣтствовалъ, что «въ смерти Борисовой не сомнѣвается; что готовъ быть не другомъ мятежнику Шведскому, но прежде хочетъ удостовѣриться въ искренной дружбѣ Сигизмунда, который, вопреки ласковымъ словамъ, уменьшаетъ данное ему Богомъ достоинство« — ибо Сигизмундъ въ письмѣ своемъ назвалъ его Господаремъ и Великимъ Княземъ, а не *Царемъ*: Самозванецъ же хотѣлъ не только сего титула, но и новаго, пышнѣйшаго: вздумалъ именовать себя *Цесаремъ*, и даже *непобѣдимымъ*, мечтая о своихъ будущихъ побѣдахъ[425]! Узнавъ о такомъ гордомъ требованіи, Сигизмундъ изъявилъ досаду, и Вельможные Паны упрекали недавняго бродягу смѣшнымъ высокоумiемъ, злою неблагодарностію; а Лжедимитрій писалъ въ Варшаву, что онъ не забылъ добрыхъ услугъ Сигизмундовыхъ, чтитъ его какъ брата, какъ отца; же-

Титулъ Цесаря.

лаетъ утвердить съ нимъ союзъ, но не г.
престанетъ требовать Цесарскаго типу- 1605.
ла, хотя и не мыслитъ грозить ему за по
войною[426]. Люди благоразумные, особенно
Мнишекъ и Нунцій Папскій, тщетно дока-
зывали Самозванцу, что Король называетъ
его такъ, какъ Государи Польскіе всегда на-
зывали Государей Московскихъ, и что Си-
гизмуду не льзя перемѣнить сего обыкно-
венія безъ согласія Чиновъ Республики. Дру-
гіе же, не менѣе благоразумные люди дума-
ли, что Республика не должна ссориться
за пустое имя съ хвастливымъ другомъ,
который можетъ быть ей орудіемъ для
усмиренія Шведовъ; но Паны не хотѣли слы-
шать о новомъ типулѣ, и Воевода Поз-
нанскій сказалъ въ гнѣвѣ одному чиновнику
Россійскому[427]: «Богъ не любитъ гордыхъ,
«и *непобѣдимому* Царю вашему не усидѣть
«на тронѣ.« — Сей жаркій споръ не мѣ-
шалъ однакожь успѣху въ дѣлѣ сватовства.

1 Ноября[428] *Великій Посолъ* Царскій,
Аѳанасій Власьевъ, со многочисленною благо-
родною дружиною пріѣхалъ въ Краковъ и
былъ представленъ Сигизмунду: говорилъ
сперва о счастливомъ воцареніи Іоаннова сы-
на, о славѣ низвергнуть Державу Оттто-
манскую, завоевать Грецію, Іерусалимъ, Ѳео-
леемъ и Ѳеоанію, а послѣ о намѣреніи Ди-
митрія раздѣлить престолъ съ Мариною,
изъ благодарности за важныя услуги, ока-
занныя ему во дни его несгоды и печали,

Г. 1605. знаменитымъ ея родителемъ[429]. 12 Ноября, въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской Королевны Анны, совершилось торжественное обученіе

Обученіе. (воспѣтое въ стихахъ Пиндарическихъ[430] Іезуитомъ Гроховскимъ). Марина, съ короною на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, унизанной каменьями драгоцѣнными, блистала равно и красотою и пышностію. Именемъ Мнишка сказавъ Власьеву (который заступалъ мѣсто жениха), что отецъ благословляетъ дочь на бракъ и Царство, Литовскій Канцлеръ Сапѣга говорилъ длинную рѣчь, также и Папъ Легницкій и Кардиналъ, Епископъ Краковскій, славя «достоинства, вос«питаніе и знатный родъ Марины, *вольной «Дворянки Государства вольнаго*, — честь «ность Димитрія въ исполненіи даннаго имъ «обѣта, счастіе Россіи имѣть законнаго, «отечественнаго Вѣнценосца, вмѣсто иноземнаго или похитителя, и видѣть искрен«нюю дружбу между Сигизмундомъ и Царемъ, «который безъ сомнѣнія не будетъ примѣ«ромъ неблагодарности, зная, чѣмъ обязанъ «Королю и Королевству Польскому.» Кардиналъ и знатнѣйшіе духовные сановники пѣли молитву: veni Creator: всѣ преклонили колѣна; но Власьевъ стоялъ — и едва не произвелъ смѣха, на вопросъ Епископа: «не обрученъ ли Димитрій съ другою не«вѣстою? »отвѣтствуя: *а мнѣ какъ знать? того у меня нѣтъ въ наказѣ*[431]. Мѣнялись

перспнями, онъ вынулъ Царскій изъ ящика, съ однимъ большимъ алмазомъ, и вручилъ Кардиналу; а самъ не хотѣлъ голою рукою взять невѣстина перспня. По совершеніи священныхъ обрядовъ былъ великолѣпный споль у Воеводы Сендомирскаго, и Марина сидѣла подлѣ Короля, принимая отъ Россійскихъ чиновниковъ дары своего жениха: богатый образъ Св. Троицы, благословеніе Царицы-Инокини Маровы; перо изъ рубиновъ; чашу гіацинтовую; золотой корабль, осыпанный многими драгоцѣнными каменьями; золотаго быка, пеликана и павлина; какія-то *удивительныя* часы съ флейтами и трубами; слишкомъ три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархатовъ, парчей, штофовъ, атласовъ [152], и проч. и проч. Между тѣмъ Власьевъ, желая быть почтительнымъ, не хотѣлъ садиться за споль съ Мариною, ни пить, ни ѣсть, и худо разумѣя, что онъ представляетъ лице Димитрія, билъ челомъ въ землю, когда Сигизмундъ и семейство его пили за здоровье Царя и *Царицы*: уже такъ именовали невѣсту обрученную. Послѣ обѣда, Король, Владиславъ и Шведская Принцесса Анна танцовали съ Мариною; а Власьевъ уклонился отъ сей чести, говоря: «дерзну ли коснуться Ея Величества!» Наконецъ, прощаясь съ Сигизмундомъ, Марина упала къ ногамъ его и лишилась отъ умиленія, къ неудовольствію Посла, который видѣлъ въ томъ униженіе для г. 1605.

г. будущей супруги Московскаго Вѣнценосца;
1605. но ему оповѣщсповали, чпо Сигизмундъ Государь ея, ибо она еще въ Краковѣ. Поднявъ Марину съ ласкою, Король сказалъ ей: «Чудесно возвышенная Богомъ, не за-«будь, чѣмъ пы обязана спранѣ своего рож-«денія и воспипанія, — спранѣ, гдѣ оспа-«вляешь ближнихъ, и гдѣ нашло пебя сча-«спіе необыкновенное. Пипай въ супругѣ «дружеспво къ намъ и благодарноспь за «сдѣланное для него мною и пвоимъ опцемъ. «Имѣй спрахъ Божій въ сердцѣ, чпи роди-«телей и *не измѣняй обычаямъ Польскимъ.*» Снявъ съ себя шапку, онъ перекреспилъ Марину, собспвенными руками опдалъ Послу и дозволилъ Воеводѣ Сендомирскому ѣхапь съ нею въ Россію; а Власьевъ, немедленно опправивъ къ Самозванцу перспень невѣспы и живописное изображеніе лица ея, жилъ еще нѣсколько дней въ Краковѣ, чпобы праздновапь Сигизмундово бракосочепаніе съ Авспрійскою Эрцгерцогинею, и (8 Декабря) выѣхалъ въ Слонимъ, ожидапь шамъ Мнишка и Марины на пупи ихъ въ Россію[433]; но ждалъ долго.

Пожерпвовавъ Самозванцу знапною часпію своего богапспва, Воевода Сендомирскій не былъ доволенъ одними дарами: пребовалъ опъ него денегъ, чпобы расплапипься съ заимодавцами, и не хопѣлъ безъ шого выѣхапь изъ Кракова[434]; скучалъ, досадовалъ и превожился худою молвою о бу-

Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ.

дущемъ зятѣ. Въ Краковѣ знали, что дѣла- Г.
лось въ Москвѣ; знали о негодованіи Россіянъ, 1605.
и многіе не вѣрили ни Царскому происхож-
денію Лжедимитрія, ни долговременности
его счастія; говорили о томъ всенародно,
предостерегали Короля и Мнишка. Сама Ца-
рица-Инокиня Марѳа, какъ увѣряютъ, тай-
но велѣла чрезъ одного Шведа объявить Си-
гизмунду, что мнимый Димитрій не есть
сынъ ея[435]. Даже и чиновники Россійскіе,
присылаемые гонцами въ Польшу, шептали
на ухо любопытнымъ о Царѣ беззаконномъ, и
предсказывали неминуемый скорый ему ко-
нецъ. Но Сигизмундъ и Мнишекъ не вѣрили
такимъ рѣчамъ или показывали, что не вѣ-
ряютъ, желая приписывать ихъ единственно
внушеніямъ тайныхъ злодѣевъ Царя, друзей
Годунова и Шуйскаго. Во всякомъ случаѣ
уже не время было думать о разрывѣ съ
тѣмъ, кто звалъ на престолъ Марину и
честно вознаграждалъ отца ея за всѣ его у- Г.
бытки: ибо, наконецъ (въ Генварѣ 1606), 1606
Секретарь *Янъ* Бучинскій привезъ изъ Мос- Лже-
квы 200 тысячь злотыхъ Мнишку, сверхъ димит-
ста тысячь, отданныхъ Лжедимитріемъ рій пла-
Сигизмунду въ уплату суммы, которую за- титъ
нялъ у него Воевода Сендомирскій на опол- долги
ченіе 1604 года[436]. Разспрота изъявлялъ не- Мни-
терпѣніе видѣть невѣсту; но отецъ ея, за- шко-
нимаясь пышными сборами, еще долго жилъ вы.
въ Галиціи, и выѣхалъ, съ толпою своихъ
ближнихъ, уже въ распутицу, такъ, что

Г. 1606. нѣкоторые изъ нихъ опѣ худой дороги возвратились[437], — къ ихъ счастію: ибо въ Москвѣ уже все изготовилось къ страшному дѣйствію народной мести.

Происшествія въ Москвѣ.

Оградивъ себя иноземными пѣлохранителями, и видя тишину въ столицѣ, уклончивость, низость при Дворѣ, Лжедимитрій совершенно успокоился; вѣрилъ какому-то предсказанію, что ему властвовать 34 года[438], и пировалъ съ Боярами на ихъ свадьбахъ[439], дозволивъ имъ свободно выбирать невѣстъ и женишься: чего не было въ царствованіе Годунова, и чѣмъ воспользовался, хотя уже и не въ молодыхъ лѣтахъ, знатнѣйшій Вельможа Князь Мстиславскій, за коего Самозванецъ выдалъ двоюродную сестру Царицы-Инокини Марѳы. Казалось, что и Москва искренно веселилась съ Царемъ: никогда не бывало въ ней столько пировъ и шума; никогда не видали столько денегъ въ обращеніи: ибо Нѣмцы, Ляхи, Козаки, сподвижники Лжедимитрія, опѣ щедротъ его сыпали золотомъ[440] къ немалой выгодѣ Московскаго купечества, и хвастаясь богатствомъ, по словамъ Лѣтописца, не только ѣли, пили, но и въ баняхъ мылись изъ серебряныхъ сосудовъ. Въ сіи веселые дни Самозванецъ, разположенный къ

Возвращеніе Шуйскихъ.

дѣйствіямъ милости, простилъ Шуйскихъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ ссылки[441]: возвратилъ имъ богатство и знатность, въ удовольствіе ихъ многочисленныхъ друзей, которые

умѣли хитро ослѣпить его прелестію па- г.
кого великодушія, и, вѣроятно, уже не безъ 1606.
намѣренія, гибельнаго для Лжецаря. Всѣми
уважаемый какъ первостепенный мужъ го-
сударственный и потомокъ Рюриковъ, Ва-
силій Шуйскій былъ тогда идоломъ народа,
прославивъ себя неустрашимою твердостію
въ обличеніи Самозванца: пытки и плаха
дали ему, въ глазахъ Россіянъ, блистатель-
ный вѣнецъ Героя-мученика, и никто изъ
Бояръ не могъ, въ случаѣ народнаго движе-
нія, имѣть столько власти надъ умами,
какъ сей Князь, равно честолюбивый, лука-
вый и смѣлый. Давъ на себя письменное
обязательство вѣрности Лжедимитрію[442],
онъ возвратился въ столицу, по видимому
инымъ человѣкомъ: казался усерднѣйшимъ
его слугою, и снискалъ въ немъ особенную
довѣренность, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ
ближнихъ людей Самозванца, которые гово-
рили, что можно изъ милосердія, иногда
одобряемаго Политикою, не казнить измѣн-
ника и клятвопреступника, но безразсудно
вѣрить его новой клятвѣ; что Шуйскій,
не видавъ отъ Димитрія ничего кромѣ бла-
говоленія, замышлялъ его гибель, а претер-
пѣвъ отъ него безчестіе, муки, ужасъ смер-
ти, конечно не исполнился любви къ своему
карателю, хотя и правосудному: исполнился,
вѣроятнѣе, злобы и мести, скрываемыхъ
подъ личиною раскаянія. Они говорили ис-
тину: Шуйскій возвратился съ тѣмъ, что-

г. бы погибнуть или погубить Лжедимитрія.
1606 Но легкоумный, гордый Самозванецъ, хваляся еще не столько благостію, сколько безстрашіемъ, отвѣтствовалъ, что находя искреннее удовольствіе въ милости, любитъ прощать совершенно, не вполовину, и безъ грѣха не можетъ чего нибудь страшиться, бывъ отъ самой колыбели чудесно и явно хранимъ Богомъ[443]. Онъ хотѣлъ, чтобы Князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знатную невѣсту: Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову — Ростовскую, свойственницу Нагихъ, и долженъ былъ жениться чрезъ нѣсколько дней послѣ Царской свадьбы — однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Іоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разстригу нехитраго, сдѣлался его совѣтникомъ, и не для того, чтобы совѣтовать ему доброе!

Лжедимитрій дѣйствовалъ, какъ и прежде: вѣтренно и безразсудно; то желалъ снискать любовь Россіянъ, то умышленно оскорблялъ ихъ. Современники разсказываютъ слѣдующее происшествіе: «Онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вяземы, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, и поѣхалъ туда съ своими тѣлохранителями, съ конною дружиною Ляховъ, съ Боярами и лучшимъ воинскимъ Дворянствомъ. Россіянамъ надлежало защищать городокъ, а Нѣмцамъ взять его приступомъ: тѣмъ и другимъ, вмѣсто ору-

жія, дали снѣжные комы. Начался бой, и г. Самозванецъ, предводительствуя Нѣмцами, 1606. первый ворвался въ крѣпость; торжествовалъ побѣду; говорилъ: *такъ возьму Азовъ* — и хотѣлъ новаго приступа. Но многіе изъ Россіянъ обливались кровію: ибо Нѣмцы, во время схватки, бросая въ нихъ снѣгомъ, бросали и каменьями. Сія худая шутка, оставленная Царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, столь озлобила Россіянъ, что Лжедимитрій, опасаясь действительной сѣчи между ими[444], цѣлохранителями и Ляхами, спѣшилъ развести ихъ и возвратиться въ Москву.» Ненависть къ иноземцамъ, падая и на пристрастнаго къ нимъ Царя, ежедневно усиливалась въ народѣ отъ ихъ дерзости: на примѣръ, съ дозволенія Лжедимитріева имѣя свободный входъ въ наши церкви, они безчинно гремѣли тамъ оружіемъ, какъ бы готовясь къ битвѣ; опирались, ложились на гробы Святыхъ. Не менѣе жаловались Москвитяне и на Козаковъ, сподвижниковъ Разстригиныхъ: величаясь своею услугою, сіи люди грубые оказывали къ нимъ презрѣніе и называли ихъ въ ругательство Жидами[445]; суда не было. — Но самымъ злѣйшимъ врагомъ Лжедимитрія сдѣлалось Духовенство. Какъ бы желая унизить санъ Монашества, онъ срамилъ Иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступленій, безчестною торговою казнію;

г. занималъ деньги въ богатыхъ Обипеляхъ,
1606 и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ; наконецъ велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить имъ только необходимое для умѣреннаго содержанія Старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску[446]: то есть, смѣлый бродяга, бурею кипутый на престолъ шапкій, и новою бурею угрожаемый, хотѣлъ прямо, необыкновенно совершить дѣло, на которое не отважились Государи законные, Іоанны III и IV, въ тишинѣ безспорнаго властвованія и повиновенія неограниченнаго! — Дѣло менѣе важное, но не менѣе безразсудное также возбудило негодованіе Бѣлаго Московскаго Духовенства: Лжедимитрій выгналъ всѣхъ Арбатскихъ и Черпольскихъ Священниковъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ своихъ иноземныхъ цѣлохранителей, которые жили большею частію въ слободѣ Нѣмецкой, слишкомъ далеко отъ Кремля. Пастыри душъ, въ храмахъ торжественно молясь за мнимаго Димитрія, тайно кляли въ немъ врага своего, и шептали прихожанамъ о Самозванцѣ, гонителѣ Церкви и благочестія всѣхъ ересей: ибо онъ, дозволивъ Іезуитамъ служить Латинскую Обѣдню въ Кремлѣ, дозволилъ и Лютеранскимъ Пасторамъ говорить тамъ проповѣди, чтобы его цѣлохранители не имѣли пред-

ѣздить для моленія въ отдаленную Нѣмец- г.
кую слободу[447]. 1606.

Въ сіе время явленіе новаго Самозванца Само-
также повредило Разстригѣ въ общемъ зва-
мнѣніи. Завидуя успѣху и чести Донцевъ, нецъ
ихъ братья, Козаки Волжскіе и Терскіе, Петръ
назвали одного изъ своихъ товарищей, мо-
лодаго Козака Илейку, сыномъ Государя
Ѳеодора Іоанновича, Петромъ, и выдумали
сказку, что Ирина въ 1592 году разрѣши-
лась отъ бремени симъ Царевичемъ, коего
властолюбивый Борисъ умѣлъ скрыть и
подмѣнилъ дѣвочкою (Ѳеодосіею). Ихъ со-
бралося 4000, къ ужасу путешественни-
ковъ, особенно людей торговыхъ: ибо сіи
мятежники, сказывая, что идутъ въ Мо-
скву съ Царемъ, грабили всѣхъ купцевъ на
Волгѣ, между Астраханью и Казанью, такъ,
что добычу ихъ цѣнили въ 300 тысячъ
рублей[448]; а Лжедимитрій не мѣшалъ имъ
злодѣйствовать, и писалъ къ мнимому Пе-
тру — вѣроятно, желая заманить его въ
сѣти — что если онъ истинный сынъ
Ѳеодоровъ, то спѣшилъ бы въ столицу,
гдѣ будетъ принятъ съ честію. Никто
не вѣрилъ новому обманщику; но многіе
еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ Раз-
стриги, изъясняя одну басню другою; мно-
гіе даже думали, что оба Самозванца въ
тайномъ согласіи, что Лжепетръ есть
орудіе Лжедимитрія; что послѣдній ве-
литъ Козакамъ грабить купцевъ для обо-

Г. 1606. гащенія казны своей[449], и ждепъ ихъ въ Москву, какъ новыхъ ревносшныхъ союзниковъ, для безопаснѣйшаго ширанспва надъ Россіянами, ему ненависпными. Илейко дѣйспвишельно, какъ пишупъ, хошѣлъ воспользоващься ласковымъ пригланіеніемъ Разсприги и шелъ къ Москвѣ, но узналъ въ Свіяжскѣ, чшо мнимаго дяди его уже не спало[450].

Начало заговора.

По всѣмъ извѣсшіямъ, возвращеніе Князя Василія Шуйскаго было началомъ великаго заговора и рѣшило судьбу Лжедимишрія, копорый изгошовилъ легкій успѣхъ онаго, досаждая Боярамъ, Духовенспву и народу, презирая Вѣру и добродѣшель. Можепъ быпь, слѣдуя инымъ, лучшимъ правиламъ, онъ удержался бы на шронѣ и вопреки явнымъ уликамъ въ самозванспвѣ; можепъ быпь, осшорожнѣйшіе изъ Бояръ не захошѣли бы свергнупь Власшипеля хошя и незаконнаго, но благоразумнаго, чшобы не предашь ошечесшва въ жершву безначалію. Такъ, вѣроящно, думали мноіе въ первые дни Разспригина царспвованія: вѣдая, кшо онъ, надѣялись по крайней мѣрѣ, чшо сей человѣкъ удивишельный, одаренный нѣкошорыми блесшящими свойспвами, заслужилъ счасшіе дѣлами досшохвальными; увидѣли безуміе — и возспали на обманщика: ибо Москва, какъ пишупъ, уже не сомнѣвалась погда въ единспвѣ Опрепьева и Лжедимишрія[451], Любопышно знашь, чшо

самые ближніе люди Разспригины не скры- г.
вали испины другъ опъ друга; самъ не- 1606.
счаспный Басмановъ въ бесѣдѣ искренней
съ двумя Нѣмцами, преданными Лжедими-
трію, сказалъ имъ: «вы имѣепе въ немъ
«опца и благоденспвуепе въ Россіи: мо-
«липесь о здравіи его вмѣспѣ со мною.
«Хопя онъ и *не сынъ Іоанновъ*, но Госу-
«дарь нашъ: ибо мы *присягали* ему, и луч-
«шаго найпи не можемъ«[432]. Такъ Басма-
новъ оправдывалъ свое усердіе къ Само-
званцу. Другіе же судили, чпо *присяга*,
данная въ заблужденіи или въ спрахѣ, не
еспь испинная: сію мысль еще не давно
внушали народу друзья Лжедимипріевы,
склоняя его измѣнипь юному Ѳеодору[433];
сею же мыслію успокоивалъ и Шуйскій
Россіянъ добросовѣспныхъ, чпобы низверг-
нупь бродягу. Надлежало опкрыпься мно-
жеспву людей разнаго званія, имѣпь со-
общниковъ въ Синклипѣ, Духовенспвѣ,
войскѣ, граждансптвѣ. Шуйскій уже испы-
палъ опасноспь кововъ, лежавъ на плахѣ
опъ нескромноспи своихъ клевреповъ; но
съ пого времени общая ненависпь ко Лже-
димипрію созрѣла и ручалась за вѣрнѣй-
шее храненіе пайны. По крайней мѣрѣ не
нашлося предапелей-извѣпниковъ — и Шуй-
скій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, еже-
дневно съ нимъ веселясь и пируя, соспа-
випь заговоръ, коего нипь шла опъ Цар-
ской Думы чрезъ всѣ спепени государ-

Г. 1606. ственныя до народа Московскаго, шакъ, чшо и многіе изъ ближнихъ людей Опрепьева, выведенные изъ терпѣнія его упрямсшвомъ въ неблагоразуміи, приспали къ сему кову. Распускали слухи зловредные для Самозванца, испинные и ложные: говорили, чшо онъ, пылая жаждою кровопролишія безумнаго, въ одно время грозишъ войною Европѣ и Азіи. Лжедимишрій несомнишельно думалъ воевашь съ Сулшаномъ, назначилъ для шого Посольсшво къ Шаху Аббасу[454], чшобы пріобрѣсши въ немъ важнаго сподвижника, и велѣлъ дружинамъ Дѣшей Боярскихъ ишши въ Елецъ, опправивъ шуда множесшво пушекъ; грозилъ и Швеціи; написалъ къ Карлу: «Всѣхъ сосѣдственныхъ Государей увѣдомивъ о своемъ «воцареніи, увѣдомляю шебя единсшвенно «о моемъ дружесшвѣ съ законнымъ Королемъ Шведскимъ, Сигизмундомъ, шребуя, «чшобы ты возвращилъ ему Державную «власшь, похищенную шобою вѣроломно, «вопреки усшаву Божесшвенному, Есшесшвенному и Народному Праву — или вооружишь на себя могущесшвенную Россію. Усовѣсшись и размысли о печальномъ «жребіи Бориса Годунова: шакъ Всевышній казнишъ похишишелей — казнишъ «и шебя»[455]. Увѣряли еще, чшо Лжедимишрій вызываешъ Хана опустошашь южныя владѣнія Россіи, и желая привесши его въ бѣшенсшво, послалъ къ нему въ

Посольство къ Шаху.

Собраніе войска въ Ельцѣ.

Письмо къ Шведскому Королю.

дарь шубу изъ свиныхъ кожъ[456]: басня о- г
провергаемая современными государственными 1606.
ными бумагами, въ коихъ упоминается о Сно-
мирныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ Лже- шеніе
димитрія съ Казы-Гиреемъ и дарахъ обык- съ Ха-
новенныхъ. Говорили справедливѣе о намѣ- номъ.
реніи или обѣщаніи Самозванца предать Толки
нашу Церковь Папѣ и знатную часть о за-
Россіи Литвѣ: о чемъ сказывалъ Боярамъ мыслахъ
Дворянинъ Золотой-Квашнинъ, бѣглецъ Лже-
Іоаннова времени, который долго жилъ въ димит-
Польшѣ[457]. Говорили, что Разстрига ждетъ трія.
только Воеводы Сендомирскаго съ новыми
шайками Ляховъ для исполненія своихъ умы-
словъ, гибельныхъ для отечества. Уже на-
чальники заговора хотѣли-было приступить
къ дѣлу[458]; но отложили ударь до свадьбы
Лжедимитріевой, для того ли, какъ пишутъ,
что съ невѣстою и съ ея ближнимъ возвра-
тились въ Москву древнія Царскія сокро-
вища, раздаренныя имъ щедростію Само-
званца, или для того, чтобы онъ имѣлъ
время и способъ еще болѣе озлобить Рос-
сіянъ новыми беззаконіями, предвидѣнными
Шуйскимъ и друзьями его!

Между тѣмъ два или три случая, не будучи въ связи съ заговоромъ, могли по-
превожить Самозванца. Ему донесли, что
нѣкоторые Стрѣльцы всенародно злосло-
вятъ его, какъ врага Вѣры[459]: онъ при-
звалъ всѣхъ Московскихъ Стрѣльцевъ съ
Головою Григоріемъ Микулинымъ, объя-

Г. 1606. вилъ имъ дерзостпь ихъ поварищей и пребовалъ, чтобы вѣрные воины судили измѣнниковъ: Микулинъ обнажилъ мечь, и хулипели Лжецаря, не изъявляя ни раскаянія, ни спраха, были изсѣчены въ куски своими брапьями: за что Самозванецъ пожаловалъ Микулина, какъ усерднаго слугу, въ Дворяне Думные, а народъ возненавидѣлъ, какъ убійцу великодушныхъ спрадальцевъ. Такимъ же мученикомъ хотѣлъ быпь и Дьякъ Тимоѳей Осиповъ: пылая ревностію изобличипь Разспригу, онъ нѣсколько дней говѣлъ дома, пріобщился Свяпыхъ Таинъ, и поржеспвенно, въ палапахъ Царскихъ, предъ всѣми Боярами, назвалъ его *Гришкою Отрепьевымъ*, *рабомъ грѣха*, *еретикомъ*[460]. Всѣ изумились, и самъ Лжедимипрій безмолвспвовалъ въ смяпеніи: опомнился и велѣлъ умерпвипь сего въ Испоріи незабвеннаго мужа, копорый своею кровію, вмѣспѣ съ немногими другими, искупалъ Россіянъ опъ спыда повиноваться бродягѣ. Пишупъ, что и Спрѣльцы и Дьякъ Осиповъ, прежде ихъ убіенія, были допрашиваемы Басмановымъ, но никого не оговорили въ единомысліи съ ними. Не менѣе безспрашнымъ оказалъ себя и знаменипый слѣпецъ, пакъ называемый Царь Симеонъ: будучи ревноспнымъ Христіаниномъ, и слыша, что Лжедимипрій склоняепся къ Лапинской Вѣрѣ, онъ презрѣлъ его милоспь и ласки, всенародно

Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова.

Опала Царя Симеона и Татищева.

изъявлялъ негодованіе, убѣждалъ испин- г.
ныхъ сыновъ Церкви умереть за ея свя- 1606.
тые уставы: Симеона, обвиняемаго въ не-
благодарности, удалили въ монастырь Со-
ловецкій и постригли[461]. Тогда же чинов-
никъ извѣстный способностями ума и гиб-
костію нрава, бывъ въ равной довѣренно-
сти у Бориса и Самозванца, Думный Дво-
рянинъ Михайло Тапищевъ, вдругъ заслу-
жилъ опалу смѣлостію, въ немъ совсѣмъ
необыкновенною. Однажды, за споломъ Цар-
скимъ, Князь Василій Шуйскій, видя блю-
до теляпины, въ первый разъ сказалъ
Лжедимитрію, что не должно подчивать
Россіянъ яствами, для нихъ гнусными;
а Тапищевъ, приставъ къ Шуйскому, на-
чалъ говорить столь невѣжливо и дерз-
ко, что его вывели изъ дворца и хотѣли
сослать на Вятку[462]; но Басмановъ чрезъ
двѣ недѣли исходатайствовалъ ему про-
щеніе (себѣ на гибель, какъ увидимъ).
Сей случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣ-
которыхъ ближнихъ людяхъ Отрепьева
и въ немъ самомъ: думали, что Шуйскій
завелъ сей разговоръ съ умысломъ, и что
Тапищевъ не даромъ измѣнилъ своему на-
выку; что они, зная вспыльчивость Лже-
димитрія, хотѣли вырвать изъ него ка-
кое нибудь слово нескромное и во вредъ
ему разгласить о томъ въ городѣ; что
у нихъ должно быть намѣреніе дально-
видное и злое. Къ счастію, Лжедимитрій,

Г. по нраву и правиламъ неопасливый, ско-
1606. ро оставилъ сію безпокойную мысль, ви-
дя вокругъ себя лица веселыя, всѣ знаки
усердія и преданности, особенно въ Шуй-
скомъ, и всего болѣе думая иногда о вели-
колѣпномъ пріемѣ Марины.

Но Воевода Сендомирскій какъ долго не
Путе- прогался съ мѣста, такъ медленно и пу-
шествіе пешествовалъ; вездѣ останавливался, пи-
Вое- ровалъ, къ досадѣ своего провожатаго, Аѳа-
воды насія Власьева, и еще изъ Минска писалъ
Сен- въ Москву, что ему нельзя выѣхать изъ
до- Литовскихъ владѣній, пока Царь не запла-
мир- титъ Королю *всего долга*; что грубость
скаго излишно ревностнаго слуги Власьева, ну-
съ Ма- дящаго ихъ *не ѣхать*, *а летѣть* въ Рос-
риной. сію, несносна для него, вспыхаго спарца, и
для нѣжной Марины. Самозванецъ не жа-
лѣлъ денегъ: обязался удовлетворить
всѣмъ требованіямъ Сигизмундовымъ, при-
слалъ 5000 червонцевъ въ даръ невѣстѣ, и
сверхъ того 5000 рублей и 15,000 пале-
ровъ на ея путешествіе до предѣловъ
Россіи[463]; но изъявилъ неудовольствіе. «Ви-
«жу,» писалъ онъ къ Мнишку, «что вы ед-
«ва ли и весною достигнете нашей сто-
«лицы, гдѣ можете не найти меня; ибо
«я намѣренъ вступить лѣто въ станъ
«моего войска, и буду въ полѣ до зимы.
«Бояре, высланные ждать васъ на рубежѣ,
«истратили въ сей голодной странѣ всѣ
«свои запасы и должны будутъ возвра-

«пишься, къ стыду и поношенію Царска- Г.
«го имени.» Мнишекъ въ досадѣ хотѣлъ 1606.
ѣхать назадъ; однакожь, извинивъ колкія выраженія будущаго зятя нетерпѣніемъ его страстной любви, 8 Апрѣля въѣхалъ въ Россію.

Пишутъ, что Марина, оставляя навѣки отечество, неутѣшно плакала въ горестныхъ предчувствіяхъ, и что Власьевъ не могъ успокоить ее велерѣчивымъ изображеніемъ ея славы[464]. Воевода Сендомирскій желалъ блеснуть пышностію: съ нимъ было родственниковъ, пріятелей и слугъ не менѣе двухъ тысячъ, и столько же лошадей. Марина ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Мнишекъ, братъ и сынъ его, Князь Вишневецкій и каждый изъ знатныхъ Пановъ имѣлъ свою дружину воинскую. На границѣ привѣтствовали невѣсту царедворцы Московскіе, а за мѣстничкомъ Краснымъ Бояре, Михайло Нагой (мнимый дядя Лжедимитріевъ) и Князь Василій Мосальскій, который сказалъ отцу ея, что знаменитѣйшіе Государи Европейскіе хотѣли бы выдать дочерей своихъ за Димитрія, но что Димитрій предпочитаетъ имъ его дочь, умѣя любить и быть благодарнымъ. Оттуда повезли Марину на двѣнадцати бѣлыхъ коняхъ, въ саняхъ великолѣпныхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ[465]; возницы были въ парчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ; впереди

Г. 1606. ѣхало двѣнадцать знатныхъ всадниковъ, которые служили путеводителями, и кричали возницамъ, гдѣ видѣли камень или яму. Не смотря на весеннюю распутицу, вездѣ исправили дорогу, вездѣ построили новые мосты и домы для ночлеговъ. Въ каждомъ селеніи жители встрѣчали невѣсту съ хлѣбомъ и солью, Священники съ иконами. Граждане въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязмѣ подносили ей многоцѣнные дары отъ себя, а сановники вручали письма отъ жениха съ дарами еще богатѣйшими. Всѣ старались угождать не только будущей Царицѣ, но и спутникамъ ея, надменнымъ Ляхамъ[466], которые вели себя нескромно, грубили Россіянамъ, притворно смиреннымъ, и достигнувъ береговъ Угры, вспомнили, что тутъ была древняя граница Литвы — надѣялись, что и будетъ снова: ибо Мнишекъ везъ съ собою владѣнную грамоту, данную ему Самозванцемъ, на Княженіе Смоленское!.. Оставивъ Марину въ Вязмѣ, Сендомирскій Воевода съ сыномъ и Княземъ Вишневецкимъ спѣшили въ Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ условій съ Царемъ относительно къ браку[467].

25 Апрѣля, имѣвъ пышный въѣздъ въ столицу[468], Мнишекъ съ восторгомъ увидѣлъ будущаго зятя на великолѣпномъ тронѣ, окруженномъ Боярами и Духовенствомъ: Патріархъ и Епископы сидѣли на правой сторонѣ, Вельможи

на лѣвой. Мнишекъ цѣловалъ руку Лжеди- Гг. 1606.
митріеву; говорилъ рѣчь, и не находилъ
словъ для выраженія своего счастія. «Не Рѣчь Мни-
«знаю (сказалъ онъ), какое чувство господ- шко-
«ствуетъ теперь въ душѣ моей: удивленіе ва.
«ли чрезмѣрное или радость неописанная?
«Мы проливали нѣкогда слезы умиленія, слу-
«шая повѣсть о жалостной, мнимой кончи-
«нѣ Димитрія — и видимъ его воскресшаго!
«Давно ли, съ горестію инаго рода, съ уча-
«стіемъ искреннимъ и нѣжнымъ, я жалъ ру-
«ку изгнанника, моего гостя печальнаго — и
«сію руку, нынѣ Державную, лобызаю съ
«благоговѣніемъ! . . . . О счастіе! какъ ты
«играешь смертными! Но что говорю? не
«слѣпому счастію, а Провидѣнію дивимся въ
«судьбѣ твоей: Оно спасло тебя и возвы-
«сило, къ утѣшенію Россіи и всего Христі-
«анства. Уже извѣстны мнѣ твои блестя-
«щія свойства: я видѣлъ тебя въ пылу
«битвы неустрашимаго, въ трудахъ воин-
«скихъ неутомимаго, къ хладу зимнему не-
«чувствительнаго . . . ты бодрствовалъ въ
«полѣ, когда и звѣри Сѣвера въ своихъ но-
«рахъ таились. Исторія и Стихотворство
«прославятъ тебя за мужество и за многія
«иныя добродѣтели, которыя спѣши от-
«крыть въ себѣ міру; но я особенно дол-
«женъ славить твою высокую ко мнѣ ми-
«лость, щедрую награду за мое къ тебѣ
«раннее дружество, которое предупредило
«честь и славу твою въ свѣтѣ: ты дѣ-

Г. «лишь свое величіе съ моею дочерью, умѣя
1606. «цѣнить ея нравственное воспитаніе и вы-
«годы, данныя ей рожденіемъ въ Государ-
«ствѣ свободномъ, гдѣ Дворянство столь
«важно и сильно — а всего болѣе зная, что
«одна добродѣтель есть истинное украше-
«ніе человѣка.» Лжедимитрій слушалъ съ видомъ чувствительности, непрестанно уми-рая себѣ глаза платкомъ, но не сказалъ ни слова: вмѣсто Царя отвѣтствовалъ Аѳанасій Власьевъ. Началося роскошное угощеніе. Мнишекъ обѣдалъ у Лжедимитрія въ новомъ дворцѣ, гдѣ Поляки хвалили и богатство и вкусъ украшеній[469]. Честя гостя, Самозванецъ не хотѣлъ однакожь сидѣть съ нимъ рядомъ: сидѣлъ одинъ за *серебряною трапезою*, и въ знакъ уваженія велѣлъ только подавать ему, сыну его и Князю Вишневецкому золотыя тарелки[470]. Во время обѣда привели двадцать Лопарей, бывшихъ когда въ Москвѣ съ данію, и разсказывали любопытнымъ иноземцамъ, что сіи странные дикари живутъ на краю свѣта, близъ *Индіи* и Ледовитаго моря, не зная ни домовъ, ни теплой пищи, ни законовъ, ни Вѣры[471]: Лжедимитрій хвалился неизмѣримостію Россіи и чуднымъ разнообразіемъ ея народовъ. Вечеру играли во дворцѣ Польскіе музыканты; сынъ Воеводы Сендомирскаго и Князь Вишневецкій танцовали, а Лжедимитрій забавлялся переодѣваніемъ, ежечасно являясь то Русскимъ щеголемъ, то Венгерскимъ гуса-

ромъ! Пять или шесть дней угощалъ Миниш- г.
ка изобильными, безконечными обѣдами, 1606.
ужинами, звѣриною ловлею, въ коей Лжедимитрій, какъ обыкновенно, блисталъ искусствомъ и смѣлостію: билъ медвѣдей рогатиною, отсѣкалъ имъ голову саблею, и веселился громкими восклицаніями Бояръ: «слава Царю!» — Въ сіе время занимались и дѣломъ.

Лжедимитрій писалъ еще въ Краковъ къ Условія.
Воеводѣ Сендомирскому, что Марина, какъ Царица Россійская, должна по крайней мѣрѣ наружно чтить Вѣру Греческую и слѣдовать обрядамъ ея[472]; должна также наблюдать обычаи Московскіе, и *не убирать волосовъ*: но Легатъ Папскій, Рангони, съ досадою отвѣтствовалъ на первое требованіе, что Государь Самодержавный не обязанъ угождать безсмысленному народному суевѣрію; что законъ не воспрещаетъ брака между Христіанами Греческой и Римской Церкви, и не велитъ супругамъ жертвовать другъ другу совѣстію; что самые предки Димитріевы, когда хотѣли жениться на Княжнахъ Польскихъ, всегда оставляли имъ свободу въ Вѣрѣ[473]. Сіе запрудненіе было, кажется, рѣшено въ бесѣдахъ Лжедимитрія съ Воеводою Сендомирскимъ и съ нашимъ Духовенствомъ: условились, чтобы Марина ходила въ Греческія Церкви, пріобщалась Святыхъ Таинъ отъ Патріарха и постилась еженедѣльно не въ Субботу, а въ Среду,

Г. 1606 имѣя однакожь свою Латинскую церковь и наблюдая всѣ иные уставы Римской Вѣры. Патріархъ Игнатій былъ доволенъ; другіе Святители молчали, всѣ, кромѣ Митрополита Казанскаго Ермогена и Коломенскаго Епископа Іосифа, сосланныхъ Разстригою, за ихъ смѣлость: ибо они утверждали, что невѣсту должно *крестить*, или женитьба Царя будетъ беззаконіемъ[474]. Гордяся хитрою Политикою—удовольствовавъ, какъ онъ думалъ, и Римъ и Москву—устроивъ все для торжественнаго бракосочетанія и принятія невѣсты, Лжедимитрій далъ ей знать, что ждетъ ее съ нѣжнымъ чувствомъ любовника и съ великолѣпіемъ Царскимъ.

Опала двухъ Святителей.

Въѣздъ Марины въ столицу.

Марина дни четыре жила въ Вяземѣ, бывшемъ селѣ Годунова, гдѣ находился его дворецъ, окруженный валомъ, и гдѣ въ каменномъ храмѣ, донынѣ цѣломъ, видны еще многія Польскія надписи Мнишковыхъ спутниковъ. 1 Мая, верстъ за 15 отъ Москвы, встрѣтили будущую Царицу купцы и мѣщане съ дарами — 2 Мая, близъ городской заставы, Дворянство и войско: Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Козаки (всѣ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою перевязью на груди), Нѣмцы, Поляки, числомъ до ста тысячъ[475]. Самъ Лжедимитрій былъ тайно въ простой одеждѣ между ими, вмѣстѣ съ Басмановымъ разставилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и возвратился въ Кремль. Не въѣзжая въ городъ, на берегу Москвы-

рѣки, Марина вышла изъ кареты и вступила въ великолѣпный шаперъ, гдѣ находились Бояре: Князь Мспиславскій говорилъ ей привѣтспвенную рѣчь; всѣ другіе кланялись до земли. У шапра спояли 12 прекрасныхъ верховыхъ коней въ даръ невѣспѣ, и богатая колесница, украшенная серебряными орлами Царскаго герба и запряженная десятью пѣгими лошадьми[476]: въ сей колесницѣ Марина въѣхала въ Москву, будучи сопровождаема своими ближними, Боярами, чиновниками и премя дружинами Царскихъ пѣлохранипелей; впереди шло 300 гайдуковъ съ музыканпами, а позади ѣхало 13 каретъ и множесптво всадниковъ. Звонили въ колокола, спрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны, играли на шрубахъ — а народъ безмолвспвовалъ; смопрѣлъ съ любопыпспвомъ, но изъявлялъ болѣе печали, нежели радоспи, и замѣпилъ *вторично* бѣдспвенное предзнаменованіе[477]: увѣряюпъ, чпо въ сей день свирѣпспвовала буря, пакъ же, какъ и во время Разспригина вспупленія въ Москву. Предъ воропами Кремлевскими, на возвышенномъ мѣспѣ площади (гдѣ вспрѣпило бы невѣспу Царскую Духовенспво съ креспами, если бы сія невѣспа была православная), вспрѣпили Марину новыя полпы липаврщиковъ, производя несносный для слуха шумъ и громъ. При въѣздѣ ея въ Спасскія воропа музыканпы Польскіе играли свою народную пѣсню: *навѣки въ счастьѣ и несчастьѣ*[478];

Г. 1606.

Г. 1606 колесница остановилась въ Кремлѣ у Дѣвичьяго монастыря: тамъ невѣста была принята Царицею-Инокинею[479]; тамъ увидѣла и жениха — и жила до свадьбы, отложенной на шесть дней еще для нѣкоторыхъ приготовленій.

Негодованіе Москвитянъ.

Между тѣмъ Москва волновалась. Помѣстивъ Воеводу Сендомирскаго въ Кремлевскомъ домѣ[480] Борисовомъ (вершинѣ Цареубійства!), взяли для его спутниковъ всѣ лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ, и выгнали хозяевъ, не только купцевъ, Дворянъ, Дьяковъ, людей Духовнаго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже мнимыхъ родственниковъ Царскихъ, Нагихъ[481]: сдѣлался крикъ и вопль. — Съ другой стороны, видя тысячи гостей незваныхъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ — видя, какъ они еще изъ шелегъ своихъ вынимали запасныя сабли, копья, пистолеты, Москвитяне спрашивали у Нѣмцевъ, ѣздятъ ли въ ихъ земляхъ на свадьбу какъ на битву[482], и говорили другъ другу, что Поляки хотятъ овладѣть столицею. Въ одинъ день съ Мариною въѣхали въ Москву Великіе Послы Сигизмундовы, Паны Олесницкій и Госѣвскій[483], также съ воинскою многочисленною дружиною, также къ безпокойству народа, который думалъ, что они пріѣхали за вѣномъ Марины, и что Царь уступаетъ Литвѣ всѣ земли отъ границы до Можайска[484] — мнѣніе несправедливое, какъ доказываютъ бумаги сего Посоль-

спва: Олесницкій и Госѣвскій должны были г.
только, вмѣсто Короля, присутствовать на 1606.
свадьбѣ Лжедимитрія[485], утвердить Сигиз-
мундову съ нимъ дружбу и союзъ съ Россіею,
не требуя ничего болѣе. Самозванецъ, по
сказанію Лѣтописца, зная молву народную о
грамотѣ, данной имъ Мнишку на Смоленскъ
и Сѣверскую область, говорилъ Боярамъ,
что не уступитъ ни пяди земли Россійской
Ляхамъ[486] — и, можетъ быть, говорилъ
искренно: можетъ быть, обманывая Папу,
обманулъ бы и тестя и жену свою; но
Бояре, по крайней мѣрѣ Шуйскій съ друзья-
ми, не старались перемѣнить худыхъ мы-
слей народа о Лжедимитріи, который но-
выми соблазнами еще усилилъ общее него-
дованіе.

Доброжелатели сего безразсуднаго хотѣ- Собла-
ли увѣрить благочестивыхъ Россіянъ, что зны.
Марина въ уединенныхъ, недоступныхъ кел-
ліяхъ учится нашему Закону и постится,
готовясь къ крещенію,[487]: въ первый день
она дѣйствительно казалась постницею, ибо
ничего не ѣла, гнушаясь Русскими яствами;
но женихъ, узнавъ о томъ, прислалъ къ ней
въ монастырь поваровъ отца ея, коимъ от-
дали ключи отъ Царскихъ запасовъ, и ко-
торые начали готовить пламъ обѣды, ужи-
ны, совсѣмъ не монастырскіе[488]. Марина имѣ-
ла при себѣ одну служанку, никуда не вы-
ходила изъ келлій, не ѣздила даже и къ отцу;
но ежедневно видѣла страстнаго Лжедими-

г. прія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была у-
1606. веселяема музыкою, плясκою и пѣснями не духовными. Разсприга вводилъ скомороховъ въ Обипель пишины и набожносни, какъ бы ругаясь надъ свяпымъ мѣспомъ и са-номъ Инокинь непорочныхъ[489]. Москва свѣдала о помъ съ омерзѣніемъ.

Соблазнъ инаго рода, плодъ вѣпреноспи Лжедимипріевой, изумилъ царедворцевъ. 3 Мая Разсприга поржеспвенно иринималъ, въ Золопой палапѣ, знапныхъ Ляховъ, родспвенниковъ Мнипковыхъ, и Пословъ Королевскихъ. Гофмейсперъ Мариньı, Спадницкій, именемъ всѣхъ ея ближнихъ говоря рѣчь [490], сказалъ ему: «Если кпо нибудь удивип-«ся пвоему союзу съ домомъ Мнишка, пер-«ваго изъ Вельможъ Королевскихъ, по пуспь «заглянепъ въ Испорію Государспва Мос-«ковскаго: *прадѣдъ* пвой, думаю, былъ же-«напъ на дочери Виповпа, а дѣдъ на Глин-«ской — и Россія жаловалась ли на соеди-«ніе Царской крови съ Липовскою? ни мало. «Симъ бракомъ упверждаешь пы связь меж-«ду двумя народами, копорые сходспвуюпъ «въ языкѣ и въ обычаяхъ, равны въ силѣ «и доблеспи, но донынѣ не знали мира ис-«кренняго, и своею закоснѣлою враждою пѣ-«шили невѣрныхъ; нынѣ же гоповы, какъ «испинные братья, дѣйспвовапь единодуш-«но, чпобы низвергнупь Луну ненависпную... «и слава пвоя какъ солнце возсіяепъ въ спра-«нахъ Сѣвера». За родспвенниками Воеводы

Сендомирскаго, важно и величаво, шли По- Г.
слы. Лжедимитрій сидѣлъ на престолѣ: ска- 1606.
завъ Царю привѣтствіе, Олесницкій вру-
чилъ Сигизмундову грамоту Аѳанасію Влась-
еву, который тихо прочиталъ Самозванцу
ея надпись, и возвратилъ бумагу Посламъ, Ссора
говоря, что она писана къ какому-то *Князю* съ По-
Димитрію, а Монархъ Россійскій есть *Це-* слами.
сарь; что Послы должны ѣхать съ нею об-
ратно къ своему Государю. Изумленный
Панъ Олесницкій, взявъ грамоту, сказалъ
Лжедимитрію: «Принимаю съ благоговѣніемъ;
«но что дѣлается? оскорбленіе безпримѣрное
«для Короля, — для всѣхъ знаменитыхъ
«Ляховъ, стоящихъ здѣсь предъ тобою, —
«для всего нашего отечества, гдѣ мы еще
«недавно видѣли тебя, осыпаемаго ласками и
«благодѣяніями! Ты съ презрѣніемъ отвер-
«гаешь письмо Его Величества, на семъ
«тронѣ, на коемъ сидишь по милости Бо-
«жіей, Государя моего и народа Польска-
«го!» . . . Такое нескромное слово оскорбля-
ло всѣхъ Россіянъ не менѣе Царя; но Лже-
димитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго Па-
на, и какъ бы обрадовался случаю блистать
своимъ краснорѣчіемъ; велѣлъ снять съ се-
бя корону[491], и самъ отвѣтствовалъ слѣ-
дующее: «Необыкновенное, неслыханное дѣ-
«ло, чтобы Вѣнценосцы, сидя на престолѣ,
«спорили съ иноземными Послами; но Король
«упрямствомъ выводитъ меня изъ терпѣ-
«нія. Ему изъяснено и доказано, что я не

Г. 1606. «только Князь, не только Господарь и Царь, «но и Великій Императоръ въ своихъ неиз«мѣримыхъ владѣніяхъ. Сей титулъ данъ «мнѣ Богомъ, и не есть одно пустое слово, «какъ титулы иныхъ Королей; ни Ассирій«скіе, ни Мидійскіе, ниже Римскіе Цесари не «имѣли дѣйствительнѣйшаго права такъ «именоваться. Могу ли быть доволенъ на«званіемъ Князя и Господаря, когда мнѣ слу«жатъ не только Господари и Князья, но «и Цари? Не вижу себѣ равнаго въ стра«нахъ полунощныхъ; надо мною одинъ Богъ. «И не всѣ ли Монархи Европейскіе назы«ваютъ меня Императоромъ? Для чего же «Сигизмундъ того не хочетъ? Панъ Олес«ницкій! спрашиваю: могъ ли бы ты при«нять на свое имя письмо, если бы въ его «надписи не было означено твое Шляхет«ское достоинство? . . . Сигизмундъ имѣлъ «во мнѣ друга и брата, какого еще не имѣ«ла Республика Польская; а теперь вижу «въ немъ своего зложелателя». Извиняясь въ худомъ витійствѣ неспособностію говорить безъ приготовленія, а въ смѣлости навыкомъ человѣка свободнаго, Олесницкій съ жаромъ и грубостію упрекалъ Лжедимитрія неблагодарностію, забвеніемъ милостей Королевскихъ, безразсудностію въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права; указывая на Бояръ, ставилъ ихъ въ свидѣтели, что Вѣнценосцы Россійскіе никогда не думали именоваться *Цесарями*; предавалъ Са-

мозванца суду Божію за кровопролитіе, въ вероятное слѣдствіе такого неумѣреннаго честолюбія. Самозванецъ возражалъ; наконецъ смягчился, и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не въ видѣ Посла, а въ видѣ своего добраго знакомца; но разгорячённый Панъ сказалъ: «или я Посолъ или не могу цѣловать руки «твоей» — и сею твердостію принудилъ Разстригу уступить: «для того (сказалъ «Власьевъ), что Царь, готовясь къ брач- «ному веселію, расположенъ къ снисходи- «тельности и къ мирнымъ чувствамъ.» Грамоту Сигизмундову взяли, Посламъ указали мѣста, и Лжедимитрій спросилъ о здоровьѣ Короля, но сидя: Олесницкій хотѣлъ, чтобъ онъ для сего вопроса, въ знакъ уваженія къ Королю, привстpalъ, и Разстрига исполнилъ его желаніе — однимъ словомъ, унизилъ, осрамилъ себя въ глазахъ Двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и Ляхамъ и Россіянамъ. Съ честію отпустивъ Пословъ въ ихъ домъ, Лжедимитрій велѣлъ Дьяку Грамотину сказать имъ, что они могутъ жить, какъ имъ угодно, безъ всякаго надзора и принужденія: видѣться и говорить, съ кѣмъ хотятъ; что обычаи перемѣнились въ Россіи; и спокойная любовь къ свободѣ заступила мѣсто недовѣрчиваго тиранства; что гостепріимная Москва ли- г. 1606.
куетъ, въ первый разъ видя такое множество Ляховъ, а Царь готовъ удивить Европу и Азію дружбою своею къ Королю, если

Г. онъ признаетъ его Императоромъ изъ бла-
1606. годарности за титулъ *Шведскаго*, отнятый Борисомъ у Сигизмунда, но возвращаемый ему Димитріемъ. — Дѣломъ государственнаго союза хотѣли заняться послѣ свадьбы Царской: ибо Лжедимитрій не имѣлъ времени мыслить о дѣлахъ, занимаясь единственно невѣстою и гостями.

Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали[492]. Женихъ ежедневно дарилъ невѣсту и родныхъ ея, покупая лучшіе товары у купцевъ иноземныхъ, коихъ множество наѣхало въ Москву изъ Литвы, Италіи и Германіи. За два дни до свадьбы принесли Ма-
Дары. ринѣ шкатулу съ узорочьями, цѣною въ 50 тысячь рублей[493], а Мнишку выдали еще 100 тысячь злотыхъ для уплаты остальныхъ долговъ его, такъ, что казна издержала въ сіе время на одни дары 800,000 (нынѣшнихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей[494], кромѣ милліоновъ издержанныхъ на путешествіе или угощеніе Марины съ ея ближними. Лжедимитрій хотѣлъ Царскою роскошью затмить Польскую: ибо Воевода Сендомирскій и другіе знатные Ляхи также не жалѣли ничего для внѣшняго блеска, имѣли богатыя кареты и прекрасныхъ коней, раздили слугъ въ бархатъ и готовились жить пышно въ Москвѣ (куда Мнишекъ[495] привезъ 30 бочекъ одного вина Венгерскаго). Но самая роскошь гостей озлобляла народъ: видя ихъ великолѣпіе, Москвитяне думали, что

оно есть плодъ расхищенія казны Царской [496]; что достояніе отечества, собранное умомъ и трудами нашихъ Государей, идетъ въ руки вѣчныхъ непріятелей Россіи. Г. 1606.

7 Мая, ночью, невѣста вышла изъ монастыря, и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ окруженной пѣлохранителями и дѣтьми Боярскими, переѣхала во дворецъ, гдѣ, въ слѣдующее утро, совершилось обрученіе по уставу нашей Церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, въ тотъ же день, на канунѣ Пятницы и святаго праздника, совершился и бракъ: ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ Столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сендомирскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкій Князь Василій Шуйскій, Дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ Бояръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ Русскомъ, краснымъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ: на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными. Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій Протоіерей, читалъ молитвы; Дружки рѣзали короваи съ сыра- Обрученіе и свадьба.

Г. 1606. ми и разносили ширинки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Бояре и сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Марины — и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей: «Наи-«ясньйшая Великая Государыня, *Цесарева* «Марія Юріевна! волею Божіею и непобѣди-«маго Самодержца, Цесаря и Великаго Кня-«зя всея Россіи, ты избрана быть его су-«пругою: вступи же на свой Цесарскій *пре-«столъ* и властвуй вмѣстѣ съ Государемъ «надъ нами«[497]! Она сѣла. Вельможа Михайло Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и діадиму. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и Духовнику Царскому идти въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготовили къ торжественному обряду, и куда, по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ, велъ жениха Воевода Сендомирскій, а невѣсту Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и Стрѣльцевъ, Стольники, Стряпчіе, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скипетромъ, Басмановъ съ державою, позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ — и началося священнодѣйствіе, доселѣ безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить сво-

сполюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство. Среди храма, на возвышенномъ такъ называемомъ *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патріархъ: первый на золотомъ тронѣ Персидскомъ[498], вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь: Патріархъ ему отвѣтствовалъ, и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головный уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и *благовѣрной Цесаревѣ Маріи*, которую Патріархъ на Литургіи украсилъ цѣпію Мономаховою, помазалъ и причастилъ. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скипра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности[499]. Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, и Протопопъ Благовѣщенскій обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, Царь и Царица (послѣдняя опираясь на Князя Василія Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ звономъ[500], но тихо и не внятно народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ

Г. 1606.

Г. 1606. новобрачныхъ золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ полпамъ гражданъ всѣ оспальные въ ней червонцы и медали (съ изображеніемъ орла двуглаваго). Воевода Сендомирскій и немногіе Бояре обѣдали съ Лжедимипріемъ въ Споловой палапѣ; но сидѣли не долго: вспали и проводили его до спальни, а Мнишекъ и Князь Василій Шуйскій до поспели[501]. Все упихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною: праздновали и шумѣли одни Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Царскихъ, новыхъ даровъ и почеспей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго: время дѣйспвовапь наспупало.

Новыя причины къ негодованію.

Сей день, радоспный для Самозванца и споль блеспящій для Марины, еще усилилъ народное негодованіе. Не взирая на всѣ безразсудныя дѣла Разсприги, Москвипяне думали, чпо онъ не дерзнепъ дапь сана Россійской Царицы иновѣркѣ, и чпо Марина примепъ Законъ нашъ; ждали пого до послѣдняго дня и часа: увидѣли ее въ коронѣ, въ вѣнцѣ брачномъ, и не слыхали опреченія опъ Лапинспва. Хопя Марина цѣловала наши свяпыя иконы, вкусила пѣло и кровь Хриспову изъ рукъ Папріарха, была помазана елеемъ и поржеспвенно возглашена *благовѣрною Царицею*; но сіе явное дѣйспвіе лжи казалось народу новою дерзоспію беззаконія, равно какъ и Царское вѣнчаніе Польской Шляхепки, удоспоенной величія неслыханнаго и недоспупнаго для самыхъ Царицъ,

испинно благовѣрныхъ и добродѣпельныхъ: г.
для Анаспасіи, Ирины и Маріи Годуновой[502]. 1606.
Корона Мономахова на главѣ иноземки, племени ненависпнаго для погдашнихъ Россіянъ, вопіяла къ ихъ сердцамъ о меспи за оскверненіе свяпыни. Такъ мыслилъ народъ, или пакія мысли внушали ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. — Ничпо не укрывалось опъ наблюдапелей спрогихъ. Только немногимъ изъ Ляховъ Разсприга дозволилъ быпь въ церкви свидѣпелями его бракосочепанія, но и сіи немногіе своимъ безчинспвомъ возбудили общее вниманіе[503]: шупили, смѣялись или дремали въ часъ Липургіи, прислонясь спиною къ иконамъ. Послы Сигизмундовы непремѣнно хопѣли сидѣпь, пребовали креселъ и едва успокоились, когда Лжедимипрій велѣлъ сказапь имъ, чпо и самъ онъ сидипъ въ церкви, на пронѣ, единспвенно по случаю коронованія Марины[504]. Замѣчая, какъ Бояре служили Царю — какъ Шуйскіе и другіе спавили ему и Царицѣ скамьи подъ ноги — кичливые Паны дивились въ слухъ шакой низоспи и благодарили Бога, чпо живупъ въ Республикѣ, гдѣ Король не смѣепъ пребовапь презрипельныхъ услугъ опъ послѣдняго изъ людей вольныхъ. . . Россіяне видѣли, слышали и не прощали.

Въ слѣдующее упро, на разсвѣпѣ, бара- Пиры.
баны и шрубы возвѣспили начало свадебнаго праздника[505]: сія шумная музыка не у-

молкала до самаго полудня. Во дворцѣ гото-
1606. вился пиръ для Россіянъ и Ляховъ; но Лже-
димитрій, желая веселиться, имѣлъ досаду:
новую ссору съ Королевскими Послами. Онъ
звалъ ихъ обѣдать, учтиво и ласково; По-
Новая слы также учтиво благодарили, хотѣли
ссора съ Ли- однакожь непремѣнно сидѣть съ Царемъ за
товскими одинмъ споломъ, какъ Власьевъ на свадьбѣ
Послами. у Короля сидѣлъ за споломъ Королевскимъ.
Лжедимитрій для объясненія прислалъ къ
нимъ Власьева: сей важный чиновникъ ска-
залъ Олесницкому: «Вы пребуете песлы-
«ханнаго: у насъ никому нѣтъ мѣста за осо-
«бенною Царскою трапезою; Король же уго-
«стилъ меня наравнѣ съ Послами Импера-
«торскимъ и Римскимъ: слѣдственно не сдѣ-
«лалъ ничего чрезвычайнаго, ибо Государь
«нашъ не менѣе ни Императора, ни Римска-
«го Владыки — нѣтъ, Великій Цесарь Ди-
»митрій болѣе ихъ: что у васъ Папа, но у
«него Попы»[506]. Такъ изъяснялся первый
дѣлецъ государственный и вѣрный слуга
Разстригинъ, въ душѣ своей не благо-
пріятствуя Ляхамъ и желая, можетъ быть,
сею непристойною насмѣшкою доказать,
что Лжедимитрій не есть Папистъ. Олес-
ницкій снесъ грубость, но рѣшился не ѣхать
во дворецъ. Всѣ иные знатные Ляхи обѣ-
дали съ Самозванцемъ въ Грановитой пала-
тѣ, кромѣ Воеводы Сендомирскаго: онъ на-
ходилъ требованіе Пословъ справедливымъ,
тщетно умолялъ зятя исполнить оное, про-

водилъ его и Марину до споповой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой. Г. 1606.

Сія размолвка не мѣшала блеску пиршества. Новобрачные обѣдали на тронѣ; за ними стояли шѣлохранители съ сѣкирами; Бояре имъ служили. Играла музыка — и Ляхи удивлялись несмѣтному богатству, видя предъ собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли Царя въ гусарскомъ платьѣ, а Царицу въ Польскомъ: ибо оно болѣе нравилось мужу ея, который на канунѣ едва согласился, чтобы Марина, хотя для вѣнчанія, одѣлась Россіянкою[507]. Ввечеру ближніе Мнишковы веселились во внутреннихъ Царскихъ комнатахъ; а въ слѣдующій день (10 Мая) Лжедимитрій принималъ дары отъ Патріарха, Духовенства, Вельможъ, всѣхъ знатныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужестранныхъ, и снова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицемъ къ иноземцамъ, спиною къ Русскимъ[508]. Въ Золотой палатѣ обѣдало 150 Ляховъ, простыхъ воиновъ, но избранныхъ, угощаемыхъ Думными Дворянами: наливъ чашу вина, Лжедимитрій громогласно желалъ славныхъ успѣховъ оружію Польскому, и выпилъ ее до самаго дна[509]. Наконецъ, 11 Мая, обѣдали во дворцѣ и Послы Сигизмундовы съ ревностнымъ мирошвореніемъ, Воеводою Сендомирскимъ, который, убѣдивъ зятя дать Олесницкому первое мѣсто *возлѣ* стола Царскаго, уговорилъ и сего Пана не пребовать

Г. 1606. ничего болѣе и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза съ Россіею. Хотя Лжедимитрій едва было не возобновилъ прѣнія, сказавъ Олесницкому: «я не звалъ «Короля къ себѣ на свадьбу: слѣдственно «ты здѣсь не въ лицѣ его, а только въ «качествѣ Посла;» но Мнишекъ благоразумными представленіями упишилъ зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третій пиръ казался еще пышнѣе. Царь и Царица были въ коронахъ и въ Польскомъ великолѣпномъ нарядѣ. Тутъ обѣдали и женщины: Княгиня Мспиславская, Шуйская[510] и родственницы Воеводы Сендомирскаго, который, забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть: держа шапку въ рукахъ, стоялъ предъ Царицею, и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданный, къ удивленію всѣхъ[511]. Лжедимитрій пилъ здоровье Короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля Царскія вина, но жалуясь на яства Русскія, для нихъ не вкусныя[512]. Послѣ стола откланялись Царю сановники, коимъ надлежало ѣхать къ Шаху Персидскому съ письмами: они цѣловали руку у Лжедимитрія и Марины[513]. — 12 Мая Царица въ своихъ комнатахъ угощала однихъ Ляховъ, пригласивъ только двухъ Россіянъ: Власьева и Князя Василія Мосальскаго. Услуга и кушанья были Польскія, такъ, что Паны, изъявляя живѣйшее удовольствіе, говорили: «мы пируемъ «не въ Москвѣ и не у Царя, а въ Варшавѣ

«или въ Краковѣ у Короля нашего»[514]. Пили и плясали до ночи. Лжедимитрій, въ гусарской одеждѣ, танцовалъ съ женою и съ пестемъ. — Но Царица оказала милость и Россіянамъ: 14 Мая обѣдали у нее Бояре и люди чиновные. Въ сей день она казалась Русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи; спаралась быть и любезною, всѣхъ привѣтствуя и лаская[515]. . . Но привѣтствія уже не трогали сердецъ ожесточенныхъ! — Между тѣмъ не умолкала въ столицѣ музыка: барабаны, литавры, трубы съ утра до вечера оглушали жителей[516]. Ежедневно гремѣли и пушки, въ знакъ веселія Царскаго; не щадили пороху, и въ пять или въ шесть дней истратили его болѣе, нежели въ войну Годунова съ Самозванцемъ. Ляхи также въ забаву спрѣляли изъ ружей, въ своихъ домахъ и на улицахъ, днемъ и ночью, трезвые и пьяные[517]. г. 1606.

Упомленный празднествами, Лжедимитрій хотѣлъ заняться дѣлами, и 15 Мая, въ часъ упра, Послы Сигизмундовы нашли его въ новомъ дворцѣ сидящаго на креслахъ, въ прекрасной голубой одеждѣ, безъ короны, въ высокой шапкѣ, съ жезломъ въ рукѣ, среди множества царедворцевъ[518]: онъ велѣлъ Посламъ итти къ Боярамъ въ другую комнату, чтобы объяснить имъ предложенія Сигизмундовы. Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ, Власьевъ и Дьякъ Грамотинъ бесѣдовали съ ними. Олесницкій, въ Переговоры государственные.

Г. рѣчи плодовитой, Вепхимъ и Новымъ За-
1606. вѣтомъ доказывалъ обязанность Христіанских Монарховъ жить въ союзѣ и пропититься невѣрнымъ; оплакивалъ паденіе Константинополя и несчастіе Іерусалима; хвалилъ великодушное намѣреніе Царя освободить ихъ отъ бѣдственнаго ига, и заключилъ тѣмъ, что Сигизмундъ, пылая усердіемъ раздѣлить съ братомъ своимъ, Димитріемъ, славу такого предпріятія, желаетъ знать, когда и съ какими силами онъ думаетъ итти на Султана? Тапищевъ отвѣтствовалъ: «Король хочетъ знать: вѣ-
«римъ; но хочетъ ли дѣйствительно помо-
«гать непобѣдимому Цесарю въ войнѣ съ
«Турками? сомнѣваемся. Желаніе все вывѣ-
«дать, съ намѣреніемъ ничего не дѣлать,
«кажется намъ только обманомъ и лукав-
«ствомъ.» Удивляясь дерзости Тапищева (который говорилъ невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой перемѣнѣ обстоятельствъ), Послы свидѣтельствовалися Власьевымъ, что не Сигизмундъ Димитрію, а Димитрій Сигизмунду предложилъ воевать Оттоманскую Державу: слѣдственно и долженъ объявить ему свои мысли о способахъ успѣха. Тутъ Россійскіе чиновники оставили Пословъ, ходили къ Лжедимитрію, возвратились, и сказавъ: «самъ Цесарь будетъ гово-
«рить съ вами въ присутствіи Бояръ,» отпустили ихъ домой; но мнимый Цесарь уже не могъ сдержать слова!

Еще Лжедимитрій готовилъ потѣхи новыя; велѣлъ строить деревянную крѣпость съ земляною осыпью внѣ города, за Спрѣпенскими воротами, и вывести туда множество пушекъ изъ Кремля, чтобы 18 Мая представить Ляхамъ и Россіянамъ любопытное зрѣлище приступа, если не кровопролитнаго, то громозвучнаго, коему надлежало заключиться пиршествомъ общенароднымъ. Марина также замышляла особенное увеселеніе для Царя и людей ближнихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца: думала съ своими Польками плясать въ личинахъ[519]. Но Россіяне уже не хотѣли ждать ни той ни другой потѣхи. г. 1606. Замышляемыя потѣхи.

Если Шуйскій отложилъ ударъ до свадьбы Отрепьева съ намѣреніемъ дать ему время еще болѣе возмутить сердца своимъ легкомысліемъ[520], то сіе предвидѣніе исполнилось: новые соблазны для Церкви, Двора и народа умножили ненависть и презрѣніе къ Самозванцу, а наглость Ляховъ все довершила, такъ, что имъ обязанный счастіемъ, онъ ихъ же содѣйствіемъ и погибнулъ! Сіи гости и друзья сего услуживали хитрому Шуйскому, испощая терпѣніе Россіянъ, сколь мало ими уважаемыхъ (какъ мы видѣли), что Мнишекъ нескромно обѣщалъ Боярамъ свою *милость*, и Посолъ Королевскій дерзнулъ поржественно назвать Лжедимитрія твореніемъ Сигизмундовымъ[521]. На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разго- Наглость Ляховъ.

*

Г. 1606. ряченные виномъ Ляхи укоряли Воеводъ нашихъ прусостію и малодушіемъ, хваляся: «мы дали вамъ Царя!» Но Россіяне, сколь ни униженные, сколь ни виновные предъ опечествомъ и добродѣтелію, еще имѣли гордость народную; кипѣли злобою, но удерживались и шептали другъ другу: «часъ «меспи не далеко!» Сего мало: воины Польскіе, и даже чиновнѣйшіе Ляхи, не презвые возвращаясь изъ дворца съ обнаженными саблями, на улицахъ рубили Москвитянъ, безчестили женъ и дѣвицъ, самыхъ благородныхъ, силою извлекая ихъ изъ колесницъ или вламываясь въ домы[522]; мужья, матери вопили, требовали суда. Одного Ляха преступника хотѣли казнить; но товарищи освободили его, умертвивъ палача, и не спрашась закона[523].

Такъ было — и на беззаконіе возспало беззаконіе. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца: теперь удивимся его легкому паденію. Въ то время, какъ онъ безпечно пѣшился и плясалъ съ своими Ляхами — когда головы кружились опъ веселія и мысли запитѣвались парами вина — Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился уже не медлить, и въ тишинѣ ночи призвалъ къ себѣ не только сообщниковъ (изъ коихъ главными именуюпся Князь Василій Голицынъ и Бояринъ Иванъ Куракинъ) — не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей сторонпихъ: Дворянъ Царскихъ, чи-

Ночный совѣтъ въ домѣ Шуйскаго.

новниковъ военныхъ и градскихъ, Сотни- г.
ковъ, Пятидесятниковъ[524], которые еще не 1606.
были въ заговорѣ, благопріятствуя оному единственно въ тайнѣ мыслей. Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ, что отечество и Вѣра гибнутъ отъ Лжедимитрія; извинялъ заблужденіе Россіянъ; извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрига, будетъ добрымъ Властителемъ[525]. «Заблужденіе скоро исчезло,» продолжалъ онъ «— и вы знаете, кто первый дерзнулъ обличать Самозванца; но голова моя лежала «на плахѣ, а злодѣй спокойно величался на «престолѣ: Москва не пронулась!» Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полнаго удостовѣренія въ обманѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Димитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неисповыя, измѣну Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, осквернение храмовъ[526] и святыхъ Обителей, расхищение древней казны Царской, беззаконное супружество и возложение вѣнца Мономахова на Польку *некрещеную* — изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы плѣненной сонмами Ляховъ, — ихъ дерзость и насилія — Шуйскій спрашивалъ, хотятъ ли Россіяне, сложивъ руки, ждать гибели неминуемой: видѣть костелы

Г. 1606. Римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу Липовскую подъ стѣнами Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ея злое господство иноземцевъ[827]? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова готовъ итти на смерть безъ ужаса? Не было ни разгласія, ни безмолвія сомнительнаго: кто не принадлежалъ, тотъ приставалъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, но единодушномъ силою ненависти къ Самозванцу. Положили *избыть* Разстригу и Ляховъ, не боясь ни кляпвопреступленія, ни безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, именемъ отечества, Вѣры, Духовенства, всѣ запрудненія людей совѣстныхъ, и смѣло обѣщали Россіи Царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Сотники и Пятидесятники оптвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ надежныхъ людей[828], призванныхъ ими въ Москву изъ ихъ собственныхъ владѣній, будто бы для того, чтобы они видѣли пышность Царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, готовились — и хотя не было *прямыхъ* доносовъ (ибо доносчики спрашились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движенія заговора, столь многолюднаго?

12 Мая говорили торжественно, на пло- Г. 1606
щадяхъ, что мнимый Димитрій есть Царь *поганый*: не чтитъ святыхъ иконъ, не лю- Дерзкія рѣчи на площади.
битъ набожности, питается гнусными яствами, ходитъ въ церковь нечистый, прямо съ ложа сквернаго, и еще ни однажды не мылся въ банѣ съ своею *поганою* Царицею; что онъ безъ сомнѣнія еретикъ, и не крови Царской[529]. Лжедимитріевы тѣлохранители схватили одного изъ такихъ поносителей и привели во дворецъ: Разстрига велѣлъ Боярамъ допросить его; но Бояре сказали, что сей человѣкъ пьянъ и бредитъ; что Царю не должно уважать рѣчей безумныхъ и слушать Нѣмцевъ-наушниковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣдующіе три дни примѣтно было сильное движеніе въ народѣ: разглашали, что Лже- Волненіе народа.
димитрій для своей безопасности мыслитъ изгубить Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ; что 18 Мая, въ часъ мнимой воинской потѣхи внѣ Москвы, на лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ разстрѣляютъ изъ пушекъ[530]; что столица Россійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ Самозванецъ отдастъ не только всѣ домы Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но и святыя Обители, выгнавъ оттуда Иноковъ и женивъ ихъ на Инокиняхъ. Москвитяне вѣрили; толпились на улицахъ, днемъ и ночью; совѣщевались другъ съ другомъ, и не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ

Г. 1606. какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спуская госпямъ буйнымъ, народъ прибилъ людей Князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависпь къ сему Пану, спаршему изъ друзей Разспригиныхъ[531]. Нѣмцы осперегали Лжедимипрія и Ляховъ; осперегалъ перваго и Басмановъ, одинъ изъ Россіянъ! Но Самозванецъ, желая болѣе всего казапься неуспрашимымъ и пвердымъ на пронѣ въ глазахъ Поляковъ, шупилъ, смѣялся, искренно или припворно, и сказалъ испуганному Воеводѣ Сендомирскому: «какъ вы, Ляхи, малодушны!» а Послamъ Сигизмундовымъ: «я держу въ рукѣ «Москву и Государспво; ничпо не смѣепъ «двинупься безъ моей воли.» Въ полночь, съ 15 на 16 Мая, схвапили въ Кремлѣ щеспь человѣкъ подозрипельныхъ: пыпали ихъ какъ лазутчиковъ, ничего не свѣдали, и Лжедимипрій не счипалъ за нужное усилипь спражу во дворцѣ, гдѣ находилось обыкновенно 50 пѣлохранипелей[532]: онъ велѣлъ другимъ быпь дома въ гоповносши на всякій случай; велѣлъ еще разспавипь Спрѣльцевъ по улицамъ для охраненія Ляховъ, чпобы успокоипь шестія, докучавшаго ему и Маринѣ своею боязнію. — 16 Маія иноземцы уже не могли купипь въ госпиномъ дворѣ ни фунпа пороху и никакого оружія[533]. всѣ лавки были для нихъ заперты. Ночью, на канунѣ рѣшипельнаго дня, вкралось въ

Спокойствіе Лжедимипрія.

Г. 1606, Измѣна войска.

Москву съ разныхъ сторонъ до 18 тысячь воиновъ, которые стояли въ полѣ, верстахъ въ шести отъ города, и должны были итти въ Елецъ, но присоединились къ заговорщикамъ[534]. Уже дружины Шуйскаго въ сію ночь овладѣли двѣнадцатью воротами Московскими, ни кого не пуская въ столицу, ни изъ столицы; а Лжедимитрій еще ничего не зналъ, увеселяясь въ своихъ комнатахъ музыкою[535]. Самые Поляки, хотя и не чуждые опасенія, мирно спали въ домахъ, уже *ознаменованныхъ* для кровавой мести: Россіяне скрытно поставили знаки на оныхъ, въ цѣль удара. Нѣкоторые изъ Пановъ имѣли собственную стражу, другіе надѣялись на Царскую: но Стрѣльцы, ихъ хранители, или сами были въ заговорѣ или не думали кровію Русскою спасать иноплеменниковъ пропивныхъ. Ночь мановалась безъ сна для большей части Москвитянъ[536]: ибо градскіе чиновники ходили по дворамъ съ тайнымъ приказомъ, чтобы всѣ жители были готовы стать грудью за Церковь и Царство, ополчились и ждали набата. Многіе знали, многіе и не знали, чему быть надлежало, но угадывали и съ ревностію вооружались, чѣмъ могли, для великаго и святаго подвига, какъ имъ сказали. Сильнѣе, можетъ быть, всего дѣйствовала въ народѣ ненависть къ Ляхамъ; дѣйствовалъ и стыдъ имѣть Царемъ бродягу, и страхъ быть жертвою его безумія, и, наконецъ, самая

По-слѣдняя ночь для Самозванца.

г. 1606. прелесть бурнаго мятежа для страстей необузданныхъ.

Возстаніе Москвы. 17 Мая, въ четвертомъ часу дня[537], прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколъ сперва у Св. Иліи, близь двора гостинаго, въ одно время загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близь лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ Князей и Воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ[538], и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечь, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: «во имя Божіе идите на злаго ере«тика!» указалъ имъ дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина. Пробужденный звукомъ набата[539], Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, спѣшитъ одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ

свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей Бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ: на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: «веди насъ къ «Самозванцу! выдай намъ своего бродягу!» Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ, и въ отчаяніи прибѣжавъ къ Разстригѣ, сказалъ ему: «Все кончилось! «Москва бунтуетъ: хотятъ головы твоей: «спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!» Въ слѣдъ за нимъ ворвался въ Царскіе покои одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками, пребуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, далъ отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ[540]: Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ: «я вамъ не «Годуновъ!» Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще, во внутреннихъ

Г. 1606.

Г. 1606. комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ[541]: иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ попъ, кому на канунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ опбивалъ двери Басмановъ вторично вышелъ къ нему — увидѣлъ Бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ людей Разстригиныхъ: Князей Голицыныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость Царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Тапищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ:« злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ твоим Царемъ[542]!» и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца .... судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Гибель Басманова.

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ Разстриги и не находилъ: доколѣ смѣлый и неустрашимый, Самозванецъ, въ смятеніи ужаса кинувъ свой мечь, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы и не видя инаго спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ

окно на Житный дворъ[545] — вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову, и лежалъ въ крови. Г. 1606.
Тутъ узнали его Стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ, и не участвовали въ заговорѣ: они взяли Разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, опливали водою, изъявляли жалость[544]. Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастіе, и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя: молилъ Стрѣльцевъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство и чины. Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей: хотѣли взять Разстригу; но Стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства Царицы-Инокини, говоря: «если онъ сынъ ея, то мы умремъ «за него; а если Царица скажетъ, что онъ «Лжедимитрій, то воленъ въ немъ Богъ[545]. Сіе условіе было принято. Мнимая мать Самозванцева, вызванная Боярами изъ келліи, торжественно объявила народу, что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ[546]. Призвали и родственниковъ ея, Нагихъ: они сказали то же, вмѣстѣ съ нею винясь предъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе удостовѣрить Свидѣтельство Царицы Инокини.

Г. 1606. народъ, Марѳа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, которое у нее хранилось[547] и ни мало не сходствовало съ черпами лица Разстригина.

Тогда Стрѣльцы выдали обманщика, и Бояре велѣли нести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ стражею: заплакалъ и протянулъ къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность[548]. Одинъ изъ сихъ Нѣмцевъ, Ливонскій Дворянинъ Фирстенбергъ, пѣснился сквозь толпу къ Самозванцу, и былъ жертвою озлобленія Россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей: но Бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ — и въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ: ибо народъ уже сорвалъ съ него одежду Царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи; слышали только какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: «кто ты, злодѣй?» отвѣчалъ: «вы знаете: «я Димитрій» — и ссылался на Царицу-Инокиню; слышали, что Князь Иванъ Голицынъ[549] возразилъ: «ея свидѣтельство уже «намъ извѣстно: она предаетъ тебя казни.» Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: «несите меня на лобное мѣсто: тамъ объ- «явлю истину всѣмъ людямъ[550]». Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится[551] — и два выстрѣла прекратили до-

Судъ, доиказнь Лжедимитрія.

просъ вмѣспѣ съ жизнію Опрепьева (его убили Дворяне[552] Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа бросилась перзапь мерпваго; сѣкли мечами, кололи прупъ бездушный и кинули съ крыльца на пѣло Басманова, восклицая: «будьпе неразлучны «и въ адѣ! вы здѣсь любили другъ друга!» Яроспная чернь схвапила, извлекла сіи нагіе прупы изъ Кремля и положила близъ лобнаго мѣспа: Разспригу на сполѣ, съ маскою, дудкою и волынкою, въ знакъ любви его къ скоморошеспу и музыкѣ; а Басманова на скамьѣ, у ногъ Разспригиныхъ[553]. 1606.

Щадятъ Марину.

Совершивъ главное дѣло, испребивъ Лжедимипрія, Бояре спасли Марину. Изумленная превогою и шумомъ — не имѣвъ времени одѣпься — спрашивая, чпо дѣлаепся, и гдѣ Царь? слыша наконецъ о смерпи мужа, она въ безпамяпспвѣ выбѣжала въ сѣни: народъ вспрѣпилъ ее, не узналъ и сполкнулъ съ лѣсницы. Марина возвращилась въ свои комнапы, гдѣ была ея Польская Гофмейсперина съ Шляхепками, и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) споялъ въ дверяхъ съ обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умерпвили его, и Марина лишилась бы жизни или чеспи, если бы не приспѣли Бояре, копорые выгнали неисповѣхъ, и взявъ, опечапавъ все доспояніе бывшей Царицы, дали ей спражу для безопасноспи[554]; не могли однакожь

Г. 1606. или не хотѣли унять кровопролитія: убійства только начинались!

Убійства. Еще при первомъ звукѣ набата воины окружили домы Ляховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а Паны безпечно и крѣпко спали, такъ, что слуги едва могли разбудить ихъ — и самаго Воеводу Сендомирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предосперегалъ зятя. Вишневецкій, сынъ его, Князь Вишневецкій, Послы Сигизмундовы, угадывая вину и цѣль мятежа, спѣшили вооружить людей своихъ: иные прятались, или въ оцѣпенѣніи ждали, что будетъ съ ними, и скоро услышали вопль: «смерть Ляхамъ!» Пылая злобою, умертвивъ въ Кремлѣ музыкантовъ Разстригиныхъ[555], опустошивъ домъ Іезуитовъ, исперзавъ Духовника Маринина, служившаго Обѣдню, народъ устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили Поляки, и нѣсколько часовъ плавалъ въ крови ихъ, алчно наслаждаясь ужасною местію, противною великодушію, если и заслуженною. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія прогапѣльныя не спасали; Поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражденныхъ рогатками и копьями. Сіи несчастные, на канунѣ гордые, лобызали ноги Россіянъ, требовали милосердія име-

немъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ жент и дѣтей; отдавали все, что имѣли — клялися прислать и болѣе изъ отечества[856]: ихъ не слушали и рубили. Изсѣченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни: напрасно! Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находились Священники и Монахи переодѣтые; они вопили: «губите ненавистниковъ нашей Вѣры»[857]! Лилася и кровь Россіянъ: отчаяніе вооружало убиваемыхъ, и губители падали вмѣстѣ съ жертвами. Не тронувъ жилища Пословъ Сигизмундовыхъ, народъ приступалъ къ домамъ Мнишковъ и Князя Вишневецкаго, коихъ люди защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ: уже Москвитяне везли пушки, чтобы разбить сіи домы въ щепы и не оставить въ нихъ ни одного человѣка живаго; но тутъ явились Бояре и велѣли прекратить убійства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, усмиряя народъ, и всюду разсылая Стрѣльцевъ для спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ Боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ Князь Василій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишневецкаго[858], другіе Мнишка. Именемъ Государственной Думы сказали Посламъ Сигизмундовымъ, что Лжедимитрій, обманувъ Литву и Россію, но скоро изобличивъ себя дѣлами неисповыми,

1606. Г.

Бояре утишаютъ мятежъ.

г. казненъ Богомъ и народомъ, который въ
1606. самомъ безпорядкѣ и смятеніи уважилъ священный санъ мужей, представляющихъ лице своего Монарха, и мстилъ единственно ихъ наглымъ единоземцамъ, пріѣхавшимъ злодѣйствовать въ Россію[559]. Сказали Воеводѣ Сендомирскому: «Судьба «Царствъ зависитъ отъ Всевышняго, и «ничто не бываетъ безъ Его опредѣленія: «такъ въ сей день совершилась воля Бо- «жія: кончилось царство бродяги, и добы- «ча исторгнута изъ рукъ хищника! Ты, «его опекунъ и наставникъ — ты, кото- «рый привелъ обманщика къ намъ, чтобы «возмутитъ Россію мирную — не до- «стоинъ ли участи сего злодѣя? не до- «стоинъ ли такой же казни? Но хвалися «счастіемъ: ты живъ, и будешь цѣлъ; «дочь твоя спасена — благодари Небо»[560]! Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сендомирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обагренныхъ кровію его соотечественниковъ; но Москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію: побѣда укротила злобу.

Еще смятеніе продолжалось нѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ деревень стремилось множество

людей съ дрекольемъ въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе Липовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ пвердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя Ляховъ какъ плѣнниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ упра[561], все запихло. Велѣли народу смириться, и народъ, упомленный мятежемъ, спѣшилъ домой, отдыхать и говорить въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для пѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ: «въ теченіе семи «часовъ,» пишутъ они, «мы не слыхали «ничего кромѣ набата, стрѣльбы, стука «мечей и крика: *съки*, *руби злодѣевъ!* не «видали ничего, кромѣ волненія, бѣганія, «скаканія, смертоубійства и мятежа»[562]. Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненныхъ; но знатнѣйшіе Ляхи осталися живы, многіе въ рубашкахъ и на-соломѣ. Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцевъ Аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ Миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ Ляхами[563]. Сей для человѣчества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы Ляхи остереглися, успѣли соединиться для отчаянной бит- г. 1606.

Г. 1606. вы и зажгли городъ[564], къ несчастію Москвы и собственному: ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести Россіянъ; слѣдственно безпечность Ляховъ уменьшила бѣдствіе.

До самаго вечера Москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавленіемъ Россіи отъ Самозванца и Поляковъ, хвалились своею доблестію и «не думали» (говоритъ Лѣтописецъ) «благодаритъ Всевышняго: храмы были затворены»[565]! Радуясь настоящему, не превожились о будущемъ — и послѣ такого бурнаго дня наспала ночь совершенно тихая[566]: казалось, что Москва вдругъ опустѣла; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго: одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертвой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло яростнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровію, и тѣла лежали грудами; а народъ покоился какъ бы среди глубокаго мира и не прерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наслѣдника — опятнавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнценосцу угрожая претьею!

Глубокая тишина ночи.

Козни властолюбія.

Но въ семъ безмолвіи бодрствовало властолюбіе съ своими обольщеніями и кознями, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа и смертоубійства: на вѣнецъ и

скипетръ, обагренные кровію двухъ по- г.
слѣднихъ Царей. Легко было предвидѣть, 1606
кто возметъ сію добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстрашный въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, Герой, Глава народнаго воспанія, Князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха, Александра Невскаго; вторый Бояринъ мѣстомъ въ Думѣ, первый любовію Москвитянъ и достоинствами личными, Василій Шуйскій могъ ли еще остаться простымъ царедворцемъ, и послѣ *такой* отваги, съ *такою* знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними Вельможами. Старѣйшій изъ нихъ, Князь Ѳедоръ Мстиславскій, отличаясь добродушіемъ, честностію, мужествомъ, еще болѣе отличался смиреніемъ или благоразуміемъ; не хотѣлъ слышать о Державномъ санѣ и говорилъ друзьямъ: «если меня избе«рутъ въ Цари, то немедленно пойду въ «Монахи»[567]. Сказаніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ Историковъ[568], что Бояринъ Князь Иванъ Голицынъ, имѣя многихъ знатныхъ родственниковъ и величаясь своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина Литовскаго, вмѣстѣ съ Шуйскимъ искалъ короны, едва ли достойно вѣроятія, будучи несогласно съ извѣстіями очевидцевъ. Сообщникъ Бас-

манова, коего обнаженное тѣло въ сіи часы лежало на площади, загладилъ ли измѣну измѣною, предавъ юнаго Ѳеодора, предавъ и Лжедимитрія? Не равняясь ни сановитостію, ни заслугами, могъ ли равняться и числомъ усердныхъ клевретовъ съ тѣмъ, кто безъ имени Царя уже началъ-ствовалъ въ день рѣшительный для отечества, велъ Москву и побѣдилъ съ нею? Имѣя силу, имѣя право, Шуйскій употребилъ и всѣ возможныя хитрости: далъ наставленія друзьямъ и приверженникамъ, что говорить въ Синклитѣ и на Лобномъ мѣстѣ, какъ дѣйствовать и править умами; самъ изготовился, и въ слѣдующее утро, собравъ Думу[563], произнесъ, какъ увѣряютъ, рѣчь весьма умную и лукавую: славилъ милость Божію къ Россіи, возвеличенной Самодержцами Варяжскаго племени; славилъ особенно разумъ и завоеванія Іоанна IV, хотя и жестокаго; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностію, пріобрѣтенною имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое властолюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, которая была виною успѣховъ Лжедимитрія и принудила Бояръ слѣдовать общему движенію. «Но мы,» говорилъ Шуйскій, «загладили «сію слабость, когда насталъ часъ уме-

Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ.

1606.

«репь или спаспи Россію. Жалѣю, чпо г. 1606.
«я, предупредивъ другихъ въ смѣлоспи,
«обязанъ жизнію Самозванцу: онъ не имѣлъ
«права, но могъ умерпвипь меня, и поми-
«ловалъ, какъ разбойникъ милуепъ иногда
«спранника. Признаюсь, чпо я колебался,
«боясь упрека въ неблагодарноспи; но
«гласъ совѣспи, Вѣры, опечеспва, воору-
«жилъ мою руку, когда я увидѣлъ въ васъ
«ревноспь къ великому подвигу. Дѣло на-
«ше есть правое, необходимое, свяпое; оно,
«къ несчаспію, пребовало крови: но Богъ
«благословилъ насъ успѣхомъ — слѣдспвен-
«но оно Ему угодно! . . . Теперь, избывъ
«злодѣя, ерепика, чернокнижника, должны
«мы думапь объ избраніи доспойнаго Вла-
«спипеля. Уже нѣпъ племени Царскаго,
«но есть Россія: въ ней можемъ снова най-
«пи угасшее на пресполѣ. Мы должны
«искапь мужа знаменипаго родомъ, усерд-
«наго къ Вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ обы-
«чаямъ, добродѣпельнаго, опыпнаго, слѣд-
«спвенно уже не юнаго — человѣка, копо-
«рый, пріявъ вѣнецъ и скипепръ, любилъ
«бы не роскошь и пышноспь, но умѣрен-
«носпь и правду, ограждалъ бы себя не
«копьями и крѣпоспями, но любовію под-
«данныхъ; не умножалъ бы золопа въ каз-
«нѣ своей, но избыпокъ и довольспвіе на-
«рода счипалъ бы собспвеннымъ богап-
«спвомъ. Вы скажепе, чпо пакого чело-
«вѣка найпи прудно: знаю, но добрый

Г. 1606. «гражданинъ обязанъ желать совершен-
«ства, по крайней мѣрѣ возможнаго, въ
«Государѣ.»

Всѣ знали, видѣли, чего хотѣлъ Шуйскій: никто не дерзалъ явно противиться его желанію; однакожь многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы нельзя приступить къ дѣлу столь важному; что должно собрать въ Москвѣ Чины Государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избраніи Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать Царство[370]. Сіе мнѣніе было основательно и справедливо: вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго; но онъ не имѣлъ терпѣнія, и друзья его возражали, что время дорого; что Правительство безъ Царя какъ безъ души, а столица въ смятеніи; что надобно предупредить и всеобщее смятеніе Россіи немедленнымъ врученіемъ скиптра достойнѣйшему изъ Вельможъ; что гдѣ Москва, тамъ и Государство; что нѣтъ нужды въ совѣтѣ, когда всѣ глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя... Симъ именемъ огласилась вдругъ и Дума и Красная площадь. Не всѣ избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 Мая, во второмъ часу дня, звукъ литавръ, трубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго Монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее Дворянство вывели Князя Василія Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ люди воинскіе и граж-

Избраніе новаго Царя.

дане, гостіи и купцы, особенно къ нему у- г.
сердные, привѣтствовали его уже какъ 1606.
отца Россіи. . . тамъ, гдѣ еще недавно лежала голова Шуйскаго на плахѣ, и гдѣ въ сей часъ лежало окровавленное тѣло Разстригино! Подобно Годунову изъявляя скромность, онъ хотѣлъ, чтобы Синклитъ и Духовенство прежде всего избрали Архипастыря для Церкви, на мѣсто Лжесвятителя Игнатія. Толпы восклицали: «Государь нужнѣе Патріарха для отечества!» и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія, въ коемъ Митрополиты и Епископы ожидали и благословили его на Царство[571]. Все сдѣлалось такъ скоро и спѣшно, что не только Россіяне иныхъ областей, но и многіе именитые Москвитяне не участвовали въ семъ избраніи — обстоятельство несчастное: ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смятеній, которыя ожидали Шуйскаго на престолѣ, къ новому стыду и бѣдствію отечества!

Въ день государственнаго торжества едва успѣли очистить столицу отъ крови и трупов: вывезли, схоронили ихъ за городомъ[572]. Трупъ Басманова отдали родственникамъ для погребенія у церкви Николы Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юности. Тѣло Самозванца, бывъ при дни предметомъ любопытства и ругательствъ на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близъ большой дороги[573]. Но Судь-

Г. 1606. ба не дала ему мирнаго убѣжища и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 Мая были тогда жестокіе морозы, вредные для садовъ и полей: суевѣріе приписывало пакую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-то ужасныя явленія надъ его могилою [574]: чтобы пресѣчь сію молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на Коплахъ, и смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки, въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву съ великолѣпіемъ[575]! Вѣтеръ развѣялъ бренные остатки злодѣя; но примѣръ остался: увидимъ слѣдствія!

Развѣяніе Самозванцева праха.

Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

Описавъ исторію сего перваго *Лжедимитрія*, должны ли мы еще увѣрять *внимательныхъ* Читателей въ его обманѣ? Не явна ли для нихъ истина сама собою въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Только пристрастные иноземцы, ревностно служивъ обманщику, ненавидя его истребителей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительный сынъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь законный, — хотя Россіяне, казнивъ и бродягу, не могли хвалиться своимъ дѣломъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги: ибо святость ея нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ, и вѣроломство есть всегда преступленіе. Не довольные укоризною справедливою, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрѣпили доводами

благовидными, въ пищу умамъ наклоннымъ къ *историческому вольнодумству*, къ сомнѣнію въ несомнипельномъ, пакъ, чпо и въ наше время еспь люди, для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ остаепся еще нерѣшеннымъ. Можепъ быпь, предспавивъ всѣ главныя черпы испины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе силы, если не для совершеннаго убѣжденія *всѣхъ* Чипапелей, по по крайней мѣрѣ для нашего собспвеннаго оправданія, чпобы они не укоряли насъ слѣпою вѣрою къ приняпому въ Россіи мнѣнію, основанному будпо бы на доказапельспвахъ слабыхъ. Г. 1606.

Выслушаемъ защипниковъ *Лжедимипріе*вой памяпи. Они разсказываюпъ сдѣдующее[576]: «Годуновъ, предпріявъ умерпвипь Ди«мипрія, за пайну объявилъ свое намѣреніе «Царевичеву Медику, спарому Нѣмцу, име«немъ Симону, копорый, припворно давъ «слово учаспвовапь въ семъ злодѣйспвѣ, «спросилъ у девяпилѣпняго Димипрія, «имѣепъ ли онъ сполько душевной силы, «чпобы снеспи изгнаніе, бѣдспвіе и нище«шу, если Богу угодно будепъ искусипь «оными пвердоспь его? Царевичь опвѣпспво«валъ: *имѣю*; а Медикъ сказалъ: *Въ сію ночь «хотятъ тебя умертвить. Ложась спать, «обмѣняйся бѣльемъ съ юнымъ слугою, тво«имъ ровесникомъ; положи его къ себѣ на «ложе, и скройся за печь; чтобы ни случи«лось въ комнатѣ, сиди безмолвно, и жди*

Г. 1606. «*меня*. Димитрій исполнилъ предписаніе. «Въ полночь отворилась дверь: вошли два «человѣка, зарѣзали слугу вмѣсто Царевича «и бѣжали. На разсвѣтѣ увидѣли кровь и «мертваго: думали, что убитъ Царевичь, «и сказали о томъ матери. Сдѣлалась пре«вога. Царица кинулась на трупъ, и въ «отчаяніи не узнала, что сей мертвый от«рокъ не сынъ ея. Дворецъ наполнился «людьми: искали убійцъ; рѣзали виновныхъ «и невинныхъ; отнесли тѣло въ церковь, «и всѣ разошлися. Дворецъ опустѣлъ, и Ме«дикъ въ сумерки вывелъ оттуда Дими«трія, чтобы спастися бѣгствомъ въ Украй«ну, къ Князю *Ивану Мстиславскому, ко«торый жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со вре«менъ Іоанновыхъ*. Чрезъ нѣсколько лѣтъ «Докторъ и Мстиславскій умерли, давъ со«вѣтъ Димитрію искать безопасности въ «Литвѣ. Сей юноша приспалъ къ спрашивающимъ Инокамъ: былъ съ ними въ «Москвѣ, въ землѣ Волошской[577], и наконецъ «явился въ домѣ Князя Вишневецкаго.» Извѣстно, что и самъ Разстрига приписывалъ свое чудесное спасеніе Докторy[578]; но сочинители сей басни не знали, что Князь Иванъ Мстиславскій умеръ Инокомъ Кириловской Обители еще въ 1586 году[579], и что Іоаннъ никогда не ссылалъ его въ Украйну. Другіе изобрѣтатели называютъ Медика спасителя Августиномъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей

ученыхъ, копорые жили погда въ Угличѣ[580], и бѣжалъ съ Царевичемъ къ Ледовипому морю, въ пустынную Обипель. Еще другіе пишупъ, чпо сама Царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощію своего иноземнаго Дворецкаго (родомъ изъ Кельна), пайно удалила Димипрія и въ его мѣспо взяла Іерейскаго сына[581]. Всѣ пакія сказки основаны на предположеніи, чпо убійспво совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознапь жерпвы: и въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чпобы слуги Царицыны (не говоримъ объ ней самой) и жипели Углича, не рѣдко видавъ Димипрія въ церкви[582], обманулись въ убипомъ, коего пѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичь убипъ въ полдень: кѣмъ? злодѣями, копорые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчаспнаго младенца . . . и кпо предалъ его на убіеніе? мамка: опъ колыбели до могилы Димипрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обспояпельспва ясно, не сомнипельно упверждены свидѣпельспвомъ Лѣпописцевъ и допросами цѣлаго Углича, сохраненными въ нашемъ Государспвенномъ Архивѣ. 1596.

Если Разсприга не былъ самозванецъ; по для чего же онъ, сѣвъ на пресполѣ, не удовлепворилъ народному любопыпспву знапь всѣ подробноспи его судьбы чрезвычайной? Для чего не объявилъ Россіи о мѣспахъ своего убѣжища, о своихъ воспипапеляхъ и

Г. хранителяхъ въ теченіе двѣнадцати и при-
1606. надцати лѣтъ, чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Никакою безпечностію не возможно изъяснить столь важнаго упущенія. Манифесты или грамоты Лжедимитріевы внесены въ лѣтописи, и даже подлинники ихъ цѣлы въ Архивахъ[583]: слѣдственно не льзя съ вѣроятностію предположить, чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчалъ, ибо не имѣлъ свидѣтельствъ *истинныхъ*, и думалъ, что, признанный Царемъ, безопасно можетъ не прудить себя вымысломъ *ложнымъ*. Въ Литвѣ говорилъ онъ, что въ спасеніи его участвовали нѣкоторые Вельможи и Дьяки Щелкаловы: сіи Вельможи остались безъ извѣстной награды и неизвѣстными для Россіи; а Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными Борисова царствованія, хотя и снова явился у двора, однакожъ не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Разстригу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники: отъ чего и палъ онъ съ такою легкостію!

«Но Царица-Инокиня Марѳа признала сына «въ томъ, кто назывался Димитріемъ?» Она же признала его и самозванцемъ: первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, не откровеннымъ[584], выраженнымъ для народа только слезами умиленія и ласками къ Разстригѣ, невольная Монахиня возвращала себѣ достоинство Царицы; вторымъ, торжественнымъ, клятвеннымъ, въ случаѣ лжи

мапь предавала сына злой смерпи: копорое г. же изъ двухъ досповѣрнѣе? и чпо поняшнѣе, 1606. обыкновенная ли слабоспь человѣческая или дѣйспвіе ужасное, споль нееспеспвенное для горячноспи родипельской? Геройспво знаменипой жены Лигурійской, копорая, скрывъ сына опъ яроспи непріяпелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: *здѣсь въ моей утробѣ*, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища[585] — сіе геройспво, прославленное Римскимъ Испорикомъ, прогаепъ, но не изумляепъ насъ: видимъ мапь! Не удивились бы мы пакже, если бы Царица-Инокиня, спасая испиннаго Димипрія кинулась на копья Москвипянъ съ восклицаніемъ: *онъ сынъ мой*! И ей не грозили смерпію за правду: грозили единспвенно судомъ Божіимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій пого, кпо чпилъ ее какъ испинную мапь и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лжедимипрія на смерпь, Марѳа осуждала и себя на спыдъ вѣчный, какъ учаспницу обмана — и не усомнилась: ибо имѣла еще совѣспь, и перзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣпь чего споипъ всякое беззаконіе для сердца! — Замѣпимъ еще обспояпельспво доспойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лжедимипрія и былъ спасенъ опъ казни неопспупнымъ моленіемъ Царицы-Инокини[586], съ явною опасноспію для ея мнимаго сына,

Г. изобличаемаго имъ въ самозванствѣ: кле-
1606. вепникъ измѣнникъ могъ ли бы имѣпь право на пакое ревноспное заспупленіе? Но спасеніе Героя испины умиряло совѣспь виновной Мароы. Къ сему прибавимъ вѣрояпное сказаніе одного Писапеля иноземнаго (находившагося погда въ Москвѣ), чпо Разсприга велѣлъ-было извергнупь пѣло Димипріево изъ Углицкаго Соборнаго храма и погребспи въ другомъ мѣспѣ, какъ пѣло мнимаго Іерейскаго сына, но чпо Царица-Инокиня не дозволила ему сдѣлапь пого, ужасаясь мысли опняпь у мерпваго, испиннаго ея сына Царскую могилу[587].

Возражаюпъ еще: «Король Сигизмундъ «не взялъ бы споль живаго учаспія въ судьбѣ «обманщика, и Вельможа Мнишекъ не выдалъ «бы дочери за бродягу;» но Король и Мнишекъ могли быпь легковѣрны въ случаѣ обольспипельномъ для ихъ спраспей: Сигизмундъ надѣялся дапь Россіянамъ Царя-Каполика, взысканнаго его милоспію, а Воевода Сендомирскій видѣпь дочь на прespолѣ Московскомъ. И кпо знаепъ, чпо они дѣйспвипельно не сомнѣвались въ высокомъ родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣе правды. Король не дерзнулъ *торжественно* признапь Лжедимипрія испиннымъ до его рѣшипельнаго успѣха, и Воевода Сендомирскій, сдѣлавъ полько опыпъ, пожерпвовавъ часпію своего богапспва надеждѣ величія, оспавилъ будущаго зяпя, когда увидѣлъ сопропивленіе Россіянъ. Сигизмундъ и Мни-

шекъ обманулись, можетъ быть, не во Г. мнѣніи о правахъ, но единственно во мнѣ- 1606.
ніи о счастіи или благоразуміи Самозванца, думавъ, что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ, данный ему измѣною и заблужденіемъ: для того Король спѣшилъ громогласно объявить себя виновникомъ Разстригина Державства, и Панъ Вельможный быть пестемъ Царя, хотя бы и племени Отрепьевыхъ. Похитителями въ ихъ силѣ и благоденствіи гнушаются не страсти мірскія, но только чистая совѣсть и добродѣтель уединенная.

Убѣдительнѣе ли и сужденіе тѣхъ друзей Лжедимитрія, которые говорятъ: «войско, «Бояре, Москва, не приняли бы его въ Ца- «ри безъ сильныхъ доказательствъ, что онъ «сынъ Іоанновъ[588]?» Но войско, Бояре, Москва и свергнули его какъ уличеннаго самозванца: для чего вѣритъ имъ въ первомъ случаѣ и не вѣритъ въ послѣднемъ? Въ обоихъ конечно дѣйствовало удостовѣреніе, основанное на доказательствахъ; но люди и народы всегда могли ошибаться, какъ свидѣтельствуетъ Исторія . . . и самаго Лжедимитрія.

Напомнимъ читателямъ, что знаменитѣйшій изъ клеврetовъ и единственный вѣрный другъ Разстриги въ бесѣдахъ искреннихъ не скрывалъ его самозванства: такое важное признаніе слышалъ и сообщилъ потомству Нѣмецкій Паспоръ Беръ, который любилъ, усердно славилъ Лжедимитрія, или

Г. 1606. клялъ Россіянъ за убіеніе Царя, хотя и не сына Іоаннова[589]. Сей же очевидецъ погдашнихъ дѣяній предалъ намъ слѣдующія, не менѣе доспопамяпныя свидѣпельспва испины:

1) «Голландскій Аппекарь Арендъ Клау-«зендъ[590], бывъ 40 лѣпъ въ Россіи, слу-«живъ Іоанну, Ѳеодору, Годунову, Самозван-«цу, и лично знавъ, ежедневно видавъ Дими-«прія во младенчеспвѣ, сказывалъ мнѣ «упвердипельно, чпо мнимый Царь Дими-«прій еспь совсѣмъ другой человѣкъ, и не «походипъ на испиннаго, имѣвшаго смуглое «лице и всѣ черпы мапери, съ копорою «Самозванецъ ни мало не сходспвовалъ. — «2) Въ шомъ же увѣряла меня Ливонская «плѣнница, Дворянка Тизенгаузенъ, освобож-«денная въ 1611 году, бывъ повивальною «бабкою Царицы Маріи, служивъ ей днемъ «и ночью, не полько въ Москвѣ, но и въ «Угличѣ — непрестанно видавъ Димипрія «живаго, видѣвъ и мерпваго. — 3) Скоро «по убіеніи Лжедимипрія выѣхалъ я изъ «Москвы въ Угличь, и разговаривая памъ «съ однимъ маспипымъ спарцемъ, бывшимъ «слугою при дворѣ Маріи, заклиналъ его «объявипь мнѣ испину о Царѣ убипомъ. «Онъ вспалъ перекреспился и пакъ опп-«вѣпспвовалъ: *Москвитяне клялися ему «въ вѣрности и нарушили клятву: не хва-«лю ихъ. Убитъ человѣкъ разумной и хра-«брый, но не сынъ Іоанновъ, дѣйствительно*

«зарѣзанный въ Угличѣ: я видѣлъ его мер- Г.
«твaго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ 1606.
«онъ всегда игрывалъ. Богъ судія Князьямъ
«и Боярамъ нашимъ: время покажетъ, бу-
«демъ ли счастливѣе.»

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ извѣстнаго Шведа Петрея, который былъ Посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично зналъ Самозванца и пишетъ, что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать[591]; а Димитрій родился въ 1582 году, и слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Однимъ словомъ, несомнительныя, историческія и нравственныя доказательства убѣждаютъ насъ въ истинѣ, что мнимый Димитрій былъ самозванецъ. Но представляется другой вопросъ: кто же именно? дѣйствительно ли Разстрига Отрепьевъ? Многіе иноземцы-современники не хотѣли вѣрить, чтобы бѣглый Инокъ Чудовской Обители могъ сдѣлаться вдругъ мужественнымъ витяземъ, неустрашимымъ бойцемъ, искуснымъ всадникомъ, и многіе считали его Полякомъ или Трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ Героя Баторія, воспитанникомъ Іезуитовъ, утверждаясь на мнѣніи нѣкоторыхъ знатныхъ Ляховъ[592], и прибавляя, что онъ не чисто говорилъ языкомъ Русскимъ: мнѣніе явно несправедливое, когда современныя донесенія Іезуитовъ къ

Г. 1606. ихъ начальспву свидѣпельспвуюпъ, чпо они узнали его въ Липвѣ уже подъ именемъ Димипрія, и не Каполикомъ, а сыномъ Греческой Церкви[593]. Никпо изъ Россіянъ не упрекалъ Самозванца худымъ знаніемъ языка нашего, коимъ онъ владѣлъ совершенно, говорилъ правильно, писалъ съ легкосшію[594], и не уступалъ никакому Дьяку погдашняго времени въ красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя нѣсколько подписей Самозванцевыхъ[595], видимъ въ Лапинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ Русскихъ пвердую, масперскую, кудрявый почеркъ грамопѣя Приказнаго, каковъ былъ Опрепьевъ, книжникъ Папріаршій. Возраженіе, чпо келліи не производяпъ випязей, уничпожаепся испоріею его юносши: одѣваясь Инокомъ, не велъ ли онъ жизнь смѣлаго дикаря, скипаясь изъ пусшыни въ пусшыню, учась безспрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ разбойникомъ подъ хоругвію Козаковъ Днѣпровскихъ? Если нѣкопорые изъ людей, ослѣпленныхъ личнымъ къ нему приспраспіемъ, находили въ Лжедимипріи какое-по *величіе*[596], необыкновенное для человѣка рожденнаго въ низкомъ сосшояніи, по другіе хладнокровнѣйшіе наблюдашели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлосши, не изглаженные ни обхожденіемъ съ знашными Ляхами, ни счасшіемъ нравишься Мнишковой дочери. Съ

умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и г. 1606.
быспрымъ, даромъ слова, знаніями школьника и грамошѣя соединяя рѣдкую дерзосшь, силу души и воли, Самозванецъ былъ однакожь худымъ лицедѣемъ на пресполѣ, не только безъ основашельныхъ свѣденій въ государспвенной наукѣ, но и безъ всякой сановипосши благородной: сквозь великолѣпіе Державспва проглядывалъ въ Царѣ бродяга. Такъ судили объ немъ и Поляки безприспрасшные[597]. — Доселѣ мы могли запрудняпься однимъ важнымъ свидѣшельспвомъ: извѣсшный въ Европѣ Капишанъ Маржерешъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшесшвія собспвенными глазами, увѣрялъ Генрика IV, знаменишаго Испорика де Ту и чишашелей своей книги о Московской Державѣ, чшо Григорій Опрепьевъ былъ не Лжедимишрій, а со всѣмъ другой человѣкъ, копорый съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Липву, и съ нимъ же возвращился въ Россію, велъ себя неприспойно, пьянспвовалъ, упошреблялъ во зло благосклонносшь его, и сосланный имъ за по въ Ярославль, дожилъ шамъ до воцаренія Шуйскаго[598]. Нынѣ опыскавъ новыя современныя преданія испорическія, изъясняемъ Маржерешово сказаніе обманомъ Монаха Леонида, копорый назвался именемъ Опрепьева для увѣренія Россіянъ, чшо Самозванецъ не Опрепьевъ[599]. Царь Годуновъ имѣлъ способы опкрышь испину: шысячи

Г. 1606. лазупчиковъ, ревностно служили ему не полько въ Россіи, но и въ Липвѣ[600], когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удосповѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще упвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ[601]; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію, уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ униженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ и память стыда необыкновенною славою.

Конецъ XI Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ XI ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. грамоту Іова Патріарха къ Гермогену, Митрополиту Казанскому (въ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ, между *историческими дѣлами* г. 1598, No 1), также же Мих. Шиля Relation 458, и Борисову Избират. Грамоту, въ *Рос. Вивліов.* VII, 83.

(2) См. рукоп. Избир. Грамоту.

(3) Тамъ же.

(4) Тамъ же.

(5) Сія присяга сохранилась въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ.

См. грамоты Іова къ Гермогену и Избирательную Грамоту.

(6) См. Грам. Избирательную.

(7) Тамъ же.

(8) Тамъ же, стр. 95, 97.

(9) Тамъ же, стр. 100 — 102, и Шиля Relation 458, 459.

(10) К. Ив. Солнцева-Засѣкина: см. Архив. Розряд. Книгу, л. 831, Степен. Кн. Лапухина, Берову Chron. Muscov., Маржерета 23.

(11) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 832, 833, 836, 837.

(12) См. Архив. Розряд. Кн. л. 842.

(13) Тамъ же, л. 843.

(14) Маржеретъ и Беръ.

(15) См. Архив. Розрядн. Кн. 830.

(16) Маржеретъ, 62.

(17) См. Розрядн. Кн.

(18) Розрядн. Кн. 846, 847. См. также и *Никон. Лът.* 38.

(19) Розрядн. Кн. 848. См. также Бера.

Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 г. означена грамота Казы-Гиреева, писанная съ Мурзою Алеемъ.

(20) См. Chron. Петрея 270, Бера, и Степ. Кн. Лапухина.

О движеніи войска къ границѣ Липов. и Шведской см. Архив. Розряди. Кн. 855.

(21) Въ современной рукописи, полученной мною отъ А. И. Ермолаева, нашелъ я сію краткую *похвалу и встрѣчную рѣчь Царю Борису*. См. Пепрея 271.

(22) См. Избират. Грам. 110, 111. Въ печатной находимъ только подписи Духовенства, а въ рукописной и Духовенства и всѣхъ государствен. чиновниковъ.

(23) См. *Исторію* современника, знаменитаго Келаря Троицкой Лавры, Аврамія Палицына; также Лапух. Степен. Кн. и Хронографы.

(24) См. Бера и Пепрея 271. Сей обѣтъ, говорятъ они, далъ Борисъ на пять лѣтъ.

(25) Въ Архивскихъ Сибирскихъ бумагахъ 1600 г. Уразъ-Магметъ уже называется *Царемъ*. О пожалованіи въ Бояре и проч. см. Списокъ въ *Рос. Вивліов.* XX, 70. Санъ Окольничихъ былъ данъ Годуновымъ Семену Никитичу, Степану Степановичу, Матвѣю Михайловичу, Никитѣ Васильевичу.

(26) См. Степен. Кн. Лапухина.

(27) См. Шилеву Relation 462 и въ Сибирск. Исторіи Миллера, стр. 347, указъ Борисовъ 25 Іюня 1600 о невзиманіи ясашной подати съ Сибирскихъ народовъ. Въ Дѣлахъ Австрійскихъ, Крымскихъ и другихъ сего времени также упоминается о милостяхъ Царскихъ: о двойномъ жалованьѣ, о льготѣ данной купечеству и проч.

(28) См. Шилев. Relation 462. Сей любопытный указъ до насъ не дошелъ. Шиль пишетъ, что господа при другихъ Великихъ Князьяхъ считали земледѣльцевъ своими *рабами*: то есть, обходились съ ними какъ съ рабами, хотя законъ и давалъ крестьянамъ свободу переходить отъ владѣльца къ владѣльцу.

(29) См. Т. X, стран. 20.

(30) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ *Отписки города Тары Воеводъ Кузмина и Воейкова къ Царю* въ Сент. 1598.

(31) Тамъ же.

(32) См. Сибирскія лѣтописи, Ремезовскую и Саввы Есипова, и Мил. Сибир. Ист. 305 — 307.

(33) См. Шилеву Relation въ Вихман. Sammlung, стр. 432.

(34) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ бумаги о пріѣздѣ въ Москву семейства Кучюмова, г. 1598 — 1600, No 2. Тамъ означены имена и лѣта Царевичей: старшему было 23 года, а младшему только годъ.

(35) См. Миллер. *Сибирск. Исторію* 329 — 392.

(36) См. Розрядн. Книги и Крымскія Дѣла сего времени.

(37) См. Т. X, 167, и Далина глав. XV, 22, 23.

(38) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Д. *выписку о пріѣздѣ Королевича Густава.*

(39) См. Царской наказъ Клаусу, посланному изъ Москвы въ Дерптъ и въ Ригу (30 Ноября 1599).

(40) См. Далина глав. XV, 22.

(41) См. въ Архивѣ Кол. И. Д., между историческими бумагами 1599 г. грамоты жалованныя Москов. Нѣмецкимъ госпямъ и присягу ихъ. См. также Chron. Бера и Петрея 272.

(42) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. наказъ данный Клаусу для склоненія гражданъ Рижскихъ къ Рос. подданству, — Царскія грамоты къ Воеводамъ въ Иваньгородъ и Псковъ, и грамоту Густава къ Правителю Шведскому Карлу.

(43) См. Петрея Chron. 277.

(44) См. Chron. Бера и Петрея 274. Маржеретъ пишетъ, что Густавъ могъ имѣть съ Углича 4000 рублей доходу.

(45) См. въ Архивѣ *выписку о пріѣздѣ Густава*, г. 1601. Царь велѣлъ отослать къ нему кушанье на домъ.

(46) См. Chron. Бера, который самъ погребалъ Густава, не въ монастырѣ Димитрія Солунскаго, какъ онъ пишетъ, а развѣ близъ сего монастыря, или внѣ ограды его: см. Chron. Петрея 276.

(47) См. Дѣла Польск. No 24, л. 80.

(48) Тамъ же, л. 80.

(49) Тамъ же, л. 3, 98.

(50) Дѣла Польск. No 25, л. 147. О Владиславѣ No 24, л. 178.

(51) См. въ Архивѣ грамоту Швед. Фельдмаршала Акселя Рининга (отъ 13 Ноября 1599) къ Воеводѣ Копорскому, К. Г. Звенигородскому, также грамоты Герцога Карла къ Борису.

(52) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. меморіалъ Швед. Пословъ Гендрихсона съ товарищи.

(53) См. тамъ же. — Въ нашихъ Розрядн. Книгахъ 1601 г. уже дается Герцогу имя Короля Шведскаго, принятое имъ только въ 1604 году.

(54) См. Архив. Переписн. Книгу 1614 г. и Шлегел. Leben Christ. IV, стр. 301.

(55) См. Датскія Архивскія извѣстія въ Бишинг. Histor. Magaz. VII, 317 — 319.

(56) Сіе преданіе узнали отъ Лапландскихъ старожиловъ въ 1592 году К. Звенигородскій и Васильчиковъ: см. Т. X, стран. 183. О крещеніи Лапландцевъ см. Т. VII, стран. 185.

(57) См. Маллета Hist. de Danem. кн. X, г. 1601.

(58) Въ лѣтописи сказано (см. *Никон. Лът.* VIII, 49), что Царь посылалъ сватомъ въ Данію Дьяка Аѳан. Власьева.

(59) Сіе условіе намъ извѣстно по письму Іоанна, Герцога Шлезвигскаго, къ Королю Христіану: см. ниже, примѣч. 77.

(60) См. въ Архивѣ, между Датскими Дѣлами, описки Салтыкова и Власьева о Герцогѣ Іоаннѣ; также въ Бишинг. Magaz. VIII, 257 «Описаніе Іоаннова путешествія, пребыванія въ Москвѣ, болѣзни и смерти его, напечатанное въ Магдебургѣ въ 1690 году.» Въ Архивѣ Кол. И. Д. есть *Переводъ изъ печатныя книги о полученныхъ отъ Царя Бориса Ѳед. Дацкимъ Королевичемъ Яганомъ дорогихъ дарахъ*: это современный переводъ изъ сего Описанія, изданнаго по волѣ Короля Христіана.

(61) См. *Никон. Лът.* и Musskowit. Reise въ Бишингѣ 264.

(62) Тамъ же, 268.

(63) См. *Написаніе о Царехъ Московскихъ* (въ *Русск. Достопамятн.* I, 174) и Musskowit. Reise, 270. Шлегель (Leben Christ. 314) пишетъ о *помолвкѣ* (Verlobung) въ тотъ же день; но *обрученія* не было, когда женихъ уѣхалъ не видавъ Ксеніи.

(64) См. Musskowit, Reise 270. Авторъ говоритъ, что карета Ѳеодорова походила на Нѣмецкія, *висячія*, hängenden; что верхъ кареты Царской опирался на четыре столбика съ большими серебряными шишками; что въ каретѣ Царицыной могли сидѣть три человѣка рядомъ; что шляпы Боярынь украшались золотыми пуговицами и кистями, висящими до плечъ, а сапожки на всѣхъ были желтые.

(65) См. Архивскую бумагу о дарахъ (выше примѣч. 60).

(66) См. Степен. Кн. Лапухина.

(67) См. Розрядн. Кн.

(68) См. Musskowit. Reise 272.

(69) См. тамъ же 272 — 277.

Въ 1614 г. еще хранилась въ нашемъ Архивѣ *связка челобитныхъ Дацкаго Королевича Ягана и Дворянъ его къ Царю Борису о всякихъ дѣлъхъ.*

(70) См. *Никон. Лът.*

(71) Чрезъ Боярина Салтыкова и Дьяка Власьева, которые ѣхали съ Іоанномъ отъ Наровы до Москвы (см. выше).

(72) См. Musskow. Reise.

(73) См. Дѣла Крымскія.

(74) См. Chron. Бера.

(75) См. Шлегеля Leben Chr. 315 и Chron. Бера.

(76) 7 Ноября, т. е. черезъ 10 дней по Іоанновой смерти, Борисъ принималъ гонца Ханскаго.

(77) См. бумаги Копенг. Архива, напечатанныя въ Бишинг. Hist. Magaz. VII, 321. Герцогъ Шлезвигскій, Іоаннъ, отъ 6 Марта 1605 собственноручно писалъ къ Христіану изъ Зондебурга, что около того време-

ни, какъ Гамбургъ присягнулъ ему (Королю) въ подданствѣ (въ 1603 г.), началося дѣло о сватовствѣ между ими и Царемъ Московскимъ; что Рос. Послы (Салтыковъ и Думный Дьякъ Аѳанасій Власьевъ?) предлагали сыну его, Фридерику, жениться на Царевнѣ Ксеніи, а послѣ Альберту, но что Іоаннъ убѣждалъ ихъ выбрать въ женихи третьяго сына его, Филиппа, который, *подобно Христіанову брату*, умершему женихомъ въ Москвѣ, охотно переселится въ Россію, гдѣ назначается Удѣлъ (mit Land und Leuten) для Ксеніина супруга; что Послы изъявили согласіе, но что съ того времени не было уже никакихъ вѣстей отъ Царя; что Іоаннъ молитъ Короля способствовать успѣху сего важнаго дѣла, скорѣе отправить въ Москву надежнаго Посла, и проч. Но Борисъ въ 1605 году уже не могъ думать о сватовствѣ!

Въ Архив. Перед. Книгѣ 1614 г. упоминается еще о Датскихъ Посланникахъ въ Москвѣ около 1603 года.

(78) См. въ Дѣл. Цес. Двора Статейный Списокъ Дьяка Аѳанасья Власьева.

(79) См. Т. X, 95.

(80) См. донесеніе Власьева.

(81) См. Дѣла Крымскія сего времени.

(82) См. Дѣла Грузинскіе 1604 года.

Беръ въ своей Москов. Хроникѣ пишетъ, что Борисъ послалъ къ Императору соболей и черныхъ лисицъ на нѣсколько тысячь рублей, и будто бы обязался дать ему 10,000 воиновъ въ помощь.

Австрійскія дѣла Борисова времени сожжены Поляками во время междоцарствія, а другія сгорѣли въ Московскій ужасный пожаръ 1626 года. Въ Архив. Переписной Книгѣ 1614 года упоминается о грамотахъ Рудольфовыхъ къ Царю, привезенныхъ гонцемъ Михайломъ *Шелемъ* (или Шилемъ) въ 1599 и 1601 годахъ, Посланникомъ Николаемъ *Варкочемъ* въ 1599, гонцемъ *Бальцирем*ъ въ 1603. Тамъ же упоминается о вторичномъ Посольствѣ Аѳанасія Власьева къ Императору около 1604 года. Въ письмахъ Рудольфо-

выхъ, которыя еще сохранились въ Архивѣ, именованы Посланники Австрійскіе Мих. Шель, Спефанъ *Какусъ* и Посолъ Баронъ Логау; первый былъ въ Москвѣ зимою 1601, вторый осенью 1602, а третій въ 1604 году.

Шиль (въ Нѣмецк. бумагахъ Schiele) еще и въ Сент. 1598 года пріѣзжалъ въ Москву съ Императорскою грамотою, въ коей Рудолфъ поздравлялъ Бориса съ восшествіемъ на престолъ.

(83) Шиль и Какусъ. Императоръ писалъ къ Борису, чтобы онъ дозволилъ имъ ѣхать изъ Москвы въ Персію (см. въ Архивѣ Рудольфовы грамоты 1600 и 1602 года).

(84) См. отписку къ Царю изъ Колмогоръ отъ 12 Авг. 1600 (въ Англ. Дѣлахъ). Отъ Шаха Аббаса въ 1600 г. былъ въ Москвѣ Посолъ Перхулы-Бекъ, съ коимъ (въ Сентябрѣ) отправились въ Персію Намѣстникъ Шацкій К. Александръ Ѳед. Засѣкинъ, Дворянинъ *Темиръ* Вас. Засѣцкій и Дьякъ Ив. Шараповъ, имѣя для заключенія союза примѣрную грамоту такого содержанія: «Быть Царю и Шаху на всѣхъ недруговъ за-одинъ; Посламъ и купцамъ ѣздить свободно изъ Россіи въ Персію, изъ Персіи въ Россію; не вводить новыхъ торговыхъ пошлинъ,» и проч. Царь и Царевичь послали въ даръ Аббасу скарлатныя однорядки съ кружевомъ, нѣсколько кречетовъ, соболей, черныхъ лисицъ, 7 костей рыбьяго зубу, панцырь, 2 самопала, *порошницу* Нѣмецкую *съ наводомъ*, боевые часы, да по желанію Шахову медвѣдягонца, двухъ собакъ борзыхъ и двухъ *Меделенскихъ* (Миланскихъ), 200 ведръ вина (изъ Казани), два куба винные съ трубами, крышками и паганами. Сіе Посольство возвратилось въ 1603 году.

(85) См. Дѣла Цесар. Двора г. 1604.

(86) См. въ Архивѣ бумагу о пріѣздѣ Грузинск.Ословъ, Князя Сулеймана и Дьяка Леона въ Мартѣ 1599. Въ Іюнѣ сего года возвратились въ Москву изъ Грузіи Посланники Козма Совинъ и Андрей Полухановъ, отправленные еще въ 1596 году.

(87) См. Т. X. стран. 182. Иванъ Аѳан. Нащокинъ и Подъячій Леонтьевъ отправлены въ Іюлѣ 1601.

(88) См. въ бумагахъ Посла Александрова, Архимандрита Кирилла, пріѣхавшаго въ исходѣ 1603 года, вмѣстѣ съ Нащокинымъ и Леонтьевымъ.

(89) Нащокинъ, не доѣхавъ до Москвы, умеръ. Леонтьева посадили въ темницу. Они сердились на Александра за худое угощеніе и за дары скудные.

(90) См. бумаги Посла. Кирилла.

(91) См. Спасейной Списокъ Тапищева.

(92) См. тамъ же: Тапищевъ взялъ новую присягу съ Юрія и народа въ Генв. 1605.

(93) См. Т. X, стран. 180. Александръ съ Константиномъ пріѣхали въ Загемъ 8 Марта 1605; черезъ 4 дни убили перваго.

(94) См. донесеніе Тапищева.

(95) См. выше, стран. 48. О Тамари см. Т. III, стр. 134.

(96) Въ такомъ смыслѣ сносились Іоаннъ и Ѳеодоръ съ Султанами.

(97) Терская крѣпость была построена на Тюменскомъ городищѣ, близъ устья рѣки Терека (см. Больш. Чертежъ 98), и называлась *Терскимъ городомъ* или *городомъ на Теркѣ*.

(98) См. Степен. Кн. Лапухина, гдѣ всѣ главныя обстоятельства описаны согласно съ донесеніемъ Тапищева, и лучше. См. также. *Ник. Лът.*

(99) Тапищевъ возвратился въ Москву 5 Ноября 1605, уже при Димитріи Самозванцѣ.

(100) См. въ Архивѣ бумаги объ отпускѣ гостя Англ. *Фрянчика Чарея* (Francis Cherry) въ Дек. 1598.

(101) См. Спасейн. Списокъ Послан. Григорья Микулина и Подъячаго Ив. Зиновьева, л. 4.

(102) См. тамъ же.

(103) См. письмо Елисаветы отъ 16 Мая: Микулинъ возвратился въ Іюлѣ 1601.

(104) Ли (Lee, а не Lea) пріѣхалъ въ концѣ 1600, а выѣхалъ въ Апр. 1601. См. въ Архивѣ бумаги Лиева Посольства. Елисавета писала еще къ Борису съ

Мерикомъ и съ другими купцами. Между бумагами Брит. Музея, присланными къ Гр. Н. П. Румянцову, есть письмо Борисово, въ Англійскомъ переводѣ, къ Елисаветѣ, писанное въ Апрѣлѣ 1603 года, о невѣстѣ, ею предложенной. Борисъ хотѣлъ знать, происходитъ ли невѣста отъ одного рода съ Елисаветою, или отъ какого инаго Эрцгерцога или Герцога.

(105) Іаковъ еще до восшествія своего на престолъ Англіи хотѣлъ быть въ сношеніи съ Россіею. См. бумаги Микулина.

(106) См. въ Архивѣ бумаги Смитова Посольства. Въ Мильтон. History of Moscovia сказано, что Борисъ, отпустивъ Смита, послалъ ему на домъ къ обѣду 300 блюдъ рыбы (ибо день былъ постный) удивительной величины и чрезвычайно вкусной.

(107) См. Hansische Chronik III, 122, въ Мил. Samml. V, 164, и въ нашемъ Архивѣ бумаги *о пріѣздѣ Любскихъ и иныхъ поморскихъ вольныхъ городовъ Пословъ.*

(108) См. Архив. Дѣла. Такъ и въ Hans. Chron. III, 171.

(109) См. Архивѣ г. 1604 — 1605 отписки изъ Колмогоръ о приходѣ иноземныхъ кораблей.

(110) См. *Никон. Лѣт.* VIII, 48, Розрядн. Книги и въ Архивѣ Кол. И. Д. грамоту Рудольфову къ Борису отъ 2 Іюня 1601, о пропускѣ въ Персію чрезъ Россію Папскихъ Нунціевъ, Ф. Коспы и Д. Миранда.

(111) См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ въ Москву сего Флоренц. чиновника. Въ 1600 г. Борисъ посылалъ какого-то Беренпа Хенера во Флоренцію моремъ, черезъ Архангельскъ и Голландію: онъ былъ у Герцога Тосканскаго и сказалъ ему, что Борисъ желаетъ имѣть у себя искусныхъ Медиковъ и всякихъ *мудрыхъ ремесленниковъ* (см. тамъ же).

(112) См. Дѣла Цесар. Двора г. 1604.

(113) См. грамоту 8 Февр. 1603. думаги о пріѣздѣ къ намъ Греческихъ Святителей, Архимандритовъ,

Старцевъ, — грамоту Іерусалим. Патріарха Софронія, поздравительную съ избраніемъ Бориса на Рос. Царство, и другія. Въ 1604 г. выѣхалъ къ намъ знатный Грекъ Христофоръ Аркадонскій, чтобы служить Царю. Между Австр. грамотами есть одна (отъ 8 Авг. 1603), въ коей Имп. Рудольфъ проситъ Бориса быть милостивымъ къ Терновскому (Болгарскому) Архіепископу Діонисію Палеологу, который ѣхалъ въ Россію.

(114) См. *Никон. Лет.* VIII, 40.

(115) См. въ Архивѣ Дѣла Ногайск. г. 1601 — 1604.

(116) См. Ногайск. Дѣла г. 1604; см. также, для сравненія, Т. VII, стран. 222. Ногаи и въ Василіево время раздѣлялись на три Улуса; имя *Шидака* есть безъ сомнѣнія одно съ *Шейдяковымъ*, о коемъ упоминается въ Ногайск. бумагахъ 1604 г.; а Князь, названный въ запискахъ Гербершгейна *Кошумомъ*, не есть ли *Казый*?

(117) См. *Собр. Государств. Грамотъ* II, 153.

(118) См. Т. X, стран. 194.

(119) См. Указъ Царя Василія Шуйскаго 1607 года, Т. X. въ примѣч. 347, и въ *Судебн.* Татищева стран. 241.

(120) См. Судебникъ Татищева 222.

Царь дозволилъ крестьянамъ мелкопомѣстныхъ господъ переходить къ мелкопомѣстнымъ, а не къ богатымъ владѣльцамъ, которые легко могли сманивать къ себѣ работниковъ отъ владѣльцевъ неизбыточныхъ. Сіе узаконеніе о крестьянахъ не имѣетъ отношенія къ голоду Борисова времени: ибо въ 1601 г. онъ еще не былъ силенъ (см. *Исторію Келаря Палицына*, стр. 9), и земледѣльцы засѣяли свои поля.

(121) См. Судебн. Татищева 224. Шуйскій въ своемъ Указѣ, истинномъ или подложномъ (см. Т. X, примѣч. 347), говоритъ только: «Борисъ Ѳед., видя «въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги (крѣпостныя) «оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, «что судьи не знали, какъ потому суды вершити,

«и *нынѣ*» (уже послѣ Годунова?) «великія въ томъ «учинились распри,» и проч.

(122) См. Т. VI, спран. 356, и Т. IX, примѣч. 754.

(123) Флепчеръ 44.

(124) См. Бера и наши Хронографы, также Авраамія Палицына.

(125) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. письмо Лиценціата Правъ, Товіи Лонціуса, къ Царю Борису, изъ Гамбурга, отъ 24 Генв. 1601.

(126) См. Бера; также въ Архивѣ Кол. И. Д. бумаги Любскія и Англійскія 1600, 1602 и 1606 г.

(127) См. Стратейн. Списокъ Г. Микулина, л. 40.

(128) См. Бера, Muskow. Chron.

(129) См. Т. X, примѣч. 461, и Бера Muskow. Chron.

(130) Подъ заглавіемъ: Constantini Fiedleri oratio Inculenta in Borissum Godunowium. Regiomonti 1602. Переведена на Русской С. Вороновымъ и напечатана въ 1773 году.

(131) См. Мильтонов. Hist. of Moscovia 53.

(132) Hessel Gerard: см. Blaenwisch. Atlas, T. I. и, Гопфрид. Archontol. Cosm. въ надписи: Tabula Russiae ex autographo, quod delincandum curavit Foedor, filius Tzaris Boris, desumta и проч.

(133) На примѣръ, изъ уваженія къ ходатайству Царевича Борисъ заключилъ перемиріе съ Литвою (см. выше, спран. 31).

(134) См. Современниковъ, Авр. Палицына, спран. 7, и Маржерета 93: см. также о похвальныхъ качествахъ и дѣлахъ Борисовыхъ въ The Russian Impostor, спр. 13, исторіи основанной на современныхъ извѣстіяхъ.

(135) Маржеретъ 111.

(136) Палицынъ, спр. 7.

(137) См. Маржерет. 93.

(138) Въ Хронографахъ: «Состави (Годуновъ) о се- «бѣ къ Богу молитву мудрыми слагатели, и написа «и предаспъ, еже на трапезахъ и вечеряхъ за чаша-

«ми о немъ и родѣ его молити Бога сице: Отца «безначальна и Сына соприсносущна... Иже отъ Св. «Духа воплотися... сущіи днесь въ полатѣ сей мо- «лилъ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи «и о побѣдѣ на враги Божіему слузѣ, великому, бла- «гочестивому, и Богомъ избранному, и Богомъ по- «чтенному и превознесенному... Государю Царю «Борису Ѳеодоровичу, самодержащему скифепры на «всей Восточной странѣ и на Сѣверѣ... и его «Царск. пресвѣтлаго Величества Царицѣ и ихъ бла- «городнымъ чадомъ... и христолюбивому ихъ воин- «ству... и о тишинѣ всему православному Хри- «стіанству... И на томъ убо и чашу сію Царскую «воздвигнули, и повелѣли есте мнѣ» (гости хозяину) «грѣшному предпоставити въ руки ваша... Дай «Богъ, Государь нашъ и В. К. Борисъ Ѳ., единый «подсолнечный Христіанскій Царь... и его Царица... «и ихъ Царьскія Дѣти... на многія лѣта здравы «были и счастны, и недругомъ своимъ страшны, «чтобъ всѣ великіе Государи приносили достойную «почесть Его Величеству... и имя славилося отъ «моря до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя, «къ его чести и къ повышенію, а преславнымъ его «Царствамъ къ прибавленію... чтобы тѣ великіе «Государи Его Царск. Величеству послушливы были «съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча «его всѣ страны трепетали... чтобы его пре- «красно-цвѣтущія, младо-умножаемыя вѣтви Царь- «скаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Рос. «Царствія были навѣки и некончаемые вѣки, безъ «урыву; а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины «премудраго его разума и обычая и милостиваго «нрава неоскудныя рѣки милосердія изливалися выше «прежнего... Къ воинскому чину призрѣніе и хра- «ское устроеніе, и много милости бѣднымъ и вдовымъ «и сиротамъ, и всѣмъ благое покровеніе и крѣпкое «защищеніе, а винпымъ пощада и долготерпѣніе,» и проч.

(139) См. выше, стран. 3.

(140) См. Т. X, спран. 7.

(141) См. *Никон. Лът.* Лапухин. С. К., и Розрядн. Кн. г. 1600.

(142) См. Бера Chron. Muscovit.

(143) Палицынъ. См. пакже *Никон. Лът.* и Лапухин. С. К.

(144) Ив. Ив. Годуновъ женился на Иринѣ Романовой еще до опалы ея ближнихъ: попому Ирина и не была сослана вмѣспѣ съ ними.

(145) См. Бера и Пепрея, 265.

(146) Палицынъ, спран. 7, Бояре, угождая Царю, спарались всячески чернить Романовыхъ, см. Розрядн. Книгу 1598 года.

(147) Сей рабъ назывался Воинко: см. Роспов. Лѣп., *Никон.* 41 — 45 и Лапухин. С. К.

(148) Барпенева впораго.

(149) См. *Никон. Лът.*

(150) Рм. въ Архивѣ Кол. И. Д. Дѣла о ссылкѣ Романовыхъ. Сійскій монастырь въ Архангельской Епархіи. Историки наши долго спорили о родѣ супруги Ѳедора Никипича: Миллеръ считалъ ее Княжною Сицкою, а К. Щербатовъ Княжною Шеспуновою: она быда проспо Шестова, какъ означено въ дѣлѣ о ссылкѣ Романовыхъ.

(151) Княгиня Черкасская называлась Марѳою (Никипишною); съ нею сослали на Бѣлоозеро сеспру ея Анаспасію и семейспво брапа, Александра Никипича. Жену К. Ив. Сицкаго, пакже сеспру Романовыхъ, Евфимію, назвали въ Инокиняхъ Евдокіею.

(152) См. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

(153) Тамъ же, въ донесеніи Приспава Богдана Воейкова, изъ Сійскаго монаспыря опъ 25 Ноября 1602.

(154) См. *Никон. Лът.*

(155) См. въ *Географ. Словарп Р. Г.* спапью *Ныробъ*; а Г. Берхъ сообщилъ мнѣ слѣдующее изъ своихъ любопыпныхъ извѣспій о Пермской Губерніи: «Въ Ныробѣ еще не давно умеръ столѣпній спа«рецъ, креспьянинъ Максимъ Денисовъ Пономаревъ,

«который любилъ разсказывать о Мих. Никит. Ро-«мановѣ. Сего страдальца привезли туда зимою въ «1601 году Ром. Андр. Тушинъ (бывшій въ 1608 г. «Воеводою въ Туринскѣ) и шесть сторожей. Въ то «время, какъ они копали для него землянку, Рома-«новъ, вышедши изъ саней, обѣими руками схватилъ «ихъ и кинулъ въ сторону шаговъ на десять. Въ «землянкѣ его были маленькая печь и отверстіе для «свѣта. Ему давали только хлѣбъ съ водою. Ныроб-«цы научили дѣтей своихъ носить къ узнику въ ду-«дочкахъ квасъ, масло и проч.: какъ будто играя у «землянки, они впускали въ оную дудочки и питали «его. Приставъ увидѣлъ то, и послалъ въ Москву «шесть человѣкъ изъ Ныробцевъ, какъ людей зло-«мысленныхъ: возвратились двое, уже въ царство-«ваніе Шуйскаго; другіе умерли въ пытках. Узникъ «жилъ около года. Старецъ Максимъ слышалъ пре-«даніе, что сторожи, ведя жизнь скучную, уморили «сего несчастнаго. Землянка весьма тѣсна и сыра. — «Мих. Никит. былъ высокъ ростомъ, дороденъ и «силачь. Желѣза его хранятся въ церкви: плечныя, «или такъ называемый стулъ, вѣсомъ въ 39 фунтовъ, «ручныя въ 12, кандалы или нижнія желѣза въ 19, «замокъ въ 10 ф.» и проч.

(156) 17 Авг. 1602 уже не было въ живыхъ мужа ея, К. Бориса Черкасскаго; см. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

(157) См. тамъ же и *Исторію Рос. Іерархіи* II, 647.

(158) См. Маржереп. 94.

(159) См. Розрядн. Кн. г. 1600. Скоро послѣ того К. Бахтѣяровъ снова именуется въ числѣ Воеводъ. — Около 1602 года удаленный отъ дѣлъ Василій Щелкаловъ является Окольничимъ въ царствованіе *Лжедимитрія*: см. Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 78.

(160) См. Маржерет. 109 и Морозов. Лѣт. 117.

(161) См. *Никон. Лът.* 41, Палицына 8, Лапухин. С. К. и Розрядн. Кн. г. 1601.

(162) См. Маржерета 108.

(163) Палицынъ 17.

(164) См. памъ же 9, и рукописн. *Повѣсть о зломъ еретикѣ Гришкѣ Отрепьевѣ.*

(165) См. Архив. *Псков. Лѣт.*, Маржерета и Бера.

(166) Или три Нѣмецк. гроша, по сказанію Петрееву: см. Бера.

(167) 30,000 талеровъ, говоритъ Петрей. По сказанію Маржерета, Борисъ прекратилъ сію раздачу, увидѣвъ ея вредъ.

(168) Беръ въ Chron. Muscov. и *Повѣсть о Гришкѣ Отрепьевѣ.*

(169) Авр. Палицынъ. Далѣе см. Бера и Петрея.

(170) См. *Ядро Рос. Исторіи* 270, Маржерет. 107, и Розрядн. Кн.—Асценгини (см. Т. X, примѣч. 449) пишетъ, что отъ голода произошла тогда въ Россіи ужасная болѣзнь, Cholera morbus.

(171) Авр. Палицынъ.

(172) См. Бера и Аврамія П.

(173) См. въ Архивѣ Данскія Дѣла г. 1601, связку No 1.

(174) Сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* пишетъ, что самъ Годуновъ съ холопями разбивалъ тогда домы лыдей богатыхъ!! Царь, какъ вѣроятно, по доносу холопей велѣлъ силою брать хлѣбъ у тѣхъ, которые таили его.

(175) См. Т. I. прим. 475, Т. II, стран. 175, Т. III, стран. 10, Хронографы и Лапухин. Степен. Книгу. *Кадь* или *бочка* или *оковъ* содержала въ себѣ 4 четверти.

(176) См. Бера и Петрея 295.

(177) Надпись на главѣ Ивана Великаго: «Изволе-«ніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ Вел. Государя «Царя и В. К. Бориса Ѳедоровича, всеа Россіи Са-«модержца, и сына его, благовѣрн. Вел. Государя «Царевича и В. К. Ѳедора Борисовича всеа Россіи, «храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто го-«сударства ихъ 108-го» — то есть, 1600: слѣдственно еще до голода.

(178) См. въ *Никон. Лът.* 48: «*О каменномъ дъ-*«*лъ въ межепину* (въ голодъ).» Сіи двѣ новыя палаты безъ сомнѣнія были *Столовая* и *Панихидная*, о коихъ прежде не упоминалось, а съ сего времени упоминается (см. Т. X. примѣч. 450). Онѣ изображены за Грановитою и Золотою на планѣ Кремля, изданномъ въ Германіи скоро послѣ Борисова царствованія: мы увидимъ сей планъ при любопытномъ *Описаніи Москвы*, сочиняемомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ.

(179) См. Бера и Петрея 245, и въ Архив. Дѣлахъ Дапскихъ 1602 г., No 1, отписки Иванегородскаго Воеводы К. Вас. Ростовскаго.

(180) Авр. Палицынъ 8, и *Подроби. Лѣтопись* III, 152.

(181) См. Авр. Палицына 12.

(182) Тамъ же.

(183) На примѣръ, еще по закону Ярослава Великаго всякой человѣкъ вольный дѣлался холопомъ, если шелъ въ слуги или въ ключники безъ условія (см. сей. *Исторіи* Т. II, 44).

(184) Указъ о холопяхъ, 5 Февр. 1597 г. см. въ Указателѣ Рос. Законовъ I, 125.

(185) См. сей *Исторіи* Т. IX, 444.

(186) Авр. Палицынъ 12.

(187) См. Степен. Кн. Лапухина; также *Никон. Лът.* 53.

(188) Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 года: «Сполпъ 112 (1604) году о задорѣхъ и о разбойни-«кѣхъ, о *Косолапѣ* съ товарищи.» Сей сполпъ пропалъ.

Убитаго Окольничаго Басманова съ честію схоронили *у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ* (см. *Никон. Лът.* 54).

(189) См. Маржерет. 111. Онъ говоритъ, что разбойниковъ было человѣкъ съ пять сотъ.

(190) См. Авр. Палицына и Бера.

(191) См. Бера, современ. *Повѣсть о Гр. От-*

репьевъ, и Вагнер. Gesch. des Russ. Reichs, кн. 43, стр. 71.

(192) См. Архив. *Псков. Лът.*, гдѣ означено, что Ирина преставилась 26 Окт. 1603 года. См. еще *Никон. Лът.* 35 и 53; также и Розрядн. Кн. г. 7112.

(193) Съ вѣстію о пораженіи Кучюма Борисъ спѣшилъ къ сестрѣ въ монастырь: см. выше, стран. 24. Самые злодѣи Борисовы, предатели отечества, называли *Память* Ирины *святою* (см. *Собран. Государств. Грамотъ* II, 178).

(194) См. Дѣла Польск. No 26, л. 72 на об., *Собран. Г. Г.* II, 163 и рукописн. современную *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ* и *Разстригѣ* (принадлежащую А. И. Ермолаеву), гдѣ сказано, что отецъ Расстригинъ *назывался Яковомъ, какъ и самъ Годуновъ* (слѣдственно *Яковъ-Борисъ*). Въ концѣ: «Покусихся азъ многогрѣшный . . . предати, повѣсть сію «писаніемъ, не слухомъ увѣряясь, кромѣ того, какъ «той еретикъ (Самозванецъ) былъ въ *Литов.* земли, а «что сотворись въ Росс. Царствѣ, то вся зря своима «очима.» Въ письмѣ Борисовомъ къ Сигизмунду, которое видѣлъ Нарушевичь въ библіотекѣ Залуцкаго и придводитъ въ *Исторіи Ходкѣвича* (Historia Jana Karola Chodkicw., T. I, 426), сказано такъ: «До по«стриженія (Григор. Отрепьевъ) именовался Юш«кою; по своему злонравію не слушался отца, впалъ «въ ересь, плутовалъ, воровалъ, игралъ въ кости, «пьянствовалъ, неоднократно бѣгалъ изъ родительскаго дому и лукаво вступилъ въ Монашество.» Въ Хронографѣ: «Той Юшка остася послѣ отца младъ «зѣло съ матерію и наученъ бысть отъ нея Божественному Писанію; егда жь изучи Часовникъ и «Псалтирь, отыде отъ матери и нача витати въ «Москвѣ . . . и случися ему бесѣда Вяцкой области, «града Хлынова, Успенск. монастыря со Игуменомъ «Трифономъ . . . и по совѣту того Игумена постри«жесь, и наречесь имя ему Григорій. Въ то время «бѣ̀ша ему лѣтъ 14, и отыде въ Суждаль, въ Ев-

«Ѳимьевъ монастырь . . . и въ томъ же уѣздѣ въ «монастырь ко Спасу на Куксу . . . и въ другіе.» Въ *Никон. Лът.*: «У Замятни Отрепьева были «два сына, Смирной да Богданъ; у Богдана же ро- «дися сынъ Юшка, и даша его въ Москвѣ на ученіе «грамотѣ: грамота жъ дастся ему не отъ Бога, и «бысть зѣло грамотѣ гораздъ, и во младостіи «постриженся... и пріиде въ Суздаль, въ Евѳ. мона- «стырь: Архим. же Левкій даде его подъ началъ; «онъ же жилъ ту годъ, и пріиде въ м. на Куксу, и «жилъ ту 12 недѣль . . . и пріиде въ Чюдовъ мо- «настырь.» Въ рукописи. *Сказаніи, еже содѣялся въ Москвѣ, и о Ростригѣ*: «Сей Гришка Отрепьевъ къ «Князю Ивану Борисовичу Черкасскому въ его бла- «годатный домъ часто приходилъ, и тоя ради вины «на него Царь Борисъ негодова: той же лукавый «избѣжавъ отъ Царя, тайно постриженся.» Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 73: «билъ челомъ объ немъ» (Гришкѣ) «въ Чюдовѣ м. Архимандриту Пафнутью, «что нынѣ Крутицкой Митрополитъ, Богородиц- «кой Протопопъ Евѳимей, чтобъ велѣлъ ему жити «въ кельѣ у дѣда своего, у Замятни . . . и былъ въ «Дьяконѣхъ съ годъ; и послѣ взялъ его къ себѣ Па- «тріархъ . . . и впалъ злодѣй въ ересничество, и «хотѣли его съ *Собору* сослати въ заточенье на «смерть.» (Въ письмѣ Бориса къ Сигизмунду сказано, что Гришку съ его единомышленниками хотѣли со- слать на Бѣлоозеро). См. также Лапухин. Степен. Книгу и Архив. *Ростов. Лът.* Вотъ главные источ- ники для описанія Лжедимитріевой исторіи; но пред- почтительно слѣдую Государственнымъ бумагамъ.

(195) См. Петрея 285, ниже примѣч. 601 и The Russ. Impostor 14. Беръ называлъ сего злаго совѣт- ника Отрепьевымъ: ибо, вѣря сказкѣ Поляковъ, ду- малъ, что Самозванецъ, хотя и дѣйствительно об- манщикъ, былъ другой человѣкъ, а не Гришка Отрепьевъ (см. ниже).

(196) См. *Никон. Ростов. Лът.*; Лапухин. С. К., Дѣла Польск. No 26. л. 1, и *Сказаніе, еже содѣялся.*

(197) См. *Никон. Лѣт.*

(198) См. Т. V, VI, IX и X.

(199) Въ грамотѣ Патріарха Іова о Разстригѣ, писанной къ Архимандриту Солевычегодской Обители Введенія и полученной мною въ современномъ спискѣ отъ А. И. Ермолаева: «Чернецъ Пименъ, постри-«женикъ Днѣпрова монастыря, сказалъ, что онъ съ «тѣмъ воромъ да съ Гришкиными совѣтники, съ «Попомъ Варлаамомъ да съ крылош. Мисаиломъ, по-«знался въ Новѣгородкѣ С. въ Спасск. монастырѣ, а «изъ Нова-дей городка взяхъ его съ собою для знатья «дороги, и шли къ *Стародубу* . . . а онъ проводилъ «ихъ за Л. рубежъ до имѣнія Пановъ Стонислава да «брата его Александра, до села Слободки.» Въ *Ска-«заніи, еже содѣяся* и проч.: «Внидоша» (Гришка «съ товарищами) въ нѣкую весь близь Литов. рубе-«жа, и видятъ ту велій пространный путь, и во-«спрія ихъ въ домъ едина жена, и сѣдяще за столомъ, «вопросиша жену о пути, и глагола жена: путь сей «за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на томъ пути «заставы суть отъ Царя: не вѣмъ, кто съ Мос-«квы бѣгу ся ятъ... И Гришка бѣ отъ страху яко «мертвъ... Жена же показа имъ путь къ Чер-«нигову. Монахи же шествіе творяху, и отъ солнеч-«наго жженія возсѣдше подъ древомъ, Гришка откры «совѣтъ свой и рече: *Вы слышали, братія, яко «заставы по всей Сѣверской сторонѣ . . . насъ ради «заставы сія . . . Да избѣжимъ сѣти; да пойдемъ «чащею сею за рубежъ*... И постави Гришка образъ «Богоматери и нача молитися, да избѣгнутъ отъ «руки Бориса . . . и пройдоша непроходимые дебри, «и идоша три дни, и пріидоша на нѣкій боръ, и тамъ «видятъ человѣка ходяща и кошницу на плещу по-«сяща . . . и познаша, яко Польскій человѣкъ, и «ради быша . . . и начаша вопрошати . . . Полякъ «же рече: *Страна сія Бѣлоруская; владѣетъ ею «Король Жигимонтъ: имѣнье двою братовъ, Николая «и Яна Виловичей. Мой Панъ Николай не далече «отселѣ на пути къ Луевой горѣ. Азъ есмь бортникъ*

«*Якубъ.*» Описывается, какъ Паны Виловичи уог-щали бѣглыхъ Монаховъ. Далѣе: «и оппущены бы-«ша къ Луевымъ горамъ коннымъ пушемъ, и пріидо-«ша въ Луевъ городокъ, и пу Панъ Станиславъ Про-«кулицскій пріятъ ихъ любезно, и оппустии въ Кіевъ.» Въ Хронографѣ: «Въ Новѣгородкѣ Сѣв. вождя добы-«ша, Ивашка Семенова, и пойдоша на Спародубъ «... и первой городъ Липовской имъ Люевъ замокъ, «а другой Любескъ... и быша въ Кіевѣ, въ Печерск. «монастырѣ, 3 недѣли, и оттуда пріидоша до Остро-«га, до К. Василья Осторожскаго, и лѣтоваша у не-«го; и на оссиь А. Василей послалъ Варлаама да Ми-«саила въ Дерманской монастырь, а Гришка съѣхалъ «въ Гощей городокъ, и платье Иноческое съ себя «скинулъ.»

(200) См. Нѣмцев. Dzieie Panow. Zygmunta III, кн. VII, стр. 295, гдѣ приведено мѣсто изъ письма К. Осторожскаго (Васильева сына) къ Королю: «Уже «нѣсколько лѣтъ знаю Димитрія,» пишетъ Осторож-скій: «онъ прежде былъ въ Дерманѣ монастырѣ отца «моего, а потомъ у Анабаптистовъ.» См. также *Сказаніе, еже содѣяся*, и *Никон. Лѣт.*

(201) См. современ. рукописи. *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*, и Морозов. Лѣтп. (л. 96) Симъ объясняется сказаніе Маржерета и Гревенбруха, что Монахъ Отрепьевъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, а не Самозванецъ. Герардъ Гревенбрухъ въ 1609 году издалъ въ Кельнѣ свою книгу о Лжедимитріи подъ типуломъ: Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii. Авторъ самъ не былъ въ Россіи.

(202) См. *Сказаніе, еже содѣяся*, и Грамоту Іова Патріарха о Разстригѣ (выше, примѣч. 199) См. ниже, примѣч. 232.

(203) См. Хронографы и Нѣмцев. Dz. Pan. Zygmunta III, кн. VI, 238. Послѣдній ссылается на рукописное сочиненіе Жмудскаго Шляхтича Товянскаго, коего имѣю списокъ. Гаща, мѣстечко Пановъ Гаскихъ, въ Луцкомъ Уѣздѣ. — Мѣсто, гдѣ жилъ А. Вишневецкій, названо въ Хронографѣ Брагинъ и Брачинъ, а въ

Польскомъ рукописномъ сочиненіи о Лжедимитріи (Rzeczy и проч. za Dymitra: см. ниже) Braznia. См. Т. II, примѣч. 275.

(204) Въ Хронографѣ: «Князь же Адамъ бражникъ «и безуменъ.»

Знатные Князья Вишневецкіе происходили отъ Корибута, сына Ольгердова и Княжны Россійской (см. Т. IV, 204 и примѣч. 245, и Т. V. примѣч. 44).

(205) См. Вассенберга въ Исторіи Владислава (Gesta Vladislai IV, 15). Лубѣнскаго (Lubienski) Op. Posth. 29, и Чилли въ Нѣмцев. кн. VI, 244, 245; также Маржереп. 168, Хронографы, и Кубасова (въ *Русск. Достопамятн.* I, 175.)

(206) См. *Никон. Лът.* 58 и Вассенберга 14. Въ подробномъ Хронографѣ: «Призва къ себѣ (Гришка) «Латинскія Вѣры Попа.» Но въ Хронографѣ сокращенномъ названъ Попъ Греческимъ.

(207) Въ отвѣтахъ Мнишка на вопросы нашихъ Бояръ (въ *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 293): «Пре«бывалъ (Гришка) въ Кіевѣ въ монастырѣ, въ Спар«ческомъ одѣяніи; а потомъ, бывъ у Г. Воеводы «Кіевскаго (В. Острожскаго), *не хотѣлъ сказаться*, «и пришелъ къ К. Адаму Вишневецкому, сказывая, «что онъ есть истинный потомокъ В. К. Ивана, «предлагая, какъ его Господь Богъ, помощію *Докто«ра* его, отъ смерти спасъ . . . а потомъ потъ Док«торъ отдалъ его къ нѣкоторому Боярскому Сыну «для воспитанія, которой присовѣтывалъ ему скрыть«ся между Чернецами.» Ниже сообщимъ всю эту сказку съ ея разными измѣненіями. Въ одной Розряди. Книгѣ (см. *Собран. Г. Г.* II, 163): «Гришка «въ 111 (1603) году збѣжалъ въ Литву и пришолъ «въ Печерскій монастырь . . . и умысля Дьяволь«скою козньею, разболѣлся до умертвія . . . и духо«вне сказалъ Игумену, будто онъ сынъ Царя Ив. «Вас., а ходитъ будто въ искусѣ не посприженъ, «укрываяся отъ Бориса . . . И потъ Игуменъ учалъ «его чтить, и вѣдомо учинилъ Королю и Сенато«рѣмъ.» Но согласное сказаніе Лѣтописца нашего, Вас-

сенберга и Мнишка свидѣтельствуетъ, что Лжедимитрій открылся Вишневецкому, а не Игумену Кіевскому.

(208) См. Т. VIII, 203.

(209) См. Нѣмцев. кн. VI, 239.

Далѣе см. Хронографы, отвѣт. Юрія Мнишка нашимъ Боярамъ (въ *Собран. Г. Г.* II, 294), и Дѣла Польск. No. 26, л. 106.

(210) См. Alessandro Cilli Historia di Moscovia, въ Нѣмцев. кн. VI, 241.

(211) См. тамъ же, въ Нѣмцев. VI, 242.

(212) См. Лубѣнск. Op. Posth. 29, Гревенбр. Tragoed. Moscov. 12 и Histoire de J. A. de-Thou, кн. CXXXV, стран. 47. Сихъ словъ нѣтъ въ Чилли.

(213) См. Annuae Litterae Societatis Jesu, an. 1604, стран. 704, 705. Сіи письма, напечатанныя въ 1618 г., весьма рѣдки: они доставлены мнѣ изъ бывшей Полоцкой Іезуитской библіотеки. Вотъ переводъ:

«Здѣсь» — пишутъ Краковскіе Іезуиты къ другимъ братьямъ сего Ордена — «здѣсь всегда есть «случай служить ближнимъ, когда и Дворъ Коро- «левскій и вся земля съ жадностію требуетъ нашей «помощи. — Труды и ревность нашихъ не ослабѣли: «шестьдесять восемь еретиковъ приведены въ нѣд- «ра Церкви, и въ числѣ ихъ Великій Князь Москов- «скій Димитрій, который почти въ младенчествѣ «лишился отца и Царства; потомъ, заключенный въ «одинъ изъ Греческихъ монастырей — дабы не впасть «въ руки тирана, замышлявшаго умертвить его — «тайно воспитывался и достигнулъ совершеннаго «возраста. Между тѣмъ одинъ изъ Вельможъ, уже «предъ тѣмъ желавшій Царской власти, полагая, «что (сей) наслѣдникъ убитъ, овладѣлъ тономъ; а «Князь, имѣя уже болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, «узналъ отъ воспитателей своихъ всю истину, от- «былъ тайно къ нѣкоторымъ Вельможамъ Королев- «ства Польскаго требовать ихъ заступленія, и, «хотя не безъ труда, получилъ наконецъ вспомога- «тельное войско. Тогда, готовясь и къ пути и къ

«брани, онъ устремилъ все свое вниманіе на то, «чтобы въ дѣлѣ столь трудномъ имѣть помощни- «комъ Бога: рѣшился принять Католическую Вѣру; «но, опасаясь, чтобы Россіяне о томъ не свѣдали и «не порицали его именемъ Католика, будучи чрез- «мѣрно привержены къ Схизмѣ, онъ закрылъ лице свое, «перемѣнилъ одежду, и сопровождаемый однимъ Поль- «скимъ Вельможею, въ видѣ нищаго пришелъ въ на- «шу обитель: открылъ себя, и выбравъ одного изъ «насъ исповѣдалъ ему всѣ грѣхи жизни своей; *отрек- «ся Схизмы* и съ великимъ усердіемъ *присоединился «къ Римской Церкви*. Не довольствуясь симъ, Димитрій «принялъ отъ пребывающаго въ здѣшнемъ городѣ «Апостольскаго Нунція таинства Евхаристіи и Ми- «ропомазанія и утвержденъ въ воспріятой имъ Вѣрѣ. «Сей Князь обѣщаетъ со временемъ великія добродѣ- «тели и постоянство въ начатомъ дѣлѣ. Кажется, «что онъ одушевленъ удивительнымъ усердіемъ къ «распространенію Религіи Католической.» — См. так- же Чилли, въ Нѣмцев. VI, 244.

(214) См. Гревенбр. 12, 13, и ниже, примѣч. 252, гдѣ упоминается о *грамотѣ Папежской* къ Самозванцу. — Учителемъ Разсприги въ Латинскомъ языкѣ былъ Іезуитъ Савицкій; но онъ (Разсприга) худо зналъ сей языкъ или почти совсѣмъ не зналъ (см. Маржерета).

(215) См. Нѣмцев. кн. VI, 246, и Нарушев. Historya J. K. Chodkiew. I, 237.

(216) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 105 на об.; далѣе см. Нѣмцев. VI, 248.

(217) См. *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 160. Грамота писана на языкѣ Польскомъ съ Русскимъ переводомъ. Подпись Латинская и Русская: Dmitr. Carewicz, *Царевичь Димитрій*. Приложена восковая печать. На оборотѣ: «Постановленіе и ассекурація «Димитрія, Царя Московскаго, данная Г. Мнишкѣ, «Воеводѣ Сендомирскому.» Тутъ же приписано: «Въ «Пятницу, на другой день праздника Успенія П. Д. «М., лѣта 1668, рукопись сію Провинціальный Ко-

«ролевскій главный Надзиратель, Лаврентій Кап-«чевичь Сопоклескій, представилъ для пріобщенія къ «дѣламъ Стародства. Принято и записано.»

(218) См. тамъ же, стран. 165.

(219) Нѣмцев. кн. VI, 248, и Нарушев. кн. IV, 239.

(220) См. Хронографы. Сей *Пыхачевъ* былъ, какжется, изъ числа бѣглыхъ, которые укрывались въ Литвѣ. Въ бумаг. Государств. упоминается о Бояр. Сынѣ Аѳан. *Сухочовѣ*, взятомъ въ плѣнъ Донск. Козаками; но это долженъ быть другой человѣкъ. Въ Хронографѣ же: «Называли Гришку Царевичемъ *Хри-«пуновыхъ* пять браповъ да Истомы Михнева слуга «Петрушка (Петровской), да Ивашка, что вожъ «былъ» (т. е. провожатый Самозванца изъ Новагорода Сѣверскаго) «да люди посадскіе Кіевляне.» *Хрипуновы*, ушедшіе въ царствованіе Борисово, не присталали къ Лжедимитрію до его восшествія на престолъ: Самозванецъ былъ уже въ Москвѣ, когда Сигизмундъ писалъ къ нему, чтобы онъ позволилъ симъ братьямъ возвратиться въ Россію (см. *С. Г. Гр.* II, 216).

(221) См. въ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ въ Москвѣ въ 1606 году.

(222) См. Дѣл. Пол. No. 26, *л.* 74, и *Ник. Лът.*.

(223) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ. Атаманы пріѣхали къ Самозванцу въ Краковъ.

(224) Нѣмцев. кн. VI, 248. Именно о *двухъ* Монахахъ, которые ревностно служили обманщику, упоминается въ Отвѣтахъ Пословъ Сигизмундовыхъ. О Леонидѣ см. выше, стран. 140.

(225) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 74 и 98.

(226) См. выше, около примѣч. 181. Далѣе см. Нарушев. 240.

(227) См. выше, стран. 118.

(228) См. Бера.

(229) Беръ пишетъ, что Годуновъ, получая отовсюду извѣстія о мнимомъ Димитріи, самъ началъ было сомнѣваться въ убіеніи истиннаго: справлялся,

допрашивалъ, и наконецъ увѣрился, что симъ именемъ называется обманщикъ. — Борису служили тогда лазутчиками многіе изъ жителей Малороссіи: между Архивскими бумагами сохранилась челобитная одного тамошняго мѣщанина о награжденіи его за вѣсти о Самозванцѣ.

(230) См. показанія измѣнника Хрущова (*Соб. Г. Грам.* II, 178).

(231) См. выше, и *Никон. Лът.* 60.

(232) См. показанія Хрущова Лжедимитрію (*Соб. Г. Г.* II, 174) и грамоту Патріарха Іова Архимандриту Солевычегодской Обители (выше, прим. 199).

(233) См. Дѣла Польск. No. 26, л, 63 и 139, гдѣ означено, что Смирной ѣздилъ къ Королевскимъ Вельможамъ въ 1604 году.

(234) См. *С. Г. Грам.* II, 173: О времени Лжедимитріева похода см. тамъ же, спран. 167, *Дневную записку пути Самозванцева*, въ коей числа означены по Новому Стилю.

(235) См. показанія Хрущова (*Собран. Г. Г.* II, 174).

(236) Казни были, но уже послѣ (см. Хронографы).

(237) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 64 на об., 73 и 77.

Писалъ ли Борисъ съ Огаревымъ къ Сигизмунду, какъ сказали Послы Литовскіе въ Отвѣтахъ Боярамъ Московскимъ (см. выше, примѣч. 221), что если бы Разстрига былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены? Сомнительно.

(238) См. въ Наруш. кн. IV, примѣч. 28, письмо Тарновскаго, Каспеляна Сендомирскаго, къ Н. Олесницкому, Каспел. Радомскому, писанное изъ Спобницы отъ 21 Сент. 1613.

(239) См. Польск. Дѣла No 26, л. 79 и 139.

(240) См. Нарушев. кн. IV, 240, и Нѣмцев. кн. VI, 249. Вассенбергъ полагаетъ у Самозванца 10,000 человѣкъ, Кобѣржицкій 15,000, Беръ 8000, другіе

5000, а Паерле 1100 всадниковъ Липовскихъ, 500 пѣшихъ рапниковъ и 2000 Козаковъ. Рукописное сочиненіе послѣдняго, бывшаго въ Россіи при Лжедимитріи, имѣю изъ библіотеки Е. С. Гр. Н. П. Румянцова.

Іезуиты, бывшіе съ Лжедимитріемъ, назывались Николай Черниковскій и Андрей Лавицкій (см. Гревенбрух. 14).

(241) 26 Окт. по Нов. Стилю: см. Дневную Записку въ *С. Г. Грам.* II, 168, и Паерле.

(242) См. Розряди. Кн.

(243) См. Хронографы и Лубѣнск. Op. Posth. 30.

(244) См. Дѣла Польск. No. 26, *л.* 94 и 76.

(245) См. выше, стран. 110.

(246) См. въ Архивѣ К. И. Д. Отвѣты Липовскихъ Пословъ въ 1606 году и Хронографы.

(247) См. Хронографы и Дневн. Записку въ *Собран. Г. Г.* II, 167 и слѣд.

(248) 21 Окт.: см. Дневн. Записку и Отвѣты Лип. Пословъ. Въ Моравскѣ (въ Монастыревскомъ, по Розряд. Кн., или, по Больш. Чертежу, въ Муромскѣ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова) начальствовали Борисъ Лодыгинъ и Елизарей Безобразовъ. Паерле сказываетъ, что Лжедимитрій оставилъ тамъ 150 Ляховъ для храненія крѣпости.

(249) Паерле пишетъ, что Лжедимитрій послалъ къ Чернигову 2000 Козаковъ, и что городъ хотѣлъ немедленно ему сдаться, но что Воеводы съ 500 Стрѣльцами и съ 20 пушками заперлись въ крѣпости; что жители соединились съ Козаками, силою принудили Стрѣльцевъ отворить крѣпость и выдали Самозванцу Воеводъ связанныхъ; что, его именемъ, Ляхъ Бучинскій занялъ Черниговъ 5 Ноября Нов. Стиля. См. также Петрея 298, Нѣмцев. кн. VI, 250, и Дневн. Записку Лжедимитріева похода.

(250) Отецъ его былъ Крайчій Ѳедоръ, а дѣдъ Бояринъ Алексѣй Даниловичъ: см. Т. IX, 152.

(251) См. Розрядн. Кн.

(252) Паерле.

(253) См. *Никон. Лът.* 61. Петрей разсказываетъ, что знатный сановникъ, Вас. Мих. Мосальскій, былъ посланъ отъ Царя къ войску съ 80,000 талеровъ (см. ниже, около примѣч. 256), но привезъ ихъ къ Самозванцу, который встрѣтилъ его за то съ музыкою и сдѣлалъ своимъ Маршаломъ. Извѣстіе нашего Лѣтописца досповѣрнѣе. Далѣе см. Дневн. Записку и Паерле.

(254) См. выше, стран. 118, Гревенбруха, и де-Ту.

(255) См. Паерле.

(256) См. Нѣмцев. кн. VI, 253, 254.

(257) См. Днев. Записку. О перемиріи см. Паерле.

(258) См. выше, стран. 110.

(259) См. Т. X, стран. 142. Далѣе см. Розрядн. Кн.

(260) См. Т. X, стран. 130. Угличанъ сослали, какъ извѣстно, въ Пелымъ.

(261) См. Хронографы.

(262) См. грамоту Патріарха Іова къ Архим. Солевыч. Обители. О безсовѣстности Шуйскаго см. Т. X, стран. 127.

(263) См. Хронографы.

(264) См. грам. Іова къ Архим. Солевыч. Обители Приговоръ Соборн. Ц. Бориса въ *Собр. Г. Г.* II, 164, и въ Тапиц. *Судебникъ* 233.

(265) См. Т. VIII, 221, и Приговоръ Соборн. въ Тапищев. *Судебникъ*. 234 — 238.

(266) Маржеретъ (стран. 114), который самъ былъ тогда въ Борисовомъ войскѣ, сказываетъ, что оно состояло изъ 40,000 или 50,0000 ратниковъ. Другіе (Кобѣржицкій 59, Лубенскій 37 и Паерле) говорятъ о 60,000. Беръ пишетъ: «принудили всѣхъ ратни къ войску, которое около Маршынова дня состояло уже почти изъ 200,000 человѣкъ.»

(267) Видекиндова Historia Belli Sveco-Moscovitici decennalis, глав. X, л. 20.

(268) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 76, и Днев. Записку (*Собр. Г. Г.* 11, 171).

(269) См. выше, примѣч. 240.

(270) См. Паерле.

(271) Hist. de J. A. de Thou, кн. 135, спран. 49.

(272) Въ описаніи битвы слѣдую Маржерету (113, 114). См. также Бера. На лѣвомъ крылѣ были Воеводы Окольничій Вас. Петр. Морозовъ и К. Лука Осип. Щербатой, въ срединѣ съ Мстиславскимъ К. Андрей Андр. Телятевскій, въ перед. полку Бояре К. Вас. Вас. Голицынъ и Мих. Гл. Салтыковъ, въ сторожевомъ Окольничій Ив. Ив. Годуновъ и Кн. Мих. Самсон. Туренинъ. См. также *Никон. Лът.* Дневн. записку и Хронографы.

(273) См. Петрея 299. Онъ говоритъ, что начальникъ шести сотъ иноземцевъ, Шведскій Капитанъ, Лоренцъ Біугге, помогъ Басманову.

(274) Маржеретъ.

(275) См. Днев. Записку.

Войско Борисово удалилось отъ Новагорода для того, какъ пишутъ нѣкоторые (см. Лубѣнек. 51 и Нарушев. кн. IV, 242), что Лжедимитрій объявилъ въ своемъ станѣ о немедленномъ прибытіи къ нему Ходкѣвича изъ Ливоніи съ великою силою.

(276) Паерле говоритъ, что и сіи ушли-было отъ Самозванца, но возвратились къ нему на трепій день. Поляки, если вѣритъ Петрею, ушли съ досады на Самозванца, который не далъ имъ ничего изъ воровской казны Мосальскаго (выше, примѣч. 253) раздавъ ее всю Козакамъ. См. еще Дѣла Польск. No 27, л. 92, Дневн. Записку (*Собран. Г. Г.* II, 172) и Маржерета 114.

(277) Розряды 1605 года (см. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ бумажники Миллера. No. VI).

(278) То есть, сто тысячь нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера.

(279) См. *Никон. Лът.*, Розрядн. Книги и Маржерета 114, 115.

(280) Маржеретъ: L'armée de Boris (состоявшая изъ сорока или пятидесяти тысясь) se renforçoit tous les jours; но не говоритъ, чтобы она сдѣлалась втрое или вчетверо сильнѣе: какъ далеко до двухъ

сотъ тысячь Беровыхъ и Петреевыхъ! — Добрыничи нынѣ Добрынь или Добрунь.

(281) См. Маржерета 115.

(282) См. Паерле.

(283) См. Маржерета: лучше вѣрить ему, нежели Беру, который пишетъ, что Ливонецъ Вальшеръ фонъ-Розенъ и *Моржеретъ*, начальники двухъ иноземныхъ дружинъ, съ кликомъ: Hilf Gott! прогнали Лжедимитрія, отнявъ у него взятыя имъ Московскія пушки; что ободренные Россіяне также устремились въ слѣдъ за непріятелемъ, также кричали hilf Gott, и заставили Нѣмцевъ смѣяться. Маржеретъ признается, что и самъ онъ и Розенъ бѣжали: après quelque résistance que firent les dits étrangers, tout tourna le dos. См. и Паерле, увѣряющаго, что Россіяне умышленно обратили тылъ и заманили непріятеля подъ картечи; что они убили однакожь не болѣе трехъ человѣкъ, и ранили человѣкъ пять; что Самозванецъ, когда вѣтромъ разнесло дымъ, снова хотѣлъ ударить на нихъ, но что Козаки, подкупленные Годуновымъ, измѣнили Царевичу, ушли, и заставили его также искать спасенія въ бѣгствѣ; что усильно оборонялись только 4000 пѣшихъ Козаковъ (Cosakische Knechte) у пушекъ, убили множество людей и всѣ легли на мѣстѣ. —

(284) См. Бера и *Никон. Лът.*

(285) То есть, 400 тысячь нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера и Розрядн. Кн.

(286) См. Петрея 302.

(287) См. Паерле и Дѣла Польск. No. 27, л. 92.

(288) См. Маржерета, Бера и Хронографы.

(289) См. Хронографы и Отвѣты *Литовскихъ* Пословъ въ Архивѣ К. И. Д. г. 1606.

(290) См. Паерле.

(291) См. Отвѣты *Литовск.* Пословъ. Они говорили, что К. Тапевъ требовалъ очной ставки съ Борисовымъ сановникомъ, Огаревымъ, который еще находился тогда въ Варшавѣ, но что Сигизмундъ не хотѣлъ принять его (Тапева).

(292) См. Бера и Паерле. Самозванецъ свидѣтельствовался К. Иваномъ Мспиславскимъ, Андреемъ Щелкаловымъ и мнимымъ своимъ Докторомъ, также умерпимъ.

(293) См. *Ростов.* и *Никон. Лът.* Объ упружденіи войска см. Маржерета 117.

(294) См. *Ростов.*, *Никон. Лът.* и другихъ.

(295) См. выше.

296) См. Петрея, называющаго Корелу волшебникомъ.

(297) См. *Ростов.*, *Никон. Лът.* и проч.

(298) См. Бера и Хронографы.

(299) См. *Ростов.*, *Никон. Лът.* и проч.

(300) См. Бера.

(301) См. Паерле и Гревенбруха.

(302) См. Гревенбр. 18, и де-Ту кн. 135, спран. 50.

(303) См. Хронографы.

(304) Въ письмѣ Лжедимитрія къ Мнишку отъ 11 Мая (см. Нѣмцев. Т. II, спран. 530): «По написаніи «сего письма гонцы привезли намъ вѣсть изъ Ливенъ, «отъ тамошняго Воеводы, что 29 (13) Апрѣля Бо«рисъ торжественно принималъ иноземцевъ» (въ другомъ мѣстѣ сказано: Датскихъ пословъ): «вдругъ «полилась у него кровь изъ носу, изъ ушей, и нѣкая «сила (sila nieiaka z Maiestatu go porwawszy) свергла «его съ престола, ударила о землю — и такимъ «образомъ бѣдно скончалъ дни свои.» См. Бера, Лубѣнскаго B. C. 31, Пясецкаго Chron. 265, де-Ту кн. 135, спран. 50. Въ *Ростов.*, *Никон. Лът.* (и въ другихъ): «Царю Борису вставшу изъ-за стола по«слѣ кушанья, и внезапу пріиде на него болѣзнь лю«па и едва успѣ поновитись и посприщись, и бывъ «два часа въ той же болѣзни, и скончася.» Далѣе см. Окружную Грамоту Патріарха Іова, въ *Собран. Г. Г.* II, 189. Грамоту Росп. Митр. Кирилла о преставленіи Бориса и Розряд. Кн.: Паерле сказываетъ, что Борисъ умеръ въ Золотой палатѣ.

(305) См. Хронографы, Морозов. Лѣт. и Бера Маржеретъ и другіе приписываютъ сію незапную

смерть удару. Лубѣнскій (Op. Posth. 32) обвиняетъ Петра Басманова, будто бы уже подкупленнаго Самозванцемъ, въ отравленіи Годунова.

(306) См. грамоту Рост. Митрополита къ Архим. Усольск. Введенскаго монастыря (полученную мною отъ А. И. Ермолаева).

(307) См. *Собр. Г. Гр.* II, 192. Единственно изъ уваженія къ матери Царской именовали ее въ государственныхъ бумагахъ прежде Ѳеодора: такъ въ молитвахъ церковныхъ поминали Ирину прежде Бориса; такъ и въ присягѣ Лжедимитрію сказано: «цѣ-«лую крестъ Государынѣ своей, Царицѣ и В. Кня-«гинѣ, Инокѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ вс. Рус. и приро-же-«ному Государю своему, Ц. и В. К. Дмитрею Ива-«новичу вс. Рус.» (тамъ же, 202). Мать не имѣла никакой *государственной* опеки надъ Ѳеодоромъ.

(308) То есть, Ѳеодору присягали и какъ наслѣднику и какъ Царю. Далѣе см. Хронографы и Лѣтоп. Кубасова (*въ Рус. Достоп.* I. 174.

(309) См. выше, спран. 83.

(310) См. Бера.

(311) См. *Никон. Лът.* и Хронографы.

(312) См. Маржерета 122. Число означено имъ здѣсь по Нов. Спилю. Мстиславскій и Шуйскіе тотчасъ уѣхали въ Москву, не объявивъ войску о смерти Борисовой. См. также *Никон. Лът.* 65 и Бера.

(313) См. Хронографы.

(314) См. *Никон. Лът.* 65.

(315) См. The Rus. Imp. спран. 61; и Пясец. Chron. г. 1605.

(316) См. въ *Собр. Госуд. Грамотъ* II, 196, письмо Отрепьева къ Мнишку отъ 24 (14) Мая.

(317) См. Нѣмцев. D. P. Z. III, T. II, 531 (въ письмѣ Разстриги къ Мнишку отъ 1 Мая) и Дѣла Польск. No. 27, *л.* 93.

(318) См. Нѣмцев. II, 529, въ письмѣ Разстриги къ Мнишку отъ 1 Мая.

(319) См. *Никон. Лът.* 65, и Отвѣты Липов.Ословъ въ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ; а Маржер., безъ со-

мнѣнія несправедливо, именуетъ Салтыкова въ числѣ вѣрныхъ Воеводъ.

(320) См. Паерле.

(321) См. *Никон. Лът.* и другихъ; также и рукописное *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ.*

(322) Такъ у Бера и Маржерета (по Нов. Спилю); а въ *Сказаніи* означено 9 число. См. также Хронографы.

(323) Такъ пишетъ Беръ. Паерле говоритъ, что Розенъ приспалъ къ измѣнникамъ.

(324) См. *Никон. Лът.* 66.

(325) Лжедимитрій въ письмѣ къ Мнишку отъ 1 Мая подписался еще *Царевичемъ*, а въ другомъ отъ 14 Мая уже *Царемъ* (см. Нѣмцев. II, 529).

(326) Ихъ было съ нимъ до тысячи, какъ сказано въ Отвѣтахъ Пословъ Липовскихъ. См. также Петрея 308 и въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, II, 196, письмо Отрепьева къ Мнишку.

(327) См. *Ростов.* и *Никон.*, *Лът.* 66.

(328) См. письмо Отрепьева въ *Собр. Г. Г.* II, 196, Маржерета 123, Гревенбруха 23, и Отвѣты Липовскихъ Пословъ.

(329) См. Маржерета и Гревенбруха 24.

(330) См. *Ростов.* и *Никон. Лът.* Въ концѣ 1604 года Орловскимъ Воевод. былъ Ѳед. Анд. Яропкинъ; но когда Мстиславскій и Шуйскіе осадили Кромы, тогда велѣли быть *въ Орлѣ* Ѳедору Шереметеву (см. Розрядн. Кн.).

(331) См. Хронографы и *Никон. Лът.*

(332) См. Отвѣты Липовскихъ Пословъ и *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ.*

(333) См. Маржерета и Бера.

(334) См. Розрядн. Кн., *Никон. Лът.* и Бера.

(335) См. Хронографы и Бера.

(336) См. Бера.

(337) См. *Никон. Лът.*, Маржерета 124 и Бера.

(338) См. Хронографы.

(339) См. Бера.

(340) См. Т. IX, 429, и Т. X, 6.

(341) См. *Никон. Лът.* и Розряд. Книги.

(342) См. Розряди. Кн. и *Никон. Лът.* 68.

(343) См. грамоты Лжедимитріевы къ Россіянамъ отъ 11 Іюня (въ *Собр. Г. Г.* II, 200).

(344) См. грамоту Іова къ народу по воцареніи Василія Шуйскаго (о коей въ XII томѣ). См. также и *Никон. Лът.* 68.

(345) См. *Никон. Лът.* и Бера.

(346) См. *Никон. Лът.* 69. Въ The Rus. Impostor такъ описывается послѣдняя бесѣда несчастной Маріи съ сыномъ и дочерью: «О дѣти милыя, безцѣн-
«ный плодъ взаимной, нѣжной любви вашихъ родите-
«лей! о радость и тоска моя! обнимите меня . . .
«такъ будемъ ждать смерти люто̀й! Но можетъ
«быть, злодѣй, отнявъ у насъ способъ вредить ему,
«удовольствуется своею добычею, и еще позволитъ
«намъ жить въ горести . . . Нѣтъ! спокойствіе
«злодѣя требуетъ гибели того, кто оскорбленъ имъ
«столь жестоко!» и проч.

(347) См. *Ростов.* и *Никон. Лът.*, и Степен. Кн. Лапухина.

(348) См. *Никон.* и *Ростов. Лът.* — Петрей собственными глазами видѣлъ на мертвыхъ знаки удавленія (см. его M. Chr. 314),

(349) См. современ. *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*, Хронографы, Бера и Морозов. Лѣт. — Въ одномъ рукоп. извѣстіи о Самозванцѣ прибавлено, что онъ, будучи Монахомъ Чудовскимъ, видалъ Ксенію въ церкви. На гробницахъ Маріи Годуновой и Ѳеодора означенъ день ихъ убіенія: 10 Іюня (такъ и въ Хроникѣ Петреевой).

(350) Такъ сказано въ одномъ изъ Хронографовъ.

(351) См. *Никон. Лът.*, Морозов. Лѣт. Въ монастырѣ Св. Варсонофія находилось родовое кладбище всѣхъ Годуновыхъ. Онъ былъ между Срѣтенкою и Рожественкою, гдѣ нынѣ церковь Вознесенія.

(352) См. Отвѣты Сигизм. Пословъ въ Арх. К. И. Д.

(353) См. выше, въ описаніи измѣны Воеводъ подъ

Кромами, также Опвѣпы Сигизм. Пословъ и *Никон. Лът.* 68.

(354) См. *Собр. Г. Грамотъ*, II, 200 — 203.

(355) См. The Russian Impostor, стран. 78, письмо Лжедимитріево къ Англ. Агенту Мерику изъ Тулы отъ 8 Іюля, и письмо сего послѣдняго къ Лжедим. въ Архивѣ К. И. Дѣлъ.

(356) См. Бера, *Никон. Лът.* 70 и рукоп. *Сказ. о Самозв.*

(357) См. Бера.

(358) См. Гревенбруха 24, де-Ту CXXXV, 52, The Rus. Imp. 76, Петрея 314 и Бера.

(359) «И Патріархъ или Митрополитъ,» пишетъ Гревенбрухъ: вѣроятно, Грекъ Игнатій, Святитель Рязанскій, который сдѣдался Патріархомъ (см. ниже).

(360) См. Петрея, Бера и *Никон. Лът.* 70.

(361) См. *Лътоп. о Мятеж., Ростов.* и *Никон.*

(362) См. Морозов. *Лѣт.*

(363) См. Бера и Петрея 317.

(364) См. Морозов. *Лѣт.*

(365) См. *Собр. Г. Г.* II, 206 и слѣд., также Посл. Списокъ Чиновниковъ въ *Рос. Вивл.* XX, 77.

(366) *Ист. Рос. Іерар.* I, 122, и Хронографы.

(367) См. Т. X, стран. 198.

(368) См. Архив. Розрядн. Книгу No. 109.

(369) См. Хронографы, *Собран. Г. Грамотъ* II, 250 и 261; также Миллера Samml. R. G. V, 275.

(370) См. *Собр. Г. Г.* II, 261, Бера и Гревенбруха.

(371) См. *Указатель Рос. Законовъ*, I, 129.

(372) См. въ Legende de la vie et de la mort de Demetrius (писанной однимъ купцемъ иноземнымъ, свидѣтелемъ Лжедимитріева убіенія, и напечатанной въ 1606 году въ Амспердамѣ, книжкѣ рѣдкой и любопытной); также въ *Собр. Г. Гр.* II, 259, 260.

(373) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ* II, 207.

(374) См. Бера и Петрея 319.

(375) См. Маржерет. 142.

(376) См. *Собран. Г. Грамотъ* II, 261.

(377) См. въ соврем. рукописи, получ. мною отъ

А. И. Ермолаева, *Челобитную и похвалу*, писанную Благовѣщенскимъ Пропопопомъ Терентіемъ къ *Царю Димитрію*. Франц. переводъ грамоты Іерусал. Патріарха Софронія къ Лжедимитрію находится въ Моск. Арх. К. Ин. Дѣлъ.

(378) См. Т. X, стран. 200. *Ростов.*, *Никон.* и другія лѣтописи и Степен. Кн. Лапухина.

(379) Бывшій Выксинскій монастырь отъ Череповца въ 25 верстахъ, а отъ Москвы до сего города (прямою дорогою, чрезъ Дмитровъ, Кашинъ и проч.) менѣе 500 верстъ.

(380) См. грамоту Царицы - Инокини Марѳы къ Воеводамъ (въ *Собран. Г. Грамотъ* II, 307).

(381) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ.

(382) См. Паерле.

(383) См. Отвѣты Сигизм. Пословъ, Legende 4, Бера, Пепрея 318 и Маржерета 126.

(384) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307.

(385) См. Маржерета 126.

(386) Де-Ту CXXXV, 55, и Вассенб. G. Vlad. IV, 19.

(387) См. Бера и Пепрея 319.

(388) Янъ Бучинскій, въ Авг. 1605 пріѣхавъ къ Лжедимитрію гонцемъ отъ Мнишка, остался въ Москвѣ. Другой Бучинскій назывался Станиславомъ. Былъ еще третій Полякъ Секретаремъ у Самозванца: Станиславъ Слонскій, который ѣздилъ съ Ав. Власьевымъ въ Краковъ (см. ниже).

(389) См. Маржерет. 129.

(390) См. Бера и Пепрея 320.

(391) Де-Ту CXXXV, 55.

(392) См. Dyaryusz wesela z Maryna,, писанной Діаментовскимъ, въ Нарушев. Hist. J. K. Chodkiewicza. Т. I, стран. 244 и 435, въ примѣч. 54.

(393) См. Бера и Пепрея 320.

(394) Беръ разсказываетъ, что у Лжедимитрія были лучшія Англ. собаки для медвѣжьей правли, борзыя, гончія; что будучи съ Боярами въ селѣ Тайнинскомъ, онъ велѣлъ спустить съ цѣпи медвѣдя,

сѣлъ на него верхомъ и въ одно мгновеніе убилъ сего яростнаго звѣря.

(395) Legende 8.

(396) Тамъ же 7 и 29 (о распочительности Самозванца).

(397) *Собран. Г. Грамотъ* II, 261.

(398) См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra, въ письмахъ Альбертранди.

(399) См. ниже, въ описаніи Маринина въѣзда въ Москву.

(400) Де-Ту CXXXV, 52. Ниже упомянемъ о развалинахъ сего дворца Борисова. Лжедимитрій велѣлъ сломать его какъ жилище кудесника или чародѣя.

(401) См. Rzeczy Polsk. w Moskwie za Dymitra, также Bankiet Hospodara Moskiew., Нѣмцев. Dzieie Panow. Zygmunta III, T. II, 578.

(402) См. современную рукописи. *Повѣсть о Б. Годуновѣ и Разстригѣ*, и Хронографы, также Вагнера Gesch. des Russ. Reichs 129.

(403) См. Авр. Палицына 24, Морозов. *Лѣт.*, Бера и Петрея 318, и *Собран. Г. Грамотъ* II, 243.

(404) См. Петрея 370, Хронографы и Legende 6 и 25.

(405) См. *Сказаніе, еже содѣялся* и проч., также *Ростов.*, *Никон. Лѣт.*, Хронографы и Бера.

(406) См. Маржерета 127, и Хронографы.

(407) См. *Сказаніе, еже содѣялся*, Бера и Паерле.

(408) См. Маржерета, 127.

(409) См. Маржерета, Legende 6, *Никон. Лѣт.* 72, и Авр. Палицына 21. К. Александръ Ив. Шуйскій умеръ въ 1601 году.

(410) См. Авр. Палицына 21, 23, Legende, спран. 25, Степен. Книгу Лапухина, Морозов. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* 72 и *Сказаніе, еже содѣялся.*

(411) См. Палицына 21, Стп. Кн. Лап. и Мороз. Л.

(412) См. Палицына 22 и Хронографы.

(413) Въ Генв. 1606: см. Бера, Legende 7, Петрея 322, Маржерет. 128.

(414) См. Авр. Палицына 23.
(415) См. тамъ же.
(416) См. Legende 8.
(417) См. *Соб. Г. Гр.* II, 211, 221; *Столпы* и Дѣла Пол. г. 1605, No. 26, и Нѣмцев. D. P. Zygm., II, 532 – 534.
(418) См. Д. Пол. No. 26, л. 251, 269, и No. 27, л. 99, 100.
(419) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 218.
(420) См. тамъ же, 223, 231, 249, 272. Александръ Рангони былъ въ Москвѣ отъ Сент. до Ноября 1605. Лжедимитрій писалъ къ Папѣ 30 Ноября, другое письмо въ Декабрѣ, и послалъ къ нему Іезуита Лавицкаго въ началѣ 1606 года; а Папа писалъ къ Маринѣ 3 Дек. 1605 и въ Апрѣлѣ 1606 (убѣждая ее содѣйствовать всѣми силами введенію Латинской Вѣры въ Россіи) и еще двѣ грамоты къ Самозванцу 11 Февр. и 10 Апр. 1606 (см. Выписки Альбертрандіевы изъ Ватиканской Библіотеки л. 659 670, и Нѣмцев. Dz. P. Zygm. III, T. II, 554). Послѣдняя грамота, вѣроятно, уже не дошла до Лжедимитрія.
(421) Legende 7.
(422) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 266.
(423) См. выше, послѣ 212 примѣчанія.
(424) Въ Авг. 1605: см. *Собран. Г. Гр.* II, 213.
(425) См. въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 221 и 224.
(426) См. тамъ же, стран.–226.
(427) Секретарю Лжедимитріеву, Яну Бучинскому, въ Генв. 1606 (см. тамъ же, стран. 259).
(428) См. Czeczy Polskich w Moskwie za Dymitra.
(429) См. Нѣмцев. Dz. P. Zygm. III, T. II, 534, Poselstwo Kn. Moskiew. Dymitra.
(430) См. тамъ же, стран. 553.
(431) См. тамъ же, стран. 539 – 554, въ сказаніи очевидца о Маринином обрученіи.
(432) Питупъ (см. Гревенбруха 32 и Пясецк. 223), что сіи дары, вмѣстѣ съ присланными Мнишку и ближнимъ его, стоили 200,000 червонцевъ!!

(433) См. Rzeczy Polskich za Dymitra etc. Сему сказанію очевидца слѣдовалъ я въ означеніи дней.

(434) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 241.

(435) См. Нарушев. Hist. J. K. Chodkiewicza, I, 245. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 263.

(436) См. тамъ же, 227, 236, Rzeczy Polskich, и выше въ сей *Исторіи* около примѣч. 219.

(437) См. Rzeczy Polskich и Dyaryuszy въ Нѣмцев. II, 556.

(438) См. Морозов. *Лѣт.*

(439) См. Маржереп. 128, 129.

(440) См. Авр. Палицына 24 и Морозов. *Лѣт.*

(441) См. Хронографы и *Повѣсть о Разстригѣ.*

(442) См. Паерле.

(443) См. *Соб. Г. Гр.* II, 261, и Маржереп. 129.

(444) См. Бера и Петрея 325.

(445) См. Авр. Палицына 24.

(446) См. Гревенбруха, Legende и Бера.

(447) См. Бера, котрый самъ говорилъ проповѣдь въ Кремлѣ 11 Мая.

(448) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 300 и No. 27, л. 41, и Маржереп. 132. А. Палицынъ называетъ Лжецаревича Петра холопомъ Свіяжскаго Головы Спрѣлецкаго, Григорья Елагина.

(449) См. *Legende* 29.

(450) См. *Никон. Лѣт.* 80.

(451) См. *Соб. Г. Гр.* II, 263, и ниже, рѣчь Шуйскаго къ заговорщикамъ.

(452) См. Бера.

(453) См. выше, около примѣч. 246.

(454) См. ниже, и Авр. Палицына 26.

(455) См. Нѣмцев. II, 579, и Кельха 494.

(456) См. А. Палицына 26, и Дѣла Крымск. сего времени въ Архивѣ Кол. И. Д.. Объ стороны хотѣли мира.

(457) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 303.

(458) См. Бера, Петрея., де-Ту, Нѣмцев. и Наруш.

(459) Это было въ Великій постъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 297, Бера, *Никон.*, и *Мороз. Лѣт.*

(460) См. Аврам. Палицына 25 и Маржереп. 130.

(461) См. *Никон. Лът.* 73. Въ 1612 г. бывшаго Царя Симеона, названнаго въ Инокахъ Спефаномъ, перевели въ Монаспырь Кирилловъ Бѣлоезерскій (см. *Лът. Соловец.*).

(462) См. Маржереп. 130 и *Сказаніе, еже содѣяся.*

(463) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 275, 277, 281, 282, 284, и Rzeczy Polskich etc. Власьевъ, ждавъ Мнишка въ Слонимѣ, пріѣхалъ къ нему въ Самборъ.

(464) См. Нѣмцев. II, 556, въ описаніи Маринина пупешесптвія, и Rzeczy etc., См. шакже Бера.

(465) См. описаніе Маринина пупешесптвія.

(466) См. Rzeczy etc., 26 Апрѣля.

(467) Тамъ же. — Аѳ. Власьевъ уѣхалъ напередъ въ Москву изъ Смоленска, и выѣхавъ опять на встрѣчу къ Маринѣ близъ Вязмы, вручилъ ей опъ жениха алмазную корону, драгоцѣнную повязку на шляпу и проч.

(468) См. Журналъ М. пупешесптвія. Рѣчь Самозванца см. въ Паерле. См. шакже Rzeczy Polskich etc.

(469) См. шамъ же.

(470) Тарелокъ обыкновенно не подавали.

(471) См. Rzeczy Polskich.

(472) См. въ наказѣ Яну Бучинскому. (*Собр. Г. Гр.* II, 229).

(473) См. шамъ же, 268. Всѣ супруги Великихъ Князей были Греческой Вѣры — и дочь Виповпова. — Марина, какъ увидимъ, исполнила шребованія Лжедимипріевы.

(474) См. *Сказаніе, еже содѣяся.*

(475) См. Бера, Пепрея 328, Legende 9, Маржереп. 134, Гревенбруха, де-Ту, и Rzeczy Polskich.

(476) Безъ возницы: каждую лошадь велъ богапо одѣпый конюхъ. См. описаніе Маринина пупешесптвія. (Нѣмцев. II, 562).

(477) См. Бера и Пепрея; шакже выше въ семъ Томѣ, около примѣч. 360.

(478) См. описаніе Мар. пупешесптвія, въ Нѣмцев. II, 564.

(479) См. *Legende* 9.

(480) Беръ нишетъ, что сей домъ Годунова находился въ Кремлѣ близъ дворца и Патріаршаго дома.

(481) См. Авр. Палицына и *Сказаніе, еже содѣяся.*

(482) См. Бера и Петрея.

(483) Они въѣхали въ столицу за часъ до Маринина въѣзда (см. Rzeczy Polskich).

(484) См. *Никон. Лет.* 73.

(485) См. Журналъ Пословъ Сигизмундовыхъ.

(486) См. *Никон. Лет.* 73.

(487) См. Legende 10.

(488) См. Rzeczy Polskich etc. и Нѣмцев. II, 565, гдѣ сказано, что Маринѣ не дозволили слушать Латинскую Обѣдню и въ день Пятидесятницы (по Новому Календарю Пасха была въ сей годъ 26 Марта Нов. Стиля).

(489) Legende 28.

(490) См. Rzeczy Polskich etc.

(491) См. Журналъ Пословъ Сигизмундовыхъ.

(492) См. Rzeczy Polsk. и де-Ту 74.

(493) Написано, вѣроятно ошибкою, 500,000 рублей: см. Rzeczy Polsk. Лжедимитрій подарилъ еще шестю богатыя сани и прекрасную лошадь, которая, везя его во дворецъ, упала, въ предзнаменованіе бѣдствія, какъ пишутъ.

(494) См. Дѣла Польск. No 26, л. 112.

(495) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 334.

(496) См. Нарушев. Hist. I. K. Chodk. I, 247, и Rzeczy Polsk.

(497) См. *Собран. Г. Гр.* II, 289 и слѣд., Rzeczy Polsk. и Dyarúdsz Пословъ Литовскихъ, гдѣ сказано, что Лжедимитрій совѣтовался съ Боярами, какое вѣно назначить Царицѣ въ случаѣ его смерти, и положилъ, съ ихъ одобренія, дать ей Новгородъ и Псковъ; сказано также, что знатнѣйшіе изъ сановниковъ присягнули Маринѣ еще до ея вѣнчанія.

(498) Сей золотой тронъ, украшенный, какъ сказываютъ, тысячами камней драгоцѣнныхъ, былъ присланъ Шахомъ Царю Іоанну: см. Петрея 339.

(499) Въ Журн. Литов. Пословъ сказано, что Россіяне въ теченіе двухъ дней присягали Маринѣ. Вассенбергъ пишетъ, что въ храмѣ Успенія были съ нею Духовникъ ея Савицкій и другой Іезуитъ Черникъ (или Черниковскій), который говорилъ ей привѣтственную рѣчь на языкѣ Латинскомъ (см. Нѣмцев. II, 280.)

(500) См. The Rus. Impostor 99 и Петрея 339.

(501) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 293. За сполома сидѣли только *до третьей пятвы.*

(502) Однимъ изъ *главныхъ* упрековъ Лжедимитрію былъ тотъ, что онъ, не крестивъ Марины, вѣнчалъ ее Царскимъ вѣнцемъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307).

(503) См. тамъ же. стран. 298.

(504) См. Журналъ или Dyaryusz *Литов.* Пословъ.

(505) См. Rzeczy Polsk.

(506) См. Журналъ Литов. Пословъ.

(507) См. Бера, Петрея, Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polsk.

(508) См. Legende 13.

(509) См. *Собран. Г. Гр.* II, 293, Журн. Лит. Пословъ и R. Polsk.

(510) То есть, жена Князя Дмитрія.

(511) См. Rzeczy Polsk. и Нѣмцев. II, 576.

(512) См. описаніе Царскаго пира въ Нѣмцев. II, 576.

(513) См. тамъ же.

(514) См. Журн. Лит. Пословъ и Rzeczy Polskich.

(515) О привѣтливости Марины, въ день ея въѣзда въ Москву, сказано въ Legende 9.

516) См. Гревенбруха 38.

(517) См. *Сказаніе, еже содѣяся.*

(518) См. Журналъ Литов. Пословъ.

(519 См. *Сказаніе, еже содѣяся*, Журналъ Литов. Пословъ и Гревенбруха. 38.

(520) См. выше, около примѣч. 458.

(521) См. выше, около примѣч. 491, Гревенбруха 37 и The Rus. Impostor 105.

(522) См. Бера, Петрея 340 и *Сказаніе, еже содѣяся*. Нарушевичь (въ Histor. J. K. Chodkiew. I, 247) говоритъ: «Поляки, употребляя во зло благосклон- «ность къ нимъ Царя, сдѣлались надменными, алчными «корыстолюбцами, грабителями, распутными; пре- «зирали Россіянъ и Вѣру ихъ.» Кобѣржицкій (стран. 67) приписываетъ своимъ единоземцамъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, libidinem, insolentiam, cupidinem, avaritiam; то же говоритъ и Пясецкій.

(523) См. Гревенбруха 49.

(524) См. Бера, Петрея 332, *Сказаніе, еже содѣяся*, и Степен. Кн. Лапухина.

(525) См. Бера, де-Ту CXXXV, 77, The Russ. Impostor 101, Гревенбруха 59 и Пясецк. Chron.

(526) Петрей 333: «Въ церковь за нимъ ходятъ «Ляхи съ собаками.» См. также Хронографы.

(527) См. Бера, *Собран. Г. Грамотъ*, II, 309, и *Сказаніе, еже содѣяся*.

(528) 20,000, по сказанію Пясецкаго.

(529) См. Бера и Петрея 341.

(530) См. А. Палицына 27, *Собран. Г. Гр.* II, 309, Журн. Липов. Пословъ, и *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ* и *Разстригѣ*.

(531) См. Rzeczy Polsk. и Журн. Лип. Пословъ; также Маржер. 136.

(532) См. Бера и Rzeczy Polskich.

(533) См. Legende 15.

(534) См. Rzeczy Polskich.

(535) См. Журн. Пословъ Липов. и Rzeczy Polskich.

(536) См. *Сказаніе, еже содѣяся*.

(537) Беръ говоритъ: «въ 3 часу упра» — Маржеретъ: «въ 6 часовъ» — Legende: «въ 7 часовъ» — въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «свѣтающу упру и *восходящу солнцу:*» слѣдственно въ 38 минутъ 4 часу.

(538) См. Legende 16 и *Сказаніе*.

(539) См. Бера, Петрея 342, Legende 17, Паерле и Rzeczy Polskich. Слѣдуемъ Беру въ описаніи главныхъ обстоятельствъ.

(540) См. Бера и Петрея.

(541) См. Legende. Маржеретъ былъ нездоровъ, какъ онъ сказывалъ Испорику де-Ту. О слугахъ и музыкантахъ см. въ Журналѣ Пословъ Липовскихъ.

(542) См. Бера, Пепрея 344, и Журналъ Пословъ.

(543) Беръ сказываетъ, что Лжедимитрій вышелъ было къ мятежникамъ съ палашемъ (или Турецкою саблею, какъ пишутъ другіе), но видя ихъ множество, ушелъ назадъ; что они вырубили нѣсколько досокъ въ стѣнѣ; что тѣлохранители говорили: «мы всѣ вмѣстѣ могли бы спасти Царя, если бы «имѣли оружіе не только для красы и вида;» что Самозванецъ, не останавливаясь, пробѣжалъ мимо комнатъ Мариниыхъ (или, какъ говоритъ Паерле, давъ женѣ совѣтъ укрыться) въ каменный дворецъ, откуда выпрыгнулъ въ окно. Паерле сказываетъ, что тутъ во время свадьбы были сдѣланы подмостки, съ которыхъ упалъ Разстрига. Въ Legende: «Димитрій сталъ противъ народа, хотѣлъ драться, «засучилъ рукава своей рубашки, требовалъ меча, «обыкновенно передъ нимъ носимаго; но хранитель «сего меча или тесака скрылся.»

(544) См. Журналъ Пословъ Липовскихъ.

(545) См. Бера, Пепрея, Паерле, Журналъ Пословъ Липовскихъ и Степен. Кн. Лапухина. — Дѣла Польск. No 26, л. 187 на об.: «Его злодѣя (Разстригу) облича «взяли изъ хоромъ, убили, и была въ тѣ поры при «немъ въ хоромахъ, и то видѣла, какъ его убили, «дочь Воеводина» (Марина.) Такъ говорилъ Панамъ Сигизмундовымъ нашъ Посланникъ, К. Волконскій, въ Авг. 1606 года.

(546) См. Дѣла Польск. No 26, л. 5 и 83.

(547) Тамъ же, л. 5.

(548) См. Бера.

(549) См. Журналъ Липов. Пословъ и Паерле.

(550) См. Бера.

(551) См. тамъ же, Дѣла Польскія No 26, л. 83, и грамоту Бояръ (см. *Собран. Г. Г.* II, 300).

(552) См. *Сказаніе, еже содѣялся.*

(553) См. Бера, Legende, Журналъ Липов. Пословъ и Петрея.

(554) См. Rzeczy Polskich.

(555) См. Legende. — Убитый Іезуитъ, именемъ Помасскій, былъ Самборскимъ Настоятелемъ и Королевскимъ Секретаремъ: см. Litterae Annuae S. I. an. 1606, стран. 721 и слѣд., гдѣ сказано: «Въ домѣ «данномъ намъ по милости Димитрія, съ тѣмъ, «чтобы учредить въ оном Коллегію Общества, «Россіяне выломили двери... Наши братья ушли въ «домъ къ Польскимъ купцамъ,» и проч. Далѣе см. Rzecz. Polsk., Журналъ Липов. Пословъ, и Бера.

(556) См. Бера.

(557) См. Rzeczy Polskich.

(558) Тамъ же: Вишневецкій жилъ въ домѣ Боярина Степана Александровича Волошскаго, Господаревича Молдавскаго.

(559) См. Журналъ Пословъ Липов.

(560) См. Rzecz. Polsk.

(561) См. Бера и *Сказаніе, еже содѣяся.*

(562) См. Бера, который говоритъ, что Ляховъ убито 2,135. Маржеретъ: comme l'on tient, 1,705 Polonois massacrez. Въ Rzecz. Polsk.: «нашихъ убито, «по достовѣрному исчисленію труповъ, до 500 чело- «вѣкъ» (въ Журналѣ Пословъ Липов.: *до тысячи человѣкъ*) «а Русскихъ двое.» — Далѣе см. Журналъ Пословъ.

(563) См. Legende 21-23.

(564) См. тамъ же, стран. 23.

(565) См. Авр. Палицына и Морозов. Лѣт.

(566) См. *Legende* 23.

(567) См. Маржерета 147.

(568) См. Штраленберга Nord. und Ostl. Theil von Europa und Asia, 200-202, и Вагнера Gesch. des Russ. Reichs 154.

(569) См. де-Ту, CXXXV, 79, и The Russ. Impostor 116.

(570) См. *Никон. Лѣт.* 75, Аврам. Палицына и *Повѣсть о бывшихъ бѣдствіяхъ*, писан. на столпцѣ

для Патріарха Филарета и во многихъ мѣстахъ исправленную, вѣроятно, его рукою. Далѣе см. Бера, и Журналъ Пословъ Липов.

(571) Лжепатріархъ Игнатій не смѣлъ показаться, зная, какая участь ожидала его.

(572) См. Бера. Тѣло Басманова отдали К. Ив. Голицыну, его сводному брату. См. еще *Никон. Лът.* 75.

(573) См. Бера и Маржерет. 138.

(574) См. Бера и Степен. Кн. Лапухина.

(575) См. Журналъ Липов. Пословъ и Паерле.

(576) Предлагаемъ здѣсь извлеченіе изъ обстоятельнѣйшей повѣсти Жмудскаго Дворянина Товянскаго о мнимомъ Димитріи. Сія рукопись хранилась въ библіотекѣ Залускихъ (см. Нѣмцев. Dz. Panow. Zygm. III, T. II, 233) и напечатана въ *Жизнеописаніи Яна Петра Сапѣги* (Zycie I. P. Sapiehy) издан. въ 1791 году, въ Варшавѣ.— Разстригу признавали сыномъ Іоанновымъ: Маржеретъ, Гревенбрухъ, Паерле, неизвѣстный сочинитель повѣсти о Димитріи: narratio succincta de adversa et prospera fortuna Demetrii (см. Вихман. Sammlung, 1, 401) и нѣкоторые изъ Ляховъ; но достовѣрнѣйшіе Польскіе Историки: Пясецкій, Лубѣнскій, Кобѣржицкій, (кромѣ одного Вассенберга) или сомнѣвались или рѣшительно называли Разстригу обманщикомъ (см. Миллер. Sammlung R. G. V. 186). Знаменитый Замойскій называлъ явленіе мнимаго Димитрія *Теренціевою Комедіею:* Жолкѣвскій въ своихъ Комментаріяхъ также пишетъ о Самозванцѣ съ презрѣніемъ (см. Нѣмцев. Dz. P. Z. III, T. 11, стран. 300). Не говоримъ о мнѣніи новѣйшихъ Писателей, Треера, такъ называемаго *Нестесуранов* (или Гуйсена) и проч.

(577) Вассенбергъ въ Дѣяніяхъ Владислава IV (Gesta Vladislai IV, стран. 14) пишетъ, что мнимый Димитрій семь лѣтъ учился въ Іезуитской школѣ, и совершенно узнавъ Латинскій языкъ, вступилъ въ службу Адама Вишневецкаго (см. Нѣмцев. II, 259).

(578) См. выше, примѣч. 207.

(579) См. Лѣт. Никон., Морозов. и другія.

(580) См. Narratio succincta и проч. Тамъ сказано, что Августинъ, подставивъ на мѣсто Димитріево сына какой-то знатной женщины Estomen, ушелъ съ Царевичемъ въ монастырь къ Бѣлому морю, гдѣ и кончилъ дни свои Инокомъ.

(581) См. Гревенбруха. Такъ говорилъ и Самозванецъ: см. выше въ семъ Томѣ, около примѣч. 207, и Никон. Лѣт. VIII 58.

(582) См. Собран. Г. Г. Т. II.

(583) См. тамъ же и въ Хронографахъ.

(584) См. выше, около примѣч. 383.

(585) Тацит. Histor. кн. IV, отдѣл. 13.

(586) См. выше, около примѣч. 409.

(587) Петрей, 373. См. также о семъ важномъ случаѣ въ Нарушев. Histor. J. K. Chodkiew. I, 245.

(588) Такъ говорили нашимъ Боярамъ Послы Сигизмундовы: см. ихъ Отвѣты въ Архивѣ Кол. И. Д. и Dyaryusz или Журналъ.

(589) См. Бера: «Однажды убѣждалъ я Басманова «сказать мнѣ, *действительно ли всемилостивѣйшій «Государь нашъ* имѣетъ право на корону? Басмановъ, «въ присутствіи одного купца Нѣмецкаго, отвѣтствовалъ мнѣ съ полною довѣренностію слѣдующее: «*Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата: молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною; хотя онъ и не истинный Димитрій, однакожь истинный Государь нашъ, ибо мы ему присягали, и не можемъ найти Царя лучшаго.*» См. также Петрея 374.

(590) Петрей именуетъ сего Аптекаря, равно какъ и Лифляндскую Дворянку (стран. 373).

(591) См. Петрея, стран. 370.

(592) Беръ: «Многіе знатные Поляки увѣряли, «что онъ (Лжедимитрій) былъ побочный сынъ Коро«ля ихъ, Стефана Баторія. Янъ П. П. Сапѣга, однажды (въ 1609 году) за сполномъ превознося Рим«скую храбрость Поляковъ, сказалъ: *Мы дали «Русскимъ Царя бродягу, который именовался сы«номъ Іоанновымъ, на смѣхъ людямъ; теперь вто-*

«*рично даемъ имъ мнимаго Димитрія въ Государи,* «*завоевали для него уже половину земли ихъ, за-* «*воюемъ и другую: пусть лопнутъ съ досады, но* «*сдѣлаемъ, чего хотимъ. Я слышалъ это своими* «*ушами.*» См. и Маржерет. 158.

(593) См. выше, прим. 213.

(594) См. Маржерета 163.

(595) См. въ Собр. Г. Гр. II, 162, 228, 229.

(596) См. Маржерета 168.

(597) См. Пясецкаго 266—286.

(598) См. Маржерета 155.

(599) См. выше, прим. 201.

(600) См. выше, прим. 229.

(601) Дядя Лжедимитрія, Смирной Отрепьевъ, увѣрялъ въ Швеціи самого Карла IX, что сей обманщикъ былъ дѣйствительно сынъ его брата, Якова-Богдана Отрепьева, шалунъ не исправленный Монашествомъ; что онъ бѣжалъ въ Литву, научился тамъ всему нужному для воина, и по совѣту злыхъ людей, особенно какого-то Инока, вздумалъ назваться Димитріемъ. Такъ говорилъ Смирной уже по смерти Разстриги (см. Петрея 371).

Конецъ Примѣчаній XI Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XI ТОМА.

ГЛАВА I.

Царствованіе Бориса.

Стран.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла внѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные домы. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій. . . . . 1.

ГЛАВА II.

Блестящее властвованіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ.

Стран.

Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Випязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова . . 84.

ГЛАВА III.

Царствованіе Ѳеодора Борисовича.

Присяга Ѳеодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливаетпся. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣпеніе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Ѳеодора съ престола. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство . . . . . 171.

ГЛАВА IV.

Царствованіе Лжедимитрія.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступ-

Стран.

пленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ пренесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генрику IV. Милосердіе. Похвальное слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Въѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пиры. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры государственные. Замышляемыя потѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи.

Стран.

Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ . . . . . 193.